

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

№4 · 2023

КОНФЕРЕНЦИИ: познание, развитие, стабильность

Тема номера:

Конференции ЕАРПП-
события и осмысление

Людам про людей:

Интервью с Л.Черновой

Психоанализ культуры:

Смысловые пласты
анимэ

ЕАРПП

Национальное отделение
ЕСРР (Vienna, Austria)

Электронный периодический
(ежеквартальный) научно-
информационный журнал
«Пространство психоанализа
и психотерапии» ©

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
и Роспотребнадзоре.

Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация
развития психоанализа
и психотерапии» (ЕАРПП)
Свидетельство ОГРН
1186658093764 от 21.04.2020 г.

Подписка: бесплатно для
читателей. Для ознакомления
с номером достаточно зайти
на сайт <https://earpp.ru/>.

Для получения уведомлений
о выходе нового номера
подпишитесь на общую
рассылку сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com

Данные № 4 (12), 2023:
Дата выхода: 31 ltrf,hz 2023 г.

ISBN 978-5-6048201-9-3

ISBN 978-5-6048201-9-3

9 785604 820193

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор: Т.О.Тишкова

**Заместитель главного редактора,
куратор рубрик «События» и «Людам про людей»:**
Г. В. Гридаева

Научный редактор:
Я. И. Коряков

Редактор рубрики «Тема номера»:
Т. В. Мизинова

Куратор рубрики «Из мира науки»:
Х. Г. Фостиропуло

Куратор рубрики «Психоанализ культуры»:
О. Н. Яковлева

**Руководитель проекта «Звезды мирового
психоанализа»:** Т. А. Тармогина

Вёрстка: Е. Артемьева

Все права защищены.

Перепечатка текстов и иллюстраций только с разрешения
редакции. При цитировании ссылка на журнал «Пространство
психоанализа и психотерапии» обязательна.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. Редакция
не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Благодарности

Редакция журнала выражает благодарность
за добровольные пожертвования на развитие
проекта всем коллегам.

Спасибо! Ваша помощь важна!

Если вы хотите оказать изданию финансовую поддержку,
свяжитесь с Казначеем ЕАРПП Тишковой Татьяной
Олеговной
aloxa50@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

В завершающем номере года непременно хочется объединить самые важные события, широкими мазками отразить творческую и научную жизнь ЕАРПП. Появилась идея рассказать о научно-практических конференциях, которые проводят региональные отделения. Все конференции охватить, безусловно, не удалось, поэтому редакция продолжит публикацию статей, основанных на докладах участников конференций, обзоров, написанных нашими корреспондентами. А пока – увлекательное путешествие по просторам конференций ЕАРПП.

В рубрике «Людам про людей» читайте интервью Лилии Черновой, которое провела Наталья Сухова. В нем история становления регионального отделения ЕАРПП в Уфе и личная история специалиста тесно связаны.

Рубрика «Психоанализ культуры» традиционно наполнена яркими образами, мифами, иллюстрациями, интересными фактами.

Иллюстрации Полины Калашниковой, фотографа и художника, окрасили этот выпуск журнала мягкими полутонами. Постоянная трансформация простого в сложное и наоборот – такой способ иллюстратора рассказывать истории, которые воспринимаются без слов, на эмоциональном уровне.

Редакция благодарит всех, кто помогал собирать статьи, фотографии, уточнять факты, переводить тексты, благодаря нашей командной работе 12-й выпуск нашего журнала насыщенный и интересный.

Главный редактор Татьяна Тишкова

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

8

МОСКВА

XI МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«НОВЫЕ РЕАЛИИ — НОВЫЕ ГРАНИЦЫ? ИЗМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЯ НОРМЫ В ПСИХОАНАЛИЗЕ»

9

Яковлева О.Н.

Современный психоанализ: от теорий
причинности —
к теориям неопределённости

10

Барминов И.А.

Место силы

17

Соболев И.М.

К вопросу об абстиненции и бесконечности
аналитика

18

Юрасова Е.Н.

Очарование жанра BL: неосексуальность —
фантазии и реальность

32

Скинайя К.

Непрерывность и прерывистость
в психоанализе

43

Гайгер О.В.

Билингвизм – новые реалии
аналитической пары

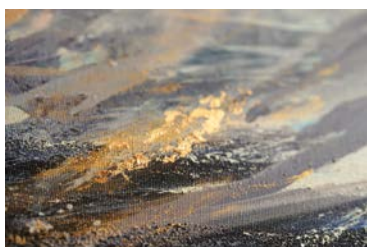
68

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ГРАНИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО. ФЕНОМЕН СОПРОТИВЛЕНИЯ СЕГОДНЯ»

90

Аулкина С.А.

Грани сопротивления аналитика 91

Савичева Е. П.

Властелин колец 101

Баракат З. П.

Сопротивление аналитика здоровому
слиянию с пациентом 108

Антонова М.Ю.

Голос аналитика как один из инструментов
разрешения сопротивления 112

Куликова М.Г.

Сопротивление группы гореванию после
открытого конфликта 117

Шарп У.

Мы можем поговорить о сексе?
Сопротивления и запретные темы 125

СОЧИ

II МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ

«МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ:
ТРАДИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ» 132

Скилкова И. В.

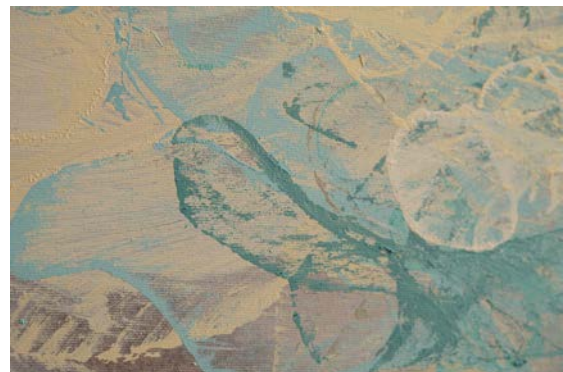
Профессиональное поле 133

Барминов И.А.

Впервые осуществиться самому 135

Колосовская А.С.

Андрогинность и образ идеального «Я» 138

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ГРУППОВОМУ АНАЛИЗУ «ВОЖАКИ СТАИ: СУДЬБА ВЛАСТИ В ГРУППЕ»	144
--	-----

Савичева Е. П.

Сизифов труд	146
--------------	-----

Тишкова Т. О.

Ребус отношений	154
-----------------	-----

Черкас П. О.

Мужчина как ценность в групповой психотерапии	163
--	-----

Гречко В.А.

Путь и предназначение группы	166
------------------------------	-----

Конкуренция в психоаналитическом профессиональном сообществе	173
---	-----

Селивёрстова А.Г.

К счастью или к сожалению, конкуренция есть.	174
---	-----

Мельникова Л.В.

О конкуренции с родительскими фигурами, отцеубийстве и братоубийстве.	175
--	-----

Колосовская А.С.

Сотрудничество и конкуренция в психоаналитическом профессиональном сообществе: что мы видим на практике	178
--	-----

II НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СЕКЦИИ
ДЕТСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА РО МОСКВА ЕАРПП
ДЕТИ НАРЦИССИЧНЫХ РОДИТЕЛЕЙ 180

Яковлева О.Н.

Дети галактики, созданной
мамой-Альфой 181

Матвеева Каринэ

Нарциссическая планета матери и ребенка 186

Яковлева О.Н.

Перверсии у подростков: атака на связь 197

ЛЮДЯМ ПРО ЛЮДЕЙ 209

Чернова Л. А.

Мы вместе строим новый дом 210

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ 222

Никитин И. Ю. Климович Д. Д.

Миф о Кадме.
Психоаналитическое прочтение. 223

Симонова А. В.

Аниме и современные подростки —
мода, болезнь, переходное пространство...
или искусство? 233

Черникова А. Ю.

«Наусика из долины ветров»
Хаяо Миядзаки 247

ИЛЛЮСТРАЦИИ 253

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ 255

ТЕМА НОМЕРА

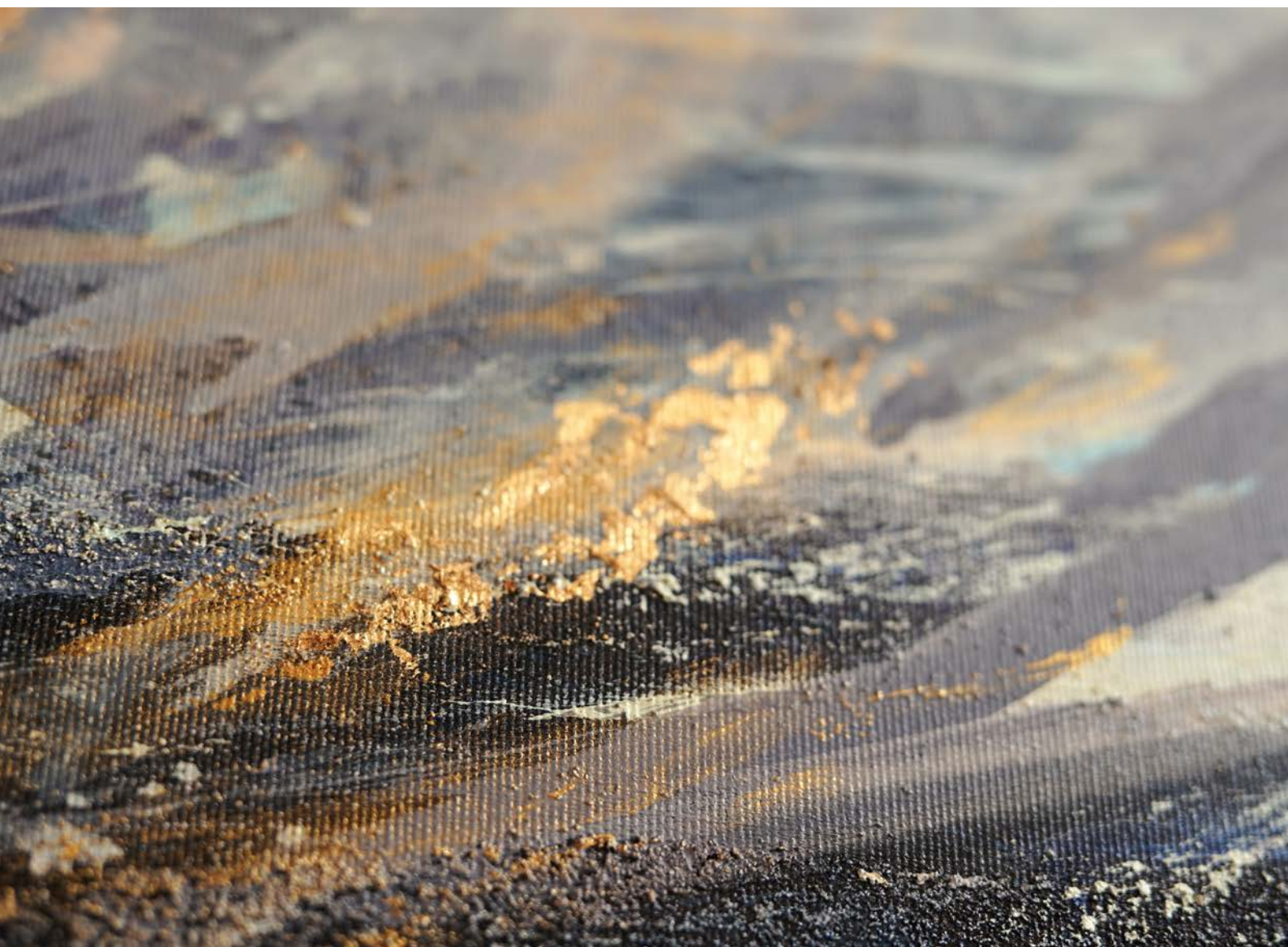
Ежегодные конференции региональных отделений ЕАРПП наполнены энергией, творчеством, открытиями. Каждая конференция имеет свое лицо, свой характер и послевкусие еще долго сохраняется. К сожалению, не все могут принять участие в региональных конференциях, поэтому публикация докладов – прекрасная возможность погрузиться в атмосферу научных дискуссий. Редакция приняла решение объединить несколько конференций, которые проводились в 2023 году, в завершающем номере, как итог научной деятельности нашей организации.

Предлагаем вашему вниманию обзор конференций в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Сочи.

МОСКВА

«НОВЫЕ РЕАЛИИ — НОВЫЕ ГРАНИЦЫ? ИЗМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЯ НОРМЫ В ПСИХОАНАЛИЗЕ»

XI МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Современный психоанализ: от теорий причинности — к теориям неопределённости

Яковлева Олеся Николаевна

- Психолог, психоаналитический психотерапевт
- член ЕАРПП (член правления РО-Самара)
- кандидат педагогических наук

Нам, аналитикам, интересны не столько сами перемены, сколько их смыслы – чем эти новые реалии становятся во внутрипсихическом мире личности, так как движущей силой психоанализа остаётся мысль о человеке, о его жизни и о его истории.

События, происходившие последние десятилетия, кардинально повлияли на многие общественные процессы и явления. Одним из наиболее значимых стало развитие интернета и появление особого вида пространства — онлайн-среды. Новое пространство имплицитно содержит в себе новые свойства, волей-неволей меняющие границы привычного, освоенного, желаемого и дозволенного — ощущение времени, расстояния, способов коммуникации, переживания собственной субъектности и т.д.

В этой связи оправданно изменили свою конфигурацию многие формы классики психоанализа, который, к слову, с первых дней своего становления и не претендовал на роль застывшей догмы, а всегда взывал к гибкости и творческим аспектам ума аналитика.

Следует помнить о том, что речь не идёт о пересмотре взглядов на ранее достигнутое понимание нормы в области психического функционирования человека (хотя, и здесь новые реалии пытаются диктовать свои законы, например, происходящая модификация традиционных воззрений на пол и гендер во многих западных странах).

Опираясь на психические категории (в том числе, нормы и патологии), психоанализ, как и прежде, работает с психодинамическими концепциями. Поэтому нам, аналитикам, интересны не столько сами перемены (перемены неизбежны), сколько их смыслы — чем эти новые реалии становятся во внутриспсихическом мире личности, так как движущей силой психоанализа остаётся мысль о человеке, о его жизни и о его истории.

Размышлениям над этим непростым вопросом и была посвящена XI межрегиональная психоаналитическая конференция «Новые реалии — новые границы? Изменение понятия нормы в психоанализе», прошедшая 3-4 июня 2023 г. в городе Москва.

Это были два дня, насыщенные размышлениями, погружением в идеи, в гипотезы, в актуальные вопросы теории и практики. По традиции первая половина дня была выделена на пленарные доклады, далее начали свою работу параллели (клиническая теория, клиническая практика, психосоматика). Вторым днём конференции начался с круглого стола, посвящённого журналу ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии», затем работали две параллели — секция детского психоанализа и секция групп-анализа, и после пленарного доклада Козимо Скинайя конференция завершилась круглым столом, подводившим итоги.

В какой временной плоскости (пространстве) работает аналитик, слушая человека по имени «Пациент»?

Подготовка к московской конференции организаторами традиционно начинается минимум за год. В ходе московских клинических суббот, связанных единой темой предстоящей конференции, успевают созреть и мысль, и чувство. Это потрясающий пример того, как начинает работать общее поле и рабочая группа. Отчасти по этой причине ежегодная июньская московская конференция — одно из самых значимых и знаковых событий в жизни ЕАРПП.

Несомненно, что и в этот раз тема конференции на годы вперёд задала новый исследовательский вектор в пространстве отечественного психоанализа. Удивителен, но, вместе с тем, не случаен тот факт, что в ходе пленарной части докладчики опирались на ведущие концепции, определяющие современную научную парадигму — теории сложных систем, теории хаоса, теории неопределённости и др.

Логика научного исследования, на первых этапах его осуществления, предусматривает обращение к общим методологическим уровням (философский и общенаучный уровни познания). Такое обращение выводит нас на метауровень в разработке конкретной исследовательской темы, позволяет применять общие закономерности в решении частной научной проблемы. В контексте обсуждаемой темы конференции — это трансформации, происходящие в психоанализе в свете современных общественных реалий, пересмотр традиционных границ в понимании нормы, соответственно, и в регулировании аналитического процесса в связи с новым пониманием.

Рассмотрим подробнее некоторые согласующиеся идеи ключевых спикеров пленарной части конференции.

Президент ЕАРПП Алина Алексеевна Тимошкина в ходе своего доклада «Групповая норма на разных уровнях коммуникации в поле групп-анализа» размышляла о связи процесса становления рабочей группы и динамики принятия ею норм групповой культуры (суммирующей из культуры отдельных индивидов — участников группы, группы как целого, культуры ведущего группы), по сути, о взаимосвязи пространственных и временных характеристик группы, как сложной нелинейной системы.

В групп-анализе групповая динамика определяется как совокупность групповых действий и интеракций, характеризующих развитие или движение группы во времени. Этот результат взаимодействия членов группы и воздействия внешнего окружения позволяет группе базовых допущений трансформироваться в рабочую группу. В квантовой физике есть понятие «вероятность перехода», характеризующее готовность системы перейти из одного стационарного состояния в другое под воздействием какого-либо возмущения. Терапевтическая группа в норме постоянно стремится к взаимной осознанности и расширяющейся коммуникации. Чем Вам не представление о постоянно расширяющейся Вселенной?

Ранняя Вселенная представляла собой высокооднородную и изотопную среду с необычайно высокой плотностью энергии, температуры и давления. В результате расширения и охлаждения Вселенной произошли фазовые переходы. Механизм очень похож на групп-аналитический процесс: непереносимые пиковые эмоции расползаются по всем участникам, остывают и становятся пассивным материалом для построения нового себя.

Во Вселенной существуют объекты с уникальными свойствами, такие как чёрные и белые дыры. Внутри каждой чёрной дыры пространство-время упаковано в сингулярность. Чем Вам не групповая матрица?

Чёрные дыры могут быть воротами портала в отдельные части нашей Вселенной и других Вселенных. Белые дыры, которые всё отдают, открывают возможность путешествий во времени. Чем Вам не регресс в детство?

В определённых условиях червоточина в Космосе, как эмоциональный контакт участников группы, может соединять две точки во времени вместо двух точек в пространстве. Чем вам не перенос?

Наши теории – это постоянно
меняющиеся формы озарения,
придающие форму и очертания
опыту в целом.

Психоанализ точно имеет
свойство сингулярности.

Объект, «проглоченный» чёрной дырой (групповой матрицей), может пройти через червоточину и исторгнуться белой дырой в другой области времени или пространства. Горизонт событий с края чёрной дыры — групп-аналитическая ситуация. Связь «белая дыра — ход чёрной дыры» похожа на трансформацию психики.

Как ни парадоксально,
в психоанализе именно
незнание – главный инструмент
познания.

Где находится сингулярность? Область под горизонтом событий, в которой пространство-время предельно искривлено, плотность всего стремится в бесконечность; в эту область есть вход, но нет выхода. Психоанализ точно имеет свойство сингулярности.

Наше бессознательное и есть Космос.

А применимы ли нормы к Космосу? Каковы они? Возможно, понятие нормы в психоанализе — это о смене флуктуаций (о постоянных изменениях).

Алина Алексеевна отметила, что обсуждаемая на конференции тема не случайно возникла в групповой матрице. Вероятно, после стольких событий, последнее время потрясающих отечественное пространство, пришло время найти рубежи и опоры. При этом, опоры должны быть гибкими, но устойчивыми. Границы психотерапевтической работы призваны удерживать различные полюса, отличать — где нормальное горе, а где бездонное, словно чёрная дыра, растянувшееся отчаяние. Достаточно ли в нас, аналитиках, опоры и представлений, чтобы выдерживать этот бездонный Космос? На что мы можем опираться, учитывая относительность пространства и времени?

Вторя размышлениям над этими вопросами, звучал доклад Елены Петровны Савичевой «Читая Гийома Мюссо».

Что есть время для человека, психика которого на протяжении всей жизни непрерывно находится, как в настоящем, так и в будущем, и в прошлом? В какой временной плоскости (пространстве) работает аналитик, слушая человека по имени «Пациент»? А главное: как слушает и кого — человека настоящего, человека прошлого или человека будущего? Чем вам не искривление времени-пространства в космических одиссеях?

В этот «танец» и должен прийти тот, кто не знает — психоаналитик.

Как ни парадоксально, в психоанализе именно незнание — главный инструмент познания. Когда внутренний мир пациента видится неисследованной Вселенной, аналитик, расширяя связь настоящего с прошлым, содействует воспоминаниям. Будучи связанными в моменте сессии и в промежутках между сессиями, мы вместе формируем будущее.

«Очень важной перспективой развития современного психоанализа и психоаналитика является его творческая одарённость», — отмечает Елена Петровна, — психоанализ начинает примыкать к творческим способам освоения реальности, к искусству сотворения авторских историй. Открытие творческих источников в аналитике и пациенте является современной дорогой в будущее, становится критерием нормы в технике психоанализа.

Докладчики предлагали нам осмыслить такие понятия, как норма, границы, реальность с различных точек зрения и полюсов сборки элементов сложной

Этика психоанализа предполагает
игнорирование желаний
и постоянное поддерживание
чего-то открытого, принципиально
до конца непознаваемого.

системы. Елена Петровна задала вертекс эстетического постижения (полюс переживания). Алина Алексеевна говорила о поведении отдельных элементов нелинейной системы в разрезе групповой динамики, о сложности взаимодействия систем, когда сумма двух никогда не равна сумме их характеристик, о флуктуациях между нормой индивида в личном анализе и в групп-анализе.

Полюс однозначно «не нормального» в анализе был обозначен в докладе Бориса Александровича Ерёмина «Зло».

Что есть главное зло в психоанализе и в чём состоит наибольшая его сложность? Что является главным искушением для аналитика?

Чрезвычайно заманчиво найти путь определенности, точности и уверенности, который направляет практику любой дисциплины, особенно запутанную психоаналитическую практику. Борис Александрович привёл цитату выдающегося физика Дэвида Бомы, который писал о том, что «наши теории — это постоянно меняющиеся формы озарения, придающие форму и очертания опыту в целом». Поэтому, если мы будем пытаться постоянно цепляться за только что обретенное, пусть и ценное, «понимание», мы рискуем быть ограниченными этим видением. Это можно выразить так: опыт общения с природой очень похож на опыт общения с людьми. Если подойти к другому человеку (как объекту исследования) с точной «теорией» о нем, то этот человек ответит тем же, и таким образом, «теория», очевидно, будет подтверждена опытом.

Сложные системы конфигурируются множеством нелинейных, необъяснимых объектов, в отличие от простых, линейных систем, которые являются объяснительными и диагностическими, в то время как открытые системы в основном регулируются принципом неопределенности и его следствиями в наблюдениях. Намного легче моделировать и понимать процессы в закрытых системах («идеальных», оторванных от жизни моделях). Психоанализ, по сути, является открытой системой.

Конечно, в случае с «психикой» проблема ещё сложнее, поскольку мы имеем дело с символическими пространствами с различными логическими кодами или уровнями реальности. Категория сложности — это сугубо человеческая характеристика (стоит только вообразить сложности спонтанной мысли или цепочки свободных ассоциаций), а самые головокружительные вычисления менее сложны, чем «самые маленькие нежности».

Для достижения творческой интерпретации аналитик должен терпеть и выносить следующие предельно сложные психические состояния: неопределенность его работы, неполноту его интерпретаций, бесконечность его поля, неразрешимость его наблюдений, негативность его внимания, свою собственную уникальность и уникальность пациента и, наконец, сложность психоаналитического объекта.

Психоанализ начинает примыкать к творческим способам освоения реальности, к искусству сотворения авторских историй. Открытие творческих источников в аналитике и пациенте является современной дорогой в будущее, становится критерием нормы в технике психоанализа.

Этика психоанализа предполагает игнорирование желаний и постоянное поддержание чего-то открытого, принципиально до конца непознаваемого.

Согласно принципу сингулярности или уникальности, аналитическое наблюдение включает в себя этический идеал, которым является сообщение открытий. Но, поскольку, они возникают, в первую очередь, в сфере аналитических отношений, они должны приобрести особенность истории каждого анализируемого.

Очень заманчиво соскользнуть на дорогу определённости — фундаментализма (раз и навсегда приобретённой уверенности в какой-либо идее), строить свои гипотезы только вокруг этих фундаментальных идей, не доверяя собственным творческим способностям познания. Однако следует помнить, что фундаментализм связан с завистью, которая не терпит различий и проникает в человека в форме сравнения. В свою очередь, терпимость к различиям требует активности цезур и сложного мышления.

Доклад Галины Витальевны Гридаевой «Зависть в психоаналитической паре: по ту сторону нормы»¹ аккомпанировал идеям предыдущего доклада. Галина Витальевна

Чрезвычайно заманчиво найти путь определенности, точности
и уверенности, который направляет практику любой дисциплины,
особенно запутанную психоаналитическую практику.

акцентировала наше внимание на тех признаках, которые высвечивают зависть в психоаналитической паре в начале, в середине и на завершающем этапе терапии; на том, как в процессе анализа омnipотенция и желание иметь все и сразу трансформируются в способность быть на своем месте, к зрелой обработке зависти.

Одной из особенностей науки, как сферы деятельности, является непрерывное исследование собственного научного аппарата, средств постижения реальности, обработки результатов, иными словами, репрезентирование своей практики. Это особенно важно, так как не отрефлексированные ошибки репрезентации оказываются препятствием для доступа к реальности. Этим занимается философия науки (такие её разделы как эпистемология и методология).

Примером такой рефлексии, прежде всего, аналитического мышления (которое создаёт структуру для аналитической практики) являлся доклад Ильи Михайловича Соболева «К вопросу об абстиненции и бесконечности аналитика». Занимая эпистемологическую позицию по отношению к некоторым идеям У. Биона, Х. Кохута, М. Балинта, Ф. Бромберга, С. Митчелла, Р. Гроссмарка и др., докладчик обосновывает свои размышления о стремлении аналитика к полному отказу от своей субъектности в психоаналитическом процессе. Например, в контексте идеи У. Биона о том, что аналитик должен стать бесконечным для пациента, отказавшись от воспоминаний и желаний (препятствуя слишком быстрому насыщению «О» и освобождая многочисленные вертексы).

1 Текст доклада читайте в выпуске журнала №2, 2023 г.

Тогда проблемой здесь выглядит сама позиция аналитика — он остается, пусть и «достаточно хорошим», но, все-таки, отделенным от пациента контейнером, будучи не в силах избежать своей же пре-концепции о контейнере и контейнируемом. Аналитик с неизбежностью ока-

зывается захваченным этой бинарной оппозицией, подчиняющей его мышление: он остается внутри этой бинарности отдельно существующим аппаратом для улавливания психических процессов пациента и их алфавитизации. Пусть я сейчас резервуар, а ты содержимое, пусть граница между нами постоянно флуктуирует, мы все равно скованы логикой тотализации: так как, если я являюсь этим — ты с неизбежностью становишься тем. Если я больше не аналитик, не контейнер, и у меня больше нет ни имени, ни истории, — сидящий напротив меня становится воплощённым величием и нищетой одновременно, бесконечными и абсолютно недоступными моему сознанию; я больше ни на что не претендую, и мне остается только отдать себя в полное его распоряжение, предоставить ему возможность решать за меня: кто я, что я здесь делаю, чего боюсь и о чем мечтаю.

Только тогда возможна встреча с бессознательным, так как перед нами открывается совсем другой горизонт понимания бессознательного, в настоящее время скованного образом диады или, что то же самое, сообщающихся замкнутых сосудов. В эпоху квантовой физики мы уже не можем мыслить бессознательные процессы при помощи подобных метафор. Однако подобные метафоры всё ещё преобладают в поле аналитической деятельности, несмотря на то, что такой взгляд на взаимодействие в паре «аналитик-пациент» не дает возможности соприкоснуться с бесконечностью в бессознательном, то есть видеть в нем особое пространство с неуклонно увеличивающейся размерностью.

Несомненно, хотелось бы уделить докладам (и пленарным, и секционным) ещё больше внимания. В настоящей обзорной статье мне удалось отразить лишь часть идей и толику общих смыслов, пронизывающих московскую конференцию.

Мы от всей души благодарим докладчиков, любезно предоставивших тексты своих выступлений, чтобы мы имели возможность ещё раз самостоятельно погрузиться в их чтение и размышления.

Не отрефлексированные ошибки
репрезентации оказываются
препятствием для доступа
к реальности.

Место силы

Барминов Иван Алексеевич

- Врач, психоаналитический психотерапевт
- Член ЕАРПП
- Родился в г. Калуга, всегда интересовался тем, как устроен внутренний мир людей. Иногда из удивительных историй, наполненных сложными противоречивыми чувствами, рождаются сюжеты книг

Для меня посещение ежегодной Московской психоаналитической конференции ЕАРПП является своеобразной традицией, и я регулярно думаю о том, почему это так.

Наверное, эта конференция является местом силы для меня, как для маленького мальчика впервые сделанный в лесу шалаш является символом стремления к автономности. Или как для маленькой девочки поход к однокласснице, чтобы посмотреть попугая, является отражением бессознательного желания уменьшить опеку матери.

Кроме того, научная программа этого мероприятия, определённо, служит мне источником вдохновения на весь год.

Групп-анализ, зависть, зло, и зачем читать Мюссо,

Вдруг куда-то в бесконечность наши мысли унесло.

Нормы, бизнес и журнал, и доклад я прочитал,

А в конце нам итальянец что-то сложное вещал!

Причём, это не всегда связано с темами собственно докладов, но также и с теми мыслями, которые эти доклады активируют в нас самих. Например, в этом году меня поразило, как мы с коллегами эмоционально начали делиться друг с другом, как нам было скучно слушать Козимо Скинайю, как он неправ в своих подходах, и как, по нашему мнению, стоит на самом деле относиться к отношениям с клиентами и к психоанализу. Взглянув на нас как бы со стороны, я заметил, что именно доклад Скинайи вызвал у нас продуктивную внутреннюю реакцию – мы начали формулировать свои мысли, а значит, он оказался очень полезен для нас.

И есть третья осознаваемая причина, по которой я так регулярно посещаю эту встречу – общение с единомышленниками, некое «закулисье». Не всё из происходящего в этом поле возможно озвучить для публикации в журнале, однако, могу сказать, что я был приятно удивлён и в хорошем смысле заражён тем, как другие психоаналитики думают, выражают свои мысли и чувства. Таких положительных эмоций в профессиональном поле, как здесь, пожалуй, я не получаю более нигде. Мне удалось и познакомиться с новыми интересными людьми, и увидеть уже знакомых с новых сторон, а также укрепить давние дружеские связи. Огромное спасибо всем за это!

К вопросу об абстиненции и бесконечности аналитика

Соболев Илья Михайлович

• член ЕАРПП

Клиническая картина психических расстройств, начиная с 17-18 веков, значительно меняется, а психоанализ в некотором смысле фиксирует эти метаморфозы.

Психоаналитики, безусловно, придают огромное значение изучению раннего телесного опыта, но редко задумываются о том, каким образом психоанализ стал, в принципе, возможен, и почему он остается возможным и сейчас. Какие тектонические сдвиги в социокультурном поле могли привести к открытию психоаналитических истин? Очевидно, что матери, отцы и дети были всегда, но психоанализ родился только на стыке 19-20 столетий. Означает ли это, что раньше проблемы, сопряженные с детской воображаемой телесностью, были недоступны научному видению, но так же сильно влияли на психическое развитие, как влияют сейчас? Достаточно вдуматься в это, чтобы обнаружить наивность и поверхностность такого взгляда на вещи. Конечно, речь не идет о том, что психоанализ вдруг обнаружил нечто от века сокрытое, скорее, западное мышление уже было подготовлено к актуализации вопроса о бессознательном и новой интерпретации психопатологических явлений во многом за счет картезианского сдвига.

Р. Декарт, впрочем, как и З. Фрейд, ничего принципиально нового не открывает, но высвечивает или собирает то, для чего

уже подготовлена почва. Эффект картезианского поворота к моменту кристаллизации фрейдовской мысли достигает высшей точки. Клиническая картина психических расстройств, начиная с 17-18 веков значительно меняется, а психоанализ в некотором смысле фиксирует эти метаморфозы. С одной стороны, психоанализ, если ориентироваться на точку зрения М. Фуко и Ж. Деррида, становится новой возможностью что-то сказать о безумии, претендуя на научную объективность и невовлеченность. С другой стороны, психоанализ сам несет в сердцевине своего дискурса то самое безумие, предлагая субъекту сомневаться в мотивах собственных поступков. При этом хорошо видно, как попытки адептов психоанализа объяснить безумие сами по себе становятся все более безумными. Это и есть основной эффект картезианского расщепления, влияния которого на психоанализ, аналитики чаще всего, к сожалению, не замечают. Некоторые, из них, например, Р. Столороу, размышляя об этом, придерживаются поверхностной интерпретации наследия декартовой мысли и заявляют, что традиционная фрейдистская теория проникнута картезианским «мифом об изолированном разуме», а современный постфрейдовский психоанализ, якобы, преодолевает этот разрыв. Если

Хорошо видно, как попытки адептов психоанализа объяснить безумие сами по себе становятся все более безумными. Это и есть основной эффект картезианского расщепления, влияния которого на психоанализ, аналитики чаще всего, к сожалению, не замечают.

говорить кратко, мысль Р. Декарта действительно увеличивает трещину в бытии, внося в него еще больше противоречивости и сумятицы. Причём, это уже прослеживается в текстах самого Р. Декарта, который вынуждает нас разбираться с двусмысленностью своего философского посыла, основание которого лежит в мире грез. Хорошо известно, что Р. Декарт в ночь с 10 на 11 ноября 1619 года увидел три странных сновидения. Именно их анализу, как указывает в своем исследовании С. Фокин, обязано начало научного пути французского мыслителя. «10 ноября, когда я был преисполнен энтузиазма и открывал основания восхитительной науки» — записал сам Р. Декарт. Любопытно, что по просьбе историка идей М. Леруа одно из этих сновидений в переписке с ним прокомментировал З. Фрейд. Далее я хочу сослаться на любопытную работу А. Смуклянского об акте высказывания, в которой он обращает внимание на двусмысленность суждений Р. Декарта. В одном из своих размышлений о методе Р. Декарт призывает нас безоговорочно и без лишней рефлексии принимать правила «чужого монастыря», раз уж нам довелось там оказаться. Но уже буквально в следующем пункте он настаивает на необходимости держаться своего собственного мнения, если оно кажется нам наиболее разумным в данной ситуации. Более того, Р. Декарт утверждает, что мы в некотором роде не отвечаем за свою речь, поскольку рассуждение, которое судит о некотором предмете, и рассуждение, которое берет на себя ответственность за предыдущее

рассуждение, никоим образом друг с другом не связаны. Это странно, так как привычное представление о картезианстве предполагает как раз обязательный контроль одного уровня сознания над другим, а также возможность понимать, как наше «Я» действует. Психоанализ ни в коей мере не преодолевает этого расщепления, а как бы вырастает из него, в полной мере сохраняя в себе его эффекты, впрочем, так же, как и квантовая физика. Я бы даже сказал, что психоанализ углубляет эту трещину, продуцируя все более и более странные, сложные и своеобразные объяснения психической реальности, и настаивает при этом на научности своего подхода.

(Из интервью с Рене Жираром.

Ги Лефор: Некоторые сожалеют о редукционистском характере вашей теории.

Рене Жирар: Мне нечего на это ответить. В этом вопросе я полностью разделяю позицию К. Леви-Стросса. Либо научное исследование редукционно, либо его не существует вовсе).

Наряду с появлением работ Р. Декарта на рубеже 16 и 17 столетий происходит несколько знаковых событий, по сути, ставших выражением существенного разворота в западном мышлении. Это, в первую очередь, рождение двух великих художественных произведений: «Гамлета» Уильяма Шекспира и «Дон Кихота» Мигеля де Сервантеса с разницей примерно в 5 лет. В этих текстах уже обнаруживаются свидетельства того, что картина душевных недугов претерпела серьезные изменения, и отныне они должны пониматься иначе — то есть, уже тогда все было готово к появлению психоанализа, чьи идеи засверкали 300 лет спустя. Но чуть раньше в 1860 году И.С. Тургенев выступил с известной речью, посвященной «Гамлету» и «Дон Кихоту». Кстати, психоаналитикам стоит внимательнее прислушиваться к слову, которое, казалось бы, так далеко отстоит от их привычного мира — это позволяет время от времени проводить ревизию устоявшихся и одновременно отяжелевших от излишней терминологии идей и концепций. И.С. Тургенев: «Мы сказали, что одновременное появление «Дон Кихота» и «Гамлета» показалось нам знаменательным. Нам показалось, что в этих двух типах воплощены две коренные, противоположные особенности человеческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится». И в другом месте: «Эти две силы косности и движения, консерватизма и прогресса — суть основные силы всего существующего. Они объясняют нам растение цветка, и они же дают нам ключ к уразумению развития могущественнейших народов». Итак, две силы: косности и движения — вот что психоаналитик должен, прежде всего, держать в своей голове. Понятно, что речь не идет об очередной классификации или типологии характеров. Косность и движение, разделение и соединение — суть, основные и элементарные принципы организации жизни как таковой. Если они не становятся для нас путеводной нитью, мы рискуем

Две силы: косности и движения —
вот что психоаналитик должен,
прежде всего, держать в своей
голове.

Мы не должны забывать о "бритве Оккама". Этот методологический принцип экономии мышления позволяет не преумножать сущее без надобности.

окончательно потеряться в круговерти современных психоаналитических концептов. Только из этой точки может открываться смысл сложных психопатологических явлений, только через эту призму могут рассматриваться вопросы диагностики и переноса. Рефлексия этих элементарных принципов должна предшествовать изучению альфа-функции, проективной идентификации и других аспектов клинического опыта. Это отлично понимал Э. Минковски, разрабатывая свой проект феноменологической психиатрии, в частности концепт «синтонии — шизоидии». Это интуитивно понимала и М. Кляйн, описывая параноидно-шизоидную и депрессивную позиции. При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем в этих описаниях не что иное, как движение от чего-то или движение к чему-то, ту самую косность или готовность к изменениям, что формирует две базовые структуры психики: обсессивную и истерическую. Проблема кляйнианского психоанализа в том, что сама М. Кляйн, предпочитая использовать категориальный аппарат психиатрии, создала прецедент для соответствующего тренда в современном психоаналитическом мышлении. В результате мы получили вариант «психиатрического психоанализа», концептуально еще более запутанный и противоречивый. Поэтому, обращаясь к неокляйнианским подходам, стоит придерживаться вышеуказанных ориентиров, дабы окончательно не заплутать в свойственной психоанализу логике сумасшествия. Мы не должны забывать о «бритве Оккама». Этот методологический принцип экономии мышления позволяет не преумножать сущее без надобности. Иными словами, предпочтительны более простые объяснения явлений, нежели сложные, если первые это явление объясняют достаточно хорошо.

Эту проблему можно проиллюстрировать и по-другому, а именно двумя позициями относительно истины, лежащими в основании западного мышления. Из первой начинается так называемый сократический диалог. Он предполагает постепенное раскрытие истины (приближение к ней — это единственный ориентир: взгляд участников диалога как бы вынесен вовне; он в большей степени расположен в приближающейся к истине точке или, напротив, удаляющейся от нее, и почти не затрагивает самих участников, определяя их в зависимости от удачи или неудачи на пути поиска истины). Истина здесь становится в конечном итоге припоминанием в платоновском смысле, а ее поиск — восхождением к тому месту, где она от века сокрыта. Вторая позиция, условно называемая софистической и берущая свое начало от Горгия, предполагает, что язык в целом всегда выговаривает истину, что он является, скорее, не инструментом ее выявления и не способом ее выявлять, а фармаконом, то есть, снадобьем, которое способно порождать в душе собеседника различные эффекты. Здесь мы, скорее, оказываемся в этическом и одновременно суггестивном поле, потому что говорящий с неизбежностью несет ответственность за то, что он сотворил с душой другого человека. Истина в этом случае определяется иначе — она не противопоставлена неистинному. Ее

проявление — это вера на слово, ослепление, а не кристальная прозрачность логического вывода; это устройство души по образу и подобию, мимикрия, соединение со словом другого без разногласия. Вышесказанное под другим углом отображает обсессивную и истерическую структуры и, соответственно, два измерения переноса, без учета которых последний, в принципе, не может быть рассмотрен.

Отсюда постепенно начнем переходить к вопросу о бесконечности и абстиненции психоаналитика. Как я уже упоминал, Р. Столоруу противопоставляет «классическую» фрейдовскую модель, которая, якобы, наследует, картезианскому разлому с обособлением познающего субъекта, экзистенциальной позиции М. Хайдеггера, восстанавливающей целостность переживания человеческим существом «бытия-в-мире». От М. Хайдеггера Р. Столоруу сразу перебрасывает ассоциативный мост к концепции Х. Когута, акцентируя внимание на одном из понятий хайдеггеровской философии, которое будто бы имеет отношение к «аффективности» и будто бы созвучно мыслям австро-американского психоаналитика. Одинаково поверхностно и наивно выглядят как его интерпретация зависимости фрейдовской модели от картезианского наследия, так и идея сближения размышлений М. Хайдеггера с более поздними психоаналитическими теориями. Тем не менее, именно таким образом готовилась почва для более поздних исследований в реляционном анализе, осуществлялись постепенный поворот к холистической точке зрения на происходящее в кабинете аналитика и попытки вернуть пациента миру. Но проблема в том, что психоанализ, в принципе, не в состоянии преодолеть своей собственной базовой конфигурации: отношения «аналитик-пациент» остаются замкнутой фигурой, несмотря на все наши интерпретативные усилия.

У. Бюн в работе «Внимание и интерпретация» пишет о том, что аналитик должен стать бесконечным для пациента. Предположим, но как это возможно? Без мысли, без желания и памяти, — продолжает У. Бюн. Складывается впечатление, что аналитик в бионианском смысле, отказываясь от воспоминаний и желаний (то есть от следов сенсорного опыта), все равно остается отгороженным от пациента — он как будто погружается в свой почти психотический мир свободно плавающей интуиции, что позволяет ему особым образом улавливать сообщения своего пациента и раскрывать максимум скрытых в них смысловых потенциалов, препятствуя слишком быстрому насыщению «О» и освобождая многочисленные вертексы. Проблемой здесь выглядит сама позиция аналитика — он остается, пусть и «достаточно хорошим», но, все-таки, отделенным от пациента контейнером. Дело в том, что бионианский аналитик не в силах избежать своей же прекоцепции или, другими словами, базового противопоставления: «контейнер — контейнируемое», в котором уже угадывается диктат тотализирующей логики. Аналитик с неизбежностью оказывается «схвачен» этой бинарной оппозицией, даже несмотря

Язык в целом всегда выговаривает истину, он является, скорее, не инструментом ее выявления и не способом ее выявлять, а фармаконом, то есть, снадобьем, которое способно порождать в душе собеседника различные эффекты.

Говорящий с неизбежностью
несет ответственность
за то, что он сотворил с душой
другого человека.

на ясное осознание взаимозаменяемости ее элементов. Он не чувствует, что эта пара подчиняет его мышление: какая бы степень проникновения не предполагалась для контейнера и контейнируемого, аналитик остается внутри этой бинарности отдельно существующим аппаратом для улавливания психических

процессов пациента и их алфавитизации. Пусть я сейчас резервуар, а ты содержимое, пусть граница между нами постоянно флуктуирует, мы все равно скованны логикой тотализации: так как, если я являюсь этим — ты с неизбежностью становишься тем. О том же самом пишет и Ж. Лакан, полагая, что субъект образуется в игре означающих, каждое из которых содержит в себе свою противоположность и таким образом определяет другое. Оттенки принуждения и конфликта здесь налицо. Но перенос, на мой взгляд, должен устанавливаться при отказе от самой логики бинарности, а не только от воспоминаний и желаний, как предлагает это сделать У. Бион. Иными словами, мысль У. Биона об абстиненции должна быть доведена до своего предела. Если я больше не аналитик, не контейнер, и у меня больше нет ни имени, ни истории, — сидящий напротив меня становится воплощенным величием и нищетой одновременно, бесконечными и абсолютно недоступными моему сознанию; я больше ни на что не претендую, и мне остается только отдать себя в полное его распоряжение, предоставить ему возможность решать за меня: кто я, что я здесь делаю, чего боюсь и о чем мечтаю. Только тогда возможна встреча с бессознательным.

Отдельно стоит сказать об отношении к переносу и абстиненции в реляционном анализе, развивающем концепции Х. Когута и М. Балинта. При всей моей симпатии к работе Филиппа Бромберга, Стивена Митчелла, Роберта Гроссмарка, Брюса Рейса и других их подход остается, на мой взгляд, слишком зависимым от идеи ранних нарушений эмоционального контакта с материнской фигурой, в частности, от идеи холдинга. Именно поэтому складывается впечатление, что «ненавязчивый» анализ, полностью лишенный интерпретативной активности в классическом понимании, — это удел глубоко нарушенных пациентов, не способных в принципе выдерживать вербальные интервенции в процессе анализа, направленные на объяснение и трактовку происходящего. При всей моей солидарности с позицией Р. Гроссмарка, я считаю, что кляйнианско-бионическая базовая матрица серьезно ограничивает обоснование инновационности его подхода к ведению пациентов. Недостаточность реверии матери, несформированность альфа-функции, провал холдинга, ложное селф, фрагментарность психического мира пациента — все это моментально отсылает нас к основной функции аналитика как компенсирующей ту или иную нехватку пациента. Реализация этой функции должна привести пациента к ощущению большей целостности и автономности своего существования. То есть, аналитик так или иначе принимает на себя материнскую роль, постепенно восстанавливая «поврежденные части селф» своих пациентов. Обычно мы не замечаем, что подобный подход значительно сужает поле рассмотрения тех или иных психических феноменов. В частности, понимание бессознательного ограничивается

циркулирующими в диаде «аналитик — пациент» «объектами», существующими в разных модусах.

Р. Гроссмарк в одной из своих статей пишет о том, что в работе реляционного аналитика нет полного отказа от своей субъектности, а есть лишь ее предоставление в частичное пользование пациенту. Осторожность этой мысли вполне понятна: Р. Гроссмарк находится внутри традиционной рамки современного понимания психоаналитического процесса. Аналитик выступает в качестве возвращающей среды, собирающей фрагментированную самость пациента. Под этим подразумевается, что и пациент, и аналитик вместе пребывают в некоем онейрическом состоянии, соответствующем материнскому реверси. Все ограничивается так называемыми диадными отношениями с формированием аналитического третьего — особого поля, которое и является, по сути, полем бессознательного. Таким образом, бессознательное перестает быть проявлением изолированной психики пациента и становится продуктом коммуникации между ним и самим аналитиком. Это, безусловно, можно назвать завоеванием современного психоанализа. Но, чтобы психоаналитическая мысль сохраняла свой пульс, необходимо радикализировать и это представление. Доведение той или иной идеи до своего предела позволяет увидеть происходящее более объемно и убедиться в том, что идея в своей высшей точке, с одной стороны, становится предельно простой, а с другой стороны уже содержит в себе все свои ограниченные частности. Поэтому, возвращаясь к Р. Гроссмарку, речь необходимо вести о стремлении к полному отказу от своей субъектности в психоаналитическом процессе. Невозможно мыслить ее как нечто, берущееся напрокат. Скорее, это должно быть так, как пишет М. Пруст (перевод М. Мамардашвили): «...Эту сущность, *essence*, высвобожденной, почувствованной жизни нужно уже не прятать снова под ложью. Не заботой произвести тот или иной эффект, не леностью, не ленивым прибеганием к заученным формулам, которые цветут вокруг, не припадками настроения физического индивида, которому не удастся забыть самого себя. Физический индивид, который не может забыть самого себя, который сохраняет в тот момент, когда он пишет, ощущение своего лица, своего рта, своих рук вместо того, чтобы превратить самого себя в пористую, пластичную, податливую материю, которая становится самым этим впечатлением, которая мимирует это впечатление, его воспроизводит, и все это нужно для того, чтобы иметь уверенность в том, что мы не изменили это впечатление и ничего к нему не добавили, и ничего не убавили...» В этом случае перед нами открывается совсем другой горизонт понимания бессознательного, в настоящее время скованного образом диады или, что то же самое, сообщающихся замкнутых сосудов. В эпоху квантовой физики мы уже не можем мыслить бессознательные процессы при помощи

Но проблема в том, что психоанализ, в принципе, не в состоянии преодолеть своей собственной базовой конфигурации: отношения «аналитик-пациент» остаются замкнутой фигурой, несмотря на все наши интерпретативные усилия.

Недостаточность реверии матери, несформированность альфа-функции, провал холдинга, ложное селф, фрагментарность психического мира пациента — все это моментально отсылает нас к основной функции аналитика как компенсирующей ту или иную нехватку пациента.

подобных метафор. Тем более, что идея третьего или невытесненного бессознательного, упомянутого З. Фрейдом, сегодня как никогда требует своего рассмотрения. Преобладающий в настоящий момент взгляд на взаимодействие в паре «аналитик-пациент» не дает возможности соприкоснуться с бесконечностью в бессознательном, то есть видеть в нем особое пространство с неуклонно увеличивающейся размерностью. Это хорошо видно на примере некоторых неоклянианских теорий, в частности в теории

Д. Мельцера. Его довольно интересные в целом идеи клауструма, зональной спутанности или адгезивной идентификации так или иначе касаются пространств привычной нам размерности (максимум четырехмерных), так как эти пространства, по сути, мыслятся по образу и подобию материнского тела с его очерченными границами, пусть и предполагающими проницаемость и периодическое смещение «внутреннего и внешнего». Принципиальная идея многомерности психического мира и бессознательного как бесконечных множеств, обозначенная У. Бином и получившая развитие в работах И. Матте Бланко, к сожалению, теряет свой герменевтический потенциал как только мы начинаем воспринимать психоаналитический процесс исключительно через призму раннего телесного опыта. Сама идея телесности с неизбежностью ограничивает размерность психоаналитического пространства и не дает нам видеть невидимое глазом в опыте взаимодействия с пациентом.

Что же мы не способны видеть в первую очередь? Например, то, что способна отразить бутылка Клейна, топологическая модель, матрица самоощущения современного субъекта, которая определяет характер его высказываний и психического реагирования в целом. Особенно наглядно это проявляется в крайне распространенных сейчас так называемых «панических атаках». Еще лет двадцать назад мы фиксировали периодические случаи этого расстройства. Сейчас оно становится своеобразным трендом, и связано это, конечно, не с тем, что изменился характер догенитального взаимодействия матери и ребенка. Мы наблюдаем в них своеобразное выворачивание наизнанку, где меняются местами внутреннее и внешнее. Но как именно? Субъект ищет убежища, столкнувшись с предчувствием бесконечности, уже просачивающейся в евклидово пространство его сознания. Характер восприятия в таком случае резко меняется. Клаустро-агорафобический комплекс ощущений — это обнаружение себя в тисках «замкнутого» пространства (неважно, что это: вагон метро или площадь в центре города). Проблема здесь даже не в наличии осязаемой, физически сковывающей границы, а в том, что перед субъектом встает вопрос бесконечно длящегося страха. Интересен выход, который в данном случае находит психика, представляющий собой типичный комплекс соматических симптомов: позывы на мочеиспускание, тошнота, тахикардия или сбой дыхательного цикла. Для чего все это нужно? Для того, чтобы скрыться, то есть

провести новую границу между внешним и внутренним, избегая таким образом ужаса перед бесконечностью, искажающей привычное ощущение пространственно-временного континуума. Тела становится слишком много и одновременно слишком мало (если говорить о его «поверхности»): то, что мы условно считаем нашими внутренними процессами, выворачивается и пытается занять центр сознания (например, ощущения в области сфинктеров), то есть в некотором смысле становится «внешним», но одновременно сохраняет характер вместилища, так как именно там теперь прячется «Я». А давящее отовсюду пространство, напротив, приобретает характеристики «внутреннего», так как тоже стремится завладеть сердцевиной сознания. Впрочем, это не точное описание, так как понятие сердцевины уже предполагает нечто внешнее. Скорее, здесь происходит полное отождествление с безграничным пространством — телесные контуры больше не обеспечивают безопасности субъекта. Тело как бы вбирает в себя необъятное пространство, охватывает его, причем необъятным оно может ощущаться, даже являясь физически узким. Чувство необъятности определяется не материальными границами, а кажущейся бесконечностью поиска выхода из него. Привычные границы тела с неизбежностью размываются, поэтому дереализация и деперсонализация — это типичное сопровождение панического приступа и гораздо более значимая его составляющая, нежели собственно тревога. Пациентка С. описывает улицу, на которой она оказалась впервые. Улица довольно узкая, ограниченная с двух сторон тесно стоящими домами. Паника нарастает очень быстро, возникает чувство отчужденности, нереальности происходящего, сильный позыв на мочеиспускание и вторичная тревога самоконтроля. В обсуждении становится понятно, что принципиально пугающим фактором является не узость пространства как таковая, а ощущение бесконечности уходящей куда-то вдаль улицы. Пациентка на этой же сессии показывает мне фотографию другого места, в котором она чувствует себя комфортно и безопасно. Это морской порт, окруженный по периметру портовыми кранами. Замкнутость пространства здесь, наоборот, оказывается спасительной.

Анализ пациентов с типичными паническими атаками показывает, что частые позывы на мочеиспускание, по сути, являются способом нанести разметку в пространстве, которое воспринимается бесконечным и пугающим. Пациенты составляют своеобразную дорожную карту, фиксируют, в каких местах есть туалеты и возможности выхода. Конечно, особенно опасными выглядят неисследованные и необжитые пространства.

В некотором смысле пациент, подверженный паническим атакам, буквально проживает то, что обычно нашим сознанием не схватывается — многомерность пространства, то есть выход за пределы евклидовых координат. Течения психического времени это также касается — оно меняет свой привычный ход. Отмечается резкое замедление в сочетании с мучительной спешкой вследствие потребности как можно быстрее покинуть текущее местоположение; исчезают проспективные и ретроспективные

В работе реляционного аналитика нет полного отказа от своей субъектности, а есть лишь ее предоставление в частичное пользование пациенту.

Бессознательное перестает быть проявлением изолированной психики пациента и становится продуктом коммуникации между ним и самим аналитиком. Это, безусловно, можно назвать завоеванием современного психоанализа.

характеристики времени, что усиливает подступающее ощущение бесконечности. Пациент К. недавно рассказал мне о том, как он гулял со своей девушкой по парку. Внезапно он поймал себя на воспоминании о том, что примерно год назад осенью он также медленно шел по другому парку, также накрапывал дождь, а на душе у него было тоскливо. Вспомнив об этом, он тут же почувствовал нарастающую тревогу, переходящую в панику; возникло ощущение, что все это повторяется, пришла в голову мысль о том, что ему снова может стать также плохо, как и тогда. Дорожка, по которой они шли, стала казаться ему мучительно бесконечной, захотелось как можно быстрее оказаться у себя дома. Пациент С. описывает свои панические состояния так: «я выхожу из дома, вижу камни, разбросанные по дороге; что-то заставляет меня начать их пересчитывать, но их слишком много, и я понимаю, что не смогу этого сделать; внимание переключается на оттенки их цвета, на количество граней у каждого камня; я чувствую необходимость удержать все это в своей голове, и тут на меня наплывает разьедающая смутная тревога, голова становится совершенно пустой, без единой мысли».

Это остается непрописанным у Д. Мельтцера: его клаустрем — это, по сути, зона женского тела с очерченными контурами — именно этим видением определяются основные содержания тревоги пациентов. Он обсуждает постепенное формирование пространственных ощущений, но как бы ни были интересны его мысли об адгезивной проективной идентификации и постепенном увеличении размерности жизненного пространства в процессе развития ребенка, само пространство у него получает статус максимум четырехмерного, включающего временной параметр. Связь с проблемой бесконечности им не рассматривается, что заметно снижает герменевтический потенциал его основного концепта. Д. Мельтцер в некотором роде сам остается внутри этого телесного вместилища, ограничиваясь исследованием фантазматической активности младенца. Даже описывая проблему зональной спутанности, он не покидает границ телесного и остается далек от понимания истинных механизмов продуцирования тревоги у современного субъекта.

Попробуем посмотреть на это другой стороны, как предлагает это сделать А. Смулянский. Вся речь в момент высказывания в современной западной культуре уже полностью дана. В некотором смысле уже все сказано — везде обнаруживаются тривиальные формы самых сложных и глубоких мыслей. Любая дискуссия

Аналитик выступает в качестве
вращивающей среды,
собирающей фрагментированную
самость пациента.

неизбежно сводится к банальности. Все истины уже находятся в доступе, они «уже у нас на языке» из-за постоянной циркуляции в масс-медиа. Пусть они представляют собой небольшие выдержки, цитаты или ссылки, они в любом случае в наличии у берущего слово. Отсюда эффект повторяемости, отсюда скука и ощущение «уже слышанного». Безмерность речевого пространства — удел современного субъекта. В этом океане становится жизненно необходимо формирование своей «идеологии» как опоры для субъектности.

В кабинете у психоаналитика разговор может быстро зайти в тупик: в каком-то смысле пациент уже все знает: любая интерпретация тривиальна, даже остановка сеанса в лакановском анализе. Для того, чтобы пациенту не стало скучно, чтобы у него не возникло ощущения «уже слышанного», должны сложиться особые условия контакта, иными словами, — должен возникнуть перенос. Истина приходит оттуда, откуда мы ее уже ждём. Чаще откуда угодно, только не от нас самих. Перенос — это истина, в первую очередь, в горгиевском понимании. Нужно подобрать зелье, чтобы речь проникала внутрь и оказывала терапевтический эффект. Здесь мы в сфере суггестии, но в отличие от директивных форм гипноза с фигурой психоаналитика происходит совсем другое — он должен незаметно исчезнуть. Гипнолог завладевает сознанием пациента, которое добровольно отдаёт себя его руководящему слову. Психоаналитик же «уходит», отказывается от своего слова, то есть, присутствует, не присутствуя, говорит он или молчит — это не так важно. Важно то, что он, мимикрируя, полностью настраиваясь на волну пациента, создает принципиальный эффект переноса: пациент не различает более свою и чужую речь, но происходит это незаметно для него самого. В этом случае только и возможно обнаружение пациентом «истины». Только так можно избежать мучительного чувства дурного повторения, вопреки тому, что психоаналитический процесс повторениями переполнен. Только так можно ускользнуть от осознания банальности произносимых психоаналитиком интерпретаций. Иными словами, если нет переноса, если психоаналитика слишком много, пациент очень быстро начинает понимать, что все интервенции могут быть сведены к паре-тройке довольно простых идей, повторяющихся и склоняемых на все лады в социальных сетях. Все уже сказано — экстракт любой теории уже здесь.

Каким же образом должна «работать» абстиненция психоаналитика, понятая не как его молчание, недоступность и эмоциональная нейтральность, а, скорее, как готовность полностью отказаться от всего своего в пользу другого? Этот радикальный шаг отступления не имеет ничего общего с непроницаемостью. Наоборот, то, что реляционный анализ называет инновационным (раскрытие аналитика), должно являться неотъемлемой частью аналитического процесса в принципе. Это трудно выражимая особая

Преобладающий в настоящий
момент взгляд на взаимодействие
в паре «аналитик-пациент»
не дает возможности
соприкасаться с бесконечностью
в бессознательном, то есть видеть
в нем особое пространство
с неуклонно увеличивающейся
размерностью.

подстройка, умение совпадать с пациентом. Другой, как абсолютная инаковость, одновременно и уязвимая, и довлеющая, требует только одного — полного отказа от себя и подлечения. В этом случае создаются условия для того, чтобы речь аналитика стала оплодотворяющей, и ей было позволено произвести изменения во внутреннем мире пациента. Оплодотворяющей, значит, нетривиальной, раскрывающейся веером смысловых оттенков, порождающей ощущения неожиданности и новизны. Иными словами, это избегание клауструма — здесь, кстати, можно заставить по-новому работать концепт Д. Мельцера, — то есть, избегания однообразия, повторяемости, замкнутости контура вербального контакта, банальности и примитивности. Аналитик не может всего этого сделать, проявляя профессиональное усердие, это может сделать только сам пациент, который остаётся в кабинете наедине с самим собой.

Клауструм возникает там, где аналитика слишком много, и дело не в количестве слов, которые он произносит. Речь идет именно об излишке присутствия собственного Я аналитика, который ведет работу в духе классического анализа переноса: например, опрашивает пациента на предмет имеющейся, но якобы тщательно скрываемой агрессии пациента к аналитику, или активно связывает различные паттерны реагирования пациента со своей персоной. В этом случае создаются условия для клаустрофобической ситуации вместо высвобождения новых смыслов. Клаустрофобической является не та

Сама идея телесности с неизбежностью ограничивает размерность психоаналитического пространства и не дает нам видеть невидимое глазом в опыте взаимодействия с пациентом.

ситуация, в которой работает жесткая цензура, скорее, наоборот — ограничительная рамка, как правило, способствует возникновению творческого импульса и поддерживает его энергию как раз за счет сковывания и давления. А вот настоящий клауструм возникает там, где может быть сказано все, где одно переплетается с другим, где все стремится к упрощению и легкому усвоению. В таком случае речь вынуждена вырабатывать самоцензуру, подчинять себя акту высказывания, который определенным образом ее организует и толкает на поиск своего же «идеологического» основания. Ужас перед неприручаемой бесконечностью — вот удел нашего нового секулярного мира. Ужас перед речью, которая дана вся сразу и целиком, в которой уже не ощущается никакой тайны — у такой речи не может быть иного удела, кроме как ее редукции к прописным истинам. В них она, наконец, нейтрализуется и становится безопасной, заходя на уже хорошо знакомый круг. Иными словами, клауструм возникает там, где речь, освобожденная от любых ограничений, пытается ограничить себя сама. Вот тогда она, хорошо знакомая с пугающей бесконечностью, оказывается в настоящей ловушке. Психоаналитическая ситуация — это возможный выход из клаустрофобической западни при условии, что в процессе не будет поддерживаться психологическая игра, затягивающая пациента в воображаемую борьбу с собственным Я психоаналитика.

Если нет переноса, если психоаналитика слишком много, пациент очень быстро начинает понимать, что все интервенции могут быть сведены к паре-тройке довольно простых идей, повторяющихся и склоняемых на все лады в социальных сетях.

известные, банальные мысли. Но они хотя бы иногда должны преломляться в сознании пациента как что-то новое, неожиданное, может быть, даже сопровождающееся эффектом «открывшейся истины». То есть, говоря словами З. Фрейда, психоаналитик нужен прежде всего для того, чтобы стать своеобразным тиглем, в котором медь суггестии действительно переплавляется в золото анализа. Это возможно только в том случае, если аналитик исчезает из своей собственной речи, если он сам, в некотором смысле, в ней больше не содержится.

Психоаналитик, понимающий перенос и абстиненцию классическим образом, наоборот, способствует сохранению инертности повторений в силу той воображаемой пуганницы и персекуторной тревоги, которые он поддерживает своими интервенциями, заранее истолковывая происходящее в кабинете как продолжение борьбы с доэдиповыми или эдиповыми «объектами». Аналитик постоянно присутствует либо в своем упорном молчании, либо в интерпретациях, в которые включена атрибуция его собственного Я. Так или иначе, его всегда слишком много, особенно в тишине — никакого отношения к истинной абстиненции не имеющей. Это излишнее присутствие является основным препятствием для функционирования переноса, который должен приводить пациента к двум основным эффектам: во-первых, аналитик становится инстанцией, которая позволяет редуцировать тревогу пациента, ограничивая его речь, теряющуюся в бесконечности смыслов, — это, собственно, и есть работа суггестивного измерения переноса. Во-вторых, пациент вбирает в себя прописные истины о самом себе, но они, несмотря на свою тривиальность, работают на расширение смыслового горизонта и множатся, порождая новые ассоциативные линии и обогащая внутренний мир пациента. Это может случиться только в случае полного и безопасного «исчезновения» аналитика то есть, в случае установления истинного переноса — буквально — «переноса» пациента на место аналитика и наоборот — один вместо

Если речь, отмеченная печатью безмерного, в наших современных реалиях особенно тяготеет к мучительному поиску своих собственных границ и своего индивидуального «идеологического» базиса, нам необходимо думать о том, какие психологические условия могут этому способствовать, и каков вектор психоаналитического процесса в таком случае? Большую часть времени пациент с неизбежностью получает в обратных сообщениях аналитика общие, заранее

В некотором смысле пациент, подверженный паническим атакам, буквально проживает то, что обычно нашим сознанием не схватывается — многомерность пространства, то есть выход за пределы евклидовых координат.

или за другого. Дело в том, что подобная «аннигиляция» в некотором смысле уже подготовлена лежащей в основе человеческого общения способности мимикрировать, своего рода биологическим базисом привязанности и эмпатии.

Вопрос об абстиненции аналитика на сеансе должен ставиться радикально. Как можно перестать на нем быть? Очевидно, что сокрытие себя за стеной собственного молчания является всего лишь прекрасным способом выставить себя напоказ, привлечь к себе внимание. Поразительно, что аналитики и сейчас продолжают верить в то, что, если они укрылись одеялом, их никто не заметит. Поразительно и то, что те же аналитики приписывают своему псевдоисчезновению разнообразные терапевтические эффекты, не до конца понимая, что в действительности в психоанализе способствует излечению пациента. Аналитик может и должен исчезать на сеансе только одним способом: так, чтобы от него ровным счетом ничего на этом сеансе не оставалось. К молчанию это никакого отношения, конечно, не имеет. Но зато вышесказанное имеет прямое отношения к тому, что мы имеем переносом. Воздержание аналитика — это не воздержание от своей речи и уж тем более не от своих эмоций. В молчании аналитика ничего кроме тоски и паранойи пациента родиться не может, хотя сами аналитики упорно продолжают настаивать на благом воздействии своего воздержания. Мол, пусть бы и паранойя, зато после ее проработки, пациент с неизбежностью возродится к новой, свободной от страха преследования, жизни.

Безмерность речевого пространства — удел современного субъекта. В этом океане становится жизненно необходимо формирование своей «идеологии» как опоры для субъектности.

Очарование жанра BL: неосексуальность — фантазии и реальность

Юрасова Елена Николаевна

- канд. псих. наук,
- специалист ЕАРПП

Сексуальность всегда была фирменным знаком психоанализа, — пишет Т. Мюллер, автор современного учебника по психоанализу (6). Психоанализ, как течение научной и философской мысли и как медицинская практика, начался с изменения отношения к сексуальности, что вызывало бурные общественные реакции на факт его появления.

Современные изменения в проявлениях сексуальности, резкое увеличение ее нетрадиционных форм привело в кабинеты психоаналитиков новый контингент пациентов, что вновь подняло вопросы о взаимосвязи сексуальности и психического развития, о границах нормальных и нарушенных ее проявлений. Общественные реакции на сексуальную проблематику оказываются не менее

Похоже, что произведения в жанре BL стали современным вариантом «дамского любовного романа», отражающего фантазии женщин об идеальной мужской сексуальности, где в качестве наиболее привлекательного персонажа выступает мужчина, способный обеспечить не только прекрасный секс, но и успешно справиться с материнскими функциями холдинга и контейнирования.

Современные изменения в проявлениях сексуальности, резкое увеличение ее нетрадиционных форм привело в кабинеты психоаналитиков новый контингент пациентов, что вновь подняло вопросы о взаимосвязи сексуальности и психического развития, о границах нормальных и нарушенных ее проявлений.

эмоциональными, чем столетие назад, превращаясь в «психосоциальный синдром», когда нездоровая заинтересованность общества мешает свободному от социальных оценок рассмотрению этого явления, куда вовлекается политика, наука и искусство. В науке появляются новые термины — «перверсии» заменяются на «парафилии» и «не-осексуальность», искусство предлагает новые жанры.

Жанр BL (аббревиатура Boys Love — «любовь мальчиков») — сериалы или комиксы мелодраматического содержания, рассказывающие о любовных и сексуальных отношениях двух молодых мужчин. Произведения в этом жанре различаются по их художественной ценности, но сюжетная линия содержит определенный набор клише, где воспроизводится один и тот же тип отношений героев, которые больше похожи на детско-родительские, чем на любовно-сексуальные: один из персонажей постоянно демонстрирует детскую непосредственность (точнее, инфантильность и импульсивность), а второй старается обеспечить телесное и эмоциональное благополучие партнера — ухаживает за больным, покупает или готовит еду, понимает и удовлетворяет потребности другого, включая те, которые непонятны самому их обладателю, способствуя их прояснению. У одного или обоих героев в прошлом присутствует травма, которая успешно преодолевается, благодаря новым отношениям, и история заканчивается хэппи-эндом. Картинка, на фоне которой разворачивается сюжет, чрезвычайно красива: пейзажи, интерьеры, одежда и сами мужские персонажи отличаются редкой красотой, при этом красота мужчин андрогинная. Обязательно присутствуют эротические сцены, но даже самые откровенные не имеют ничего общего с порнографией, и показывают не столько проявления страсти, сколько то, что в теории влечений Фрейда называется «кожным эротизмом» и относится к инфантильной сексуальности — прикосновения, поглаживания, объятия. О. Фенихель по этому поводу замечает, что особенно выражено кожный эротизм присутствует в «инфантильных формах любви, где объекты служат просто инструментами получения наслаждения». (10, С.101).

Интересным является тот факт, что создаются произведения данного жанра в основном гетеросексуальными женщинами, и их целевой аудиторией также являются гетеросексуальные женщины. В отзывах к сериалам встречаются многочисленные высказывания типа: «Герои такие милые!», «Я тоже хочу быть мужчиной и любить мужчин!», «Вот какими должны быть настоящие любовные отношения!». Похоже, что произведения в жанре BL стали современным вариантом «дамского любовного романа», отражающего фантазии женщин об идеальной мужской сексуальности, где в качестве наиболее привлекательного персонажа выступает мужчина, способный обеспечить

не только прекрасный секс, но и успешно справиться с материнскими функциями холдинга и контейнирования.

Именно эти особенности — тонкая чувствительность, эмоциональность, заботливость, приписываются геям, как представителям новой сексуальности. Предполагается, что эти качества они обрели благодаря принципиальному безразличию к полу сексуального партнера, избежав тем самым проблем эдиповой конкуренции и связанных с ними агрессии, зависти и ревности.

Нет ничего плохого в современных дамских романах, особенно если они хорошо написаны, хорошо сыграны и хорошо сняты. Попытка понять, насколько верно фантазии отражают реальность, скорее, вызвана необходимостью дать ответы на несколько вопросов, важных для аналитической практики. Действительно ли отказ от полного принятия гендерной идентичности, привязанной к биологическому полу, делает индивида внутренне более свободным и способным принимать собственные ограничения? Действительно ли это делает его отношения более гармоничными, эмпатичными и бесконфликтными? И даже если мы принимаем гомосексуальность как новую социальную норму, то по-прежнему важным остается вопрос о том, каковы факторы, способствовавшие гомосексуальному выбору?

Начну с обзора попыток ответить на последний вопрос. В настоящее время теории, предлагающие объяснения отклонений от «традиционной» сексуальности, можно разделить на 3 группы. (2)

Первая группа теорий идет от Фрейда (11) и его теории влечений. С этой точки зрения, гомосексуальность представляет собой разворот либидо по природе

своей бисексуального в результате негативного прохождения Эдипа и служит защитой от кастрационной тревоги. Уровень организации личности при этом невротический.

Развивать теорию влечений продолжает Юдит Лё Сольда (7), которая заявляет о фактическом ее пересмотре и предлагает новое видение гомосексуализма, в первую очередь мужского, как результата расслоения влечений либидо и агрессии, в нормальном состоянии связанных между собой. Это приводит в эрогенному мазохизму, когда физическая боль становится условием снижения напряжения влечения, что и переживается как удовлетворение. Уровень организации личности может варьировать от невротического до пограничного и не связан с выбором объекта.

Вторая группа теорий, построенная на концепциях британских теоретиков объектных отношений, в качестве главных факторов нарушений сексуальности рассматривает психопатологию отношений матери и ребенка и центральную роль преэдиповой агрессии. В своих БСЗ фантазиях ребенок проецирует агрессию на мать, а затем на отца,

Действительно ли отказ
от полного принятия гендерной
идентичности, привязанной
к биологическому полу,
делает индивида внутренне
более свободным
и способным принимать
собственные ограничения?
Действительно ли это
делает его отношения более
гармоничными, эмпатичными
и бесконфликтными?

которых он воспринимает как единое целое, создавая угрожающий комбинированный отцовско-материнский образ. В результате не происходит нормальной идентификации со своим полом, образ представителей противоположного пола также оказывается фантастическим, а все сексуальные отношения воспринимаются как опасные и пропитанные агрессией. Объектные отношения представлены частичными объектами, уровень организации личности пограничный, либо психотический.

Третья группа теорий, связанная с французской психоаналитической школой, опирается на идею о регрессии к анально-садистской фазе, обозначая ее как развёртывание «анальной вселенной». В ней господствует «анальное равенство» в противовес генитальной дифференциации. Это позволяет отрицать существование «другого» и вытекающие из этого фундаментальные различия: между полами и между поколениями, а также факт наличия смерти. И при вторичной защите от анальной регрессии происходит символическая акцентуация эстетических и формальных аспектов искусства, природы, физических объектов и межличностной реальности. Это позволяет идеализировать инфантильную сексуальность, в том числе свою собственную, как значительно превосходящую «обычную» генитальную сексуальность. Уровень организации личности пограничный, либо нарциссический (в понимании О. Кернберга (3,4)).

Идентичность представляет собой целостный, эмоционально принимаемый образ самого себя во всем богатстве социальных связей личности, куда входят представление о своей внешности, чертах характера, принадлежности к определенному этносу и определенной социальной страте.

Имеющийся у меня опыт работы с мужчинами-геями, хотя и недостаточный для статистически достоверных обобщений, позволяет думать, что в каждом конкретном случае могут присутствовать элементы всех 3 вариантов психодинамики одновременно. И к этому добавляется наличие в анамнезе травмы в виде абьюза, раннего столкновения со смертью, педофилического соблазнения. Важную роль играют также конституциональные особенности в виде высокой сензитивности, что приводит к тому, что травмирующими могут оказаться хоть и неприятные, но более-менее тривиальные события.

Я остановлюсь на наиболее часто встречающихся особенностях данного контингента, которые оказываются сходными у разных пациентов. К ним относятся особенности идентичности и особенности объектных отношений. Все пациенты, которых я описываю, взрослые мужчины от 30 до 40 лет, профессионально успешные и финансово стабильные. Имеют высокий уровень образования — врачи, юристы, менеджеры, банковские работники. Широко эрудированы, в том числе знакомы с психологической литературой, читая которую, пытаются объяснять свои переживания. Хорошо владеют коммуникативными навыками, имеют широкий круг общения.

Идентичность. Понятие ввел Э. Эриксон (12), и в его трактовке идентичность представляет собой целостный эмоционально принимаемый образ самого себя во всем богатстве социальных связей личности, куда входят представление о своей внешности, чертах характера, принадлежности к определенному этносу и определенной социальной страте. Идентичность геев по Э. Эриксону должна быть охарактеризована как диффузная либо негативная, а в терминах Х. Кохута (5), во всех перечисленных аспектах присутствуют грандиозная ложная самость и ничтожная истинная самость. Исключение составляет профессиональная сфера, где они часто являются перфекционистами, но она не оказывается точкой сборки всего образа, а, скорее, представляет собой изолированную субличность с иным языком, уровнем мышления и манерой поведения.

В качестве примера начну с виньетки, касающейся успешной социальной адаптации: мужчина около 50 лет, бизнесмен, пришел с запросом на парную терапию: «Нам вообще-то нужен семейный психолог, но я готов попробовать начать один, так как это — моя инициатива, а партнер потребности в этом не видит». Характеризует совместную жизнь следующим образом: «У нас идеальные отношения. Мы более 10 лет вместе, счастливы, любим друг друга и не изменяем друг другу. Это — редкость в нашей среде, и мы являемся примером для всех наших друзей, они видят в нас идеальную пару». На вопрос, что же заставляет его искать семейного психолога, отвечает: «У меня какая-то каша в голове, я не понимаю, могу ли я навязывать ему свою волю и имею ли я право чего-то хотеть?». Когда я задаю стандартный вопрос структурного интервью Кернберга: «А какой человек ваш партнер? Опишите его», получаю реакцию недоумения, характерную для пограничной организации: «В смысле?». Я предлагаю описать какие-то особенности, черты характера партнера, и пациент надолго замолкает в растерянности, комментируя это словами: «Да, интересный вопрос...», а затем начинает говорить примерно следующее: «Ну, вот я говорю ему, убери носки, он говорит «ага» и не делает», — и далее следуют примеры ситуаций подобного рода, когда партнер в быту ведет себя не так, как хочется пациенту. Далее он говорит о том, что сексуальные отношения перестали быть привлекательными, и для того, чтобы оживить их «нам нужен третий». (Фраза «нам нужен третий» кажется мне знаковой, так как звучала от нескольких пациентов при описании ими проблем в сексуальных отношениях.) Заканчивается описание идеальных отношений постановкой вопроса о том, не стоит ли ему расстаться с партнером, но от принятия такого решения его останавливает тот факт, что тогда возникнет много финансовых и бытовых проблем и будет разрушен образ идеальной пары в глазах друзей, а его очень хочется сохранить.

Описания себя и партнера в приведенном случае демонстрируют смешение сэлф — и объект-репрезентаций и отсутствие целостных образов внутренних объектов, что говорит о наличии диффузной идентичности: противоречащие друг другу аспекты Я и Другого плохо интегрированы между собой и отделены друг от друга. Это характерно и для других

Крах самооценки следует
за любой жизненной неудачей,
независимо от того, насколько
ее причины были вне контроля
индивида

Независимо от наличия или отсутствия отца, мать играет главенствующую роль в семье, демонстрируя при этом кастрирующее поведение, как по отношению к отцу ребенка, так и по отношению к мужчинам вообще.

пациентов. Присутствует смешение сэлф — и объект-репрезентаций, часто вообще невозможно понять, о чьих переживаниях говорит пациент — своих или партнера. Например, жалоба «меня бросили» при прояснении обстоятельств превращается в «я его послал»; «он стал со мной драться» оказывается «он меня выбесил, и я ему врезал». Чувства нарциссически приписываются партнеру при полной уверенности, что такие они и есть, потому что так чувствует сам пациент.

Проективная идентификация и проекция входят в число наиболее часто встречающихся защит, наряду с расщеплением и отрицанием. Часто говорят, что не знают, чего в действительности хотят, поэтому пытаются узнать, что «правильно» и следовать этому.

Описывая себя, а также причины выбора партнера, говорят, в первую очередь, о внешности (часто на этом описание и заканчивается). Себя характеризуют так: «Я красивый», «Я высокий, с хорошей фигурой и лицом», «Я стильный». Телу и внешности придается очень большое значение, тщательно ухаживают за собой, пользуются услугами косметологов, массажистов, фитнес-тренеров, и, действительно, внешне хорошо выглядят. Однако отношение к собственному телу всегда выражено амбивалентное. Все усилия по уходу за собой предпринимаются потому, что изначально считают себя либо слишком худыми, либо слишком толстыми, недостаточно мужественными, с недостаточно развитыми гениталиями. И как только кто-то делает замечания по поводу внешности, даже если они касаются таких легко исправимых вещей, как прическа или усталый вид, самооценка катастрофически рушится. То же самое происходит при сильных переживаниях по любым другим поводам — крах самооценки следует за любой жизненной неудачей, независимо от того, насколько ее причины были вне контроля индивида. При этом часто вовлекаются витальные функции: нарушается сон, пропадает аппетит или наоборот, начинают «заедать» переживания и жаловаться на излишнюю худобу или толщину, хотя внешне какие-либо изменения незаметны. Симптоматика сильно напоминает булимию/анорексию, а недовольство телом часто граничит с дисморфофобией.

Описание объектных отношений начну с детско-родительских. История детства показывает неблагоприятную семейную констелляцию (в моем опыте в 100% случаев). Отношения внутри родительской пары либо деструктивные (отец-алкоголик, частые скандалы и насилие в семье), либо отцовская фигура вообще отсутствует — родители в разводе и отец не участвует в жизни мальчика, что для мальчика означает отсутствие моделей для идентификации. Независимо от наличия или отсутствия отца, мать играет главенствующую роль в семье, демонстрируя при этом кастрирующее поведение, как по отношению к отцу ребенка, так и по отношению к мужчинам вообще. Мать часто провоцирует агрессию со стороны мужа унижительными замечаниями или первой нападая на него физически. Сыну в такой семейной системе отводится роль материнского

защитника и опоры, но одновременно транслируется идея, что он не должен ни в чем быть похожим на отца, и вообще является представителем бесполезного мужского племени («Ты — мое говно, я тебя высрала»). Сексуальные отношения между родителями видятся мальчику либо отсутствующими, либо воспринимаются как проявление агрессии со стороны отца. При такой семейной конфигурации у мальчика формируется амбивалентное отношение к обоим родителям, их социальным и сексуальным ролям.

Пациенты-геи приходят в терапию с фантазиями о безграничной любви матери к ним и их особой близости с ней. Рассказы в начале терапии содержат высказывания типа: «С мамой у меня очень близкие отношения, я ей до сих пор все рассказываю», «Мать меня обожала и боготворила». В описаниях матери явно присутствует идеализация, практически всегда она описывается как «добрая», «заботливая», «всегда поможет», но при этом создается впечатление, что какого-то конкретного содержания за этим не стоит. Можно было бы предположить, что идея З.Фрейда о ранней и чрезвычайно сильной фиксации на матери и попытке воспроизвести в своих сексуальных отношениях отношения матери и сына, до сих пор может использоваться в качестве объяснительной, если бы очень скоро амбивалентность чувств по отношению к матери не становилась слишком явной. Один из пациентов описал свое отношение таким образом: «Маму я очень люблю, она меня всегда понимает и поддерживает. Но одновременно я ее ненавижу за то, что она не понимала, какое ужасное детство у меня было». Другой пациент регулярно навещает мать, которая живет в другом городе, часто звонит ей, но при этом говорит: «С мамой у меня очень плохие отношения» и приводит весьма впечатляющие примеры материнских реакций: «Она мне пишет: «сдохни, проклятый пидор!»; говорит: «жаль, что ты родился, лучше бы у меня тогда опять случился выкидыш». Когда я спрашиваю, как он это переживает, отвечает: «Да нормально, я уже привык», и действительно не проявляет признаков обиды или горя. На вопрос: «А что за человек ваша мама?», отвечает: «Она очень добрая, заботливая, всегда всем помогает». Противоречий в своем описании матери не замечает, не прекращает свои визиты домой и попытки поделиться с матерью новостями о своей жизни. (В своих отношениях с сексуальными партнерами предпочитает максимально жесткий секс в пассивной позиции и никогда не разрывает отношений первым).

Судя по описаниям геев их отношений с матерью, можно сделать вывод о полном провале контейнирующей материнской функции: мать либо не обращает внимания на реальные проблемы сына и его эмоции, либо предлагает избыточные формы удовлетворения, которые на самом деле призваны снять материнскую тревогу, а не удовлетворить потребности ребенка. Примеры: 1) Пациент, профессионально успешный event-менеджер, 35 лет. В начале терапии так рассказывал о своих отношениях с матерью: «Мама

В описаниях матери явно присутствует идеализация, практически всегда она описывается как «добрая», «заботливая», «всегда поможет», но при этом создается впечатление, что какого-то конкретного содержания за этим не стоит.

меня с детства боготворила, мне всегда давали деньги на любые мои увлечения: музыка, танцы. Она говорила: «занимайся, чем хочешь». В процессе терапии взгляд на отношения с матерью изменился: «Когда я попытался пожаловаться матери, что ребята надо мной издеваются, она ответила: неправда, тебя все любят, — больше я ей ничего не рассказывал. Она и сейчас такая же — когда я говорю что-то о своих проблемах на работе или бытовых, она никак не реагирует и сразу же переводит разговор на другую тему, начинает говорить про огород или про соседей. Или вообще заканчивает разговор. Поэтому я всегда старался показать ей, что у меня все хорошо. Я для нее такой мальчик-праздник». 2) Пациент говорит: «Мама всегда старалась дать мне все, что я хочу. Когда я сказал, что мне нравятся киви, она принесла мне ящик киви, если я говорил, что хочу бананов, она приносила ящик бананов». Оба пациента, описывая отношения с родителями, говорят: «Меня никогда ни за что не ругали», даже в тех случаях, когда они считали подобную реакцию правомерной и ожидали ее. Это вызывало растерянность и безуспешные попытки понять, что же «правильно» в человеческих отношениях.

Отношение к отцу также амбивалентное, в начале терапии на поверхности ненависть и страх перед отцом, как правило, объясняемые плохим отношением к матери и фантазиями о непринятии отцом сына (то есть непринятии мужественности мальчика другими мужчинами). В ходе терапии начинают осознавать тоску по близости и защите, и так или иначе проговаривают, что в партнерах своего пола хотят найти замену отцовской фигуры.

Отношение к отцу также амбивалентное, в начале терапии на поверхности ненависть и страх перед отцом, как правило, объясняемые плохим отношением к матери и фантазиями о непринятии отцом сына (то есть непринятии мужественности мальчика другими мужчинами). В ходе терапии начинают осознавать тоску по близости и защите, и так или иначе проговаривают, что в партнерах своего пола хотят найти замену отцовской фигуры.

Когда в процессе терапии отношение к обоим родителям начинает изменяться, этот факт их пугает — как будто начинает рассыпаться вся конструкция представлений о себе и других людях («Как будто я предаю мать — я не такой человек», «Не хочу прощать отца»).

Провал материнского контейнирования, создающего реальные связи, и отсутствие отцовского разделяющего и защищающего влияния вызывает сдвиг в сторону

Каждый считает, что имеет право говорить о другом то, что думает, так как это — проявление искренности, но лишает такого права другого, так как с его стороны это - проявление агрессии или «неэтичное поведение».

Судя по описаниям геев их отношений с матерью, можно сделать вывод о полном провале контейнирующей материнской функции: мать либо не обращает внимания на реальные проблемы сына и его эмоции, либо предлагает избыточные формы удовлетворения, которые, на самом деле, призваны снять материнскую тревогу, а не удовлетворить потребности ребенка.

нарциссического выживания, в котором преобладают воображаемые переживания и уход от реальных контактов. К. Скинайя (9) по этому поводу пишет: «Если мать не может адекватно стимулировать потенциал либидо ребенка, он вынужден использовать в качестве замены поверхность тела и отверстия: таким образом в процессе роста на первое место выходит эротизация. Желание близости заменяется фантазиями о полном слиянии, которые могут обрушить границы времени, пространства, разницы между поколениями и нужного разделения».

Описанный тип отношений мальчика с родителями ведет к уязвимости и нарциссической защите, в результате формируется представление о себе, далекое от реальности, и нестабильное самоуважение; скрытое чувство неполноценности и стыда и желание добиться ощущения неповторимости и превосходства в любой области и сохранить его.

Социальные связи, за исключением профессиональных контактов, также оказываются весьма проблемными. В начале терапии обычно говорят, что у них много друзей, в число которых входят влиятельные, богатые или известные персоны, чем они очень гордятся. Из рассказов становится ясно, что друзьями считаются все, с кем можно хорошо провести время. Дружеские связи представляют собой типичную нарциссическую

Провал материнского контейнирования, создающего реальные связи,
и отсутствие отцовского разделяющего и защищающего влияния
вызывает сдвиг в сторону нарциссического выживания,
в котором преобладают воображаемые переживания
и уход от реальных контактов.

цепь идеализаций и разочарований. В процессе терапии представление о дружбе меняется: начинают считать друзьями тех людей, которым они интересны и на чью эмоциональную поддержку они могли бы рассчитывать, и приходят к выводу, что у них нет друзей. Это вызывает чувство горечи и одиночества, иногда нарциссическую ярость. Часто начинают воспринимать терапевта как друга, о чем говорят. В дружеских отношениях очень чувствительны к любым вербальным и невербальным реакциям в свой адрес, воспринимая их как несправедливую критику, даже если они таковыми по факту не являются. Часто ссорятся с друзьями и партнерами по поводу того, кто что может говорить другому, занимая при этом абсолютно зеркальные позиции: каждый считает, что имеет право говорить о другом то, что думает, так как это — проявление искренности, но лишает такого права другого, так как с его стороны это — проявление агрессии или «неэтичное поведение».

Любовь и сексуальные отношения разделены. Широко распространены отношения, обозначаемые аббревиатурой FWB (friends with benefits — друзья с привилегиями, в отечественном варианте «секс по дружбе») — более или менее регулярные встречи для секса без эмоциональной привязанности и взаимных обязательств. Характерной особенностью сексуальных отношений является также промискуитет, при этом промискуитет

Сексуальные отношения
перестают быть личной
и интимной областью
и становятся публичной
демонстрацией нарциссического
превосходства и всемогущества.

путается с сексуальностью. Чем больше связей, тем более сексуально привлекательными и потентными себя считают. Даже при наличии постоянного партнера присутствуют случайные связи, потребность в которых остро переживается и часто носит облигаторный характер, что характерно для перверсий: «То, что я изменяю партнеру, вызывало Osborne возбуждение. Я боялся, что меня пой-

мают, но чувство опасности еще больше возбуждало. А потом я испытывал чувство вины и начинал придирается к партнеру». Связи и измены постоянно обсуждаются в обществе, «все про всех всё знают». Таким образом, сексуальные отношения перестают быть личной и интимной областью и становятся публичной демонстрацией нарциссического превосходства и всемогущества.

Любовные отношения также очень болезненны. Желают близости, но не верят в ее существование и боятся ее. В начале отношений может иметь место слияние, но затем отношения начинают восприниматься как несправедливое использование (появляется типичная нарциссическая жалоба: «я вкладываю намного больше, чем получаю взамен»), либо как отношения «газлайтинга» — когда партнер приписывает несуществующие чувства и заставляет сомневаться в собственной адекватности. Чувства к партнеру меняются от обожания до ненависти и обратно в очень короткие сроки, иногда сами пациенты характеризуют их как эмоциональные качели. При расставании, которое воспринимается как крайне болезненное, переживается не столько горе по поводу потери партнера, сколько ощущение униженности, собственной несостоятельности: «Чем я хуже его нового парня?» и злость с фантазиями о мести. Создается впечатление, что оба партнера жаждут найти в другом заботу, принятие и необходимый контейнер, но терпят фиаско и начинают бороться за власть и возможность контролировать партнера.

Хотя объектные отношения выглядят как характерные для нарциссической патологии, среди моих пациентов не было ни одного, кого можно было бы отнести к холодным нарциссам. Но явно присутствует неудовлетворенность нарциссических потребностей по Х. Кохуту (5): потребность в идеале, потребность в зеркале и потребность в альтер-эго.

Подводя итог своему опыту работы, я прихожу к выводу, что гомосексуальный выбор партнера у мужчин, скорее, является защитным выбором, призванным уменьшить давление драматических переживаний и последствий нарциссической травматизации.

Я присоединюсь к мнению Каролы Ленэке (8) по поводу толерантности аналитика: она проявляется в способности

Чувства к партнеру меняются
от обожания до ненависти
и обратно в очень короткие
сроки, иногда сами
пациенты характеризуют их
как эмоциональные качели.

принимать и контейнировать любые, в том числе самые социально неодобряемые чувства пациента, а не в том, чтобы смешивать гражданские права и свободы с критериями психического здоровья.

И последнее замечание, касающееся женских фантазий: не является ли восхищение отношениями геев новой формой женской зависти к пенису? И еще: каким будет материнское реверси — мечты, фантазии, надежды матери относительно ребенка-сына, которого она будет растить, и которое сыграет структурирующую роль в формировании его психики?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенуто С. Перверсии. Сексуальность, этика, психоанализ. — СПб: «Скифия-принт», 2016.
2. Кернберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. — М.: Независимая фирма «Класс», 2018.
3. Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология. — М.: Независимая фирма «Класс», 2004.
4. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. — М.: Независимая фирма «Класс», 2014.
5. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. — М.: «Когито-Центр», 2003.
6. Куттер П., Мюллер Т. Психоанализ: Введение в психологию бессознательных процессов. — М.: «Когито-Центр», 2011.
7. Лё Сольда, Ю. Причины гомосексуальности. Том 1. Причины гомосексуальности. Лекции по новой психоаналитической теории гомосексуальности. — М.: ООО «Псилабус», 2021.
8. Ленэке К. Сексуальные преступления и симбиотические отношения. Научное психоаналитическое исследование. — М.: «Академический проект», 2021.
9. Скинайя К. Педофилия и психоанализ. — М.: ООО «Псилабус», 2021.
10. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. — М.: «Академический Проект», 2004.
11. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. В кн.: «Психология бессознательно-го». — М.: «Просвещение», 1989.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

Непрерывность и прерывистость в психоанализе

Козимо Скинайя

- Психоаналитик и психиатр,
- член Итальянского Психоаналитического Общества, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Хотя постмодерн воспринимался как трансформация — совершенно очевидная и насыщенная — он, тем не менее, сопровождался феноменами задержки, непрерывности, весьма бурного неприятия, с точки зрения идеологии и чувств, привязанности и ностальгии.

Психоанализ появился на свет, как большой современный нарратив, который стремится дать универсальное определение внутреннему миру современного человека, исследуя личностные проработки социальной реальности.

Фрейд не видел никакого противоречия между индивидуальной и социальной психологией. Как своего рода манифест его мысли, мы вспоминаем первые строки введения в «Психологию масс и анализа человеческого Я» (1921): «Противоположность между индивидуальной психологией и социальной психологией (или психологией масс), кажущаяся, на первый взгляд, весьма значительной, оказывается при тщательном исследовании не столь резкой. Хотя индивидуальная психология построена на наблюдении над отдельным человеком и занимается исследованием тех путей, идя которыми, индивид стремится получить удовлетворение своих влечений, однако, при этом ей приходится лишь изредка, при определенных исключительных условиях, не принимать во внимание отношений этого индивида к другим индивидам. В душевной жизни одного человека другой всегда оценивается как идеал,

как объект, как сообщник или как противник, и поэтому индивидуальная психология с самого начала является одновременно и социальной психологией в этом распространенном, но весьма правильном смысле» (р. 261).

Однако в наши дни, по сравнению с временами Фрейда, по крайней мере отдельные психоаналитики уже не ставят вопрос о простых изменениях в социальном и об их влиянии на индивидуальную субъективность. Они описывают, — и как мне кажется, с большим преувеличением, — самые настоящие, беспрецедентные перемены в социальном и те результаты антропологического характера, к которым они и приводят¹. С их точки зрения, эти результаты часто вызывают у нас чувство беспомощности, когда мы пытаемся понять цепочку связей, порождающую изменения, которые мы наблюдаем. А для психоанализа последствия, которые могут возникнуть в результате этих описаний, имеют противоположный знак и при этом также не очень сбалансированы.

С одной стороны — консерваторы (в том числе: Гласс (Glass), 1993; Лири (Leary), 1994; Мельман (Melman), 2002), то есть те, кто не придерживается мнения, что знание и аналитическая практика должны прийти к согласию с новым, иначе им угрожает упадок, или, что, во всяком случае, традиционных категорий вполне достаточно для истолкования этого нового, потому что, на самом деле, это новое — не более, чем видимость. С другой стороны — революционеры (в том числе: Штерн Д.Б. (Stern D. B.), 1985; Ходоров (Chodorow), 1995; Хоффманн (Hoffmann), 1998; Флакс (Flax), 2000; Фрош (Frosh), 2000); то есть те, кто утверждает, что необходимо задумываться о полностью инновационных категориях мысли, поскольку традиционные аналитические категории устарели и не пригодны для описания новой субъективности. С учетом этих последних перспектив в психоанализе исчезли вера в возможность теории, способной дать объяснения во всеобщем масштабе, поиск универсальных мотиваций, иными словами, возможность верить в парадигму Просвещения, в «великие нарративы», в идеологии XVIII — XIX века, в том числе, в труды отцов психоанализа. Обе позиции представляются защитными до крайней степени и не учитывающими сложности тех явлений, которые сопровождают социокультурные перемены. «В той истории, которая происходит вокруг

Под постмодерном можно понимать то пространство-время, частное-коллективное, что расположено внутри более широкого пространства-времени модерна, выделенное теми, у кого есть проблемы с модерном или вопросы к нему, кому есть, чем его попрекнуть, кто может предъявить перечень одновременно его достижений и несовершенств.

1 Первым об антропологическом изменении заговорил Пазолини в двух статьях 1974 года, опубликованных в газете Коррьере делла Сера и вновь напечатанных в 1976 году, уже после его смерти, в сборнике статей «Лютеранские письма». *Pasolini fu il primo a parlare di mutazione antropologica in due articoli del 1974 comparsi sul Corriere della Sera e pubblicati postumi nel 1976 in Lettere luterane.*

Нам, скорее, придется выстраивать свои размышления, используя функцию неустойчивости, отказаться от термина «постмодернизм» и использовать термин «текущий модерн» — он обозначает эту новую фазу истории человечества, то есть эпоху отрыва корней без последующего нового укоренения с помощью метафоры жидкого состояния и текучести, эпоху, в которой, чтобы продолжать размышлять, нужен пациент и постоянный поиск ответа на вопросы об уклончивой и многогранной реальности и о том, каким образом отдельные индивидуумы живут и размещаются в ней.

и внутри нас, нет ни землетрясений, ни катастроф. Они существуют только в наших интерпретативных моделях». (Ceserani, 1998, p. 21)

И хотя постмодерн воспринимался как трансформация — совершенно очевидная и насыщенная, он, тем не менее, сопровождался феноменами задержки, непрерывности, весьма бурного неприятия, с точки зрения идеологии и чувств, привязанности и ностальгии. С другой стороны, тот же Лиотар (Lyotard, 1979) — автор термина «постмодернизм» — напоминает, что постмодерн — это не просто эпоха, которая хронологически следует за эпохой модерна, но что существует глубокое переплетение, непрерывная связь между элементами модерна и постмодерна. Одновременное существование форм модерна и постмодерна может помочь нам вместе с Бауманом (Bauman, 1993) дать определение постмодерну, откровенно используя терминологию модерна, как паузу в междущарствии, где, с одной стороны, «больше не», а с другой — «еще не» (см. Bauman e Mauro, 2015), избегая резких и неуместных исторических цезур.

Вот что пишут Агнес Хеллер (Ágnes Heller) и Ференц Фехер (Ferenc Fehér) (1988): «Под постмодерном можно понимать то пространство-время, частное-коллективное, что расположено внутри более широкого пространства-времени модерна, выделенное теми, у кого есть проблемы с модерном или вопросы к нему, кому есть, чем его попрекнуть, кто может предъявить перечень одновременно его достижений и несовершенств. Кто изберет местом своего пребывания постмодерн, будет так или иначе жить среди обитателей модерна, а также предмодерна, поскольку в самой основе постмодерна имеется видение мира, как множественности разнообразных пространств и темпоральностей. Таким образом, постмодерн может быть определен только внутри таких множественностей по сравнению с такими разнообразными несхожестями». (p. 7).

Глобализация экономики, наличие интернета, новые СМИ, сжатие пространства и изменение времени, отдаление людей от политики и соответствующее язвительное настроение по отношению к институтам, рост индивидуализма и гедонизма, кризис социально ориентированного государства, рост насилия и наряду с этим желание избегать конфликтности, неразбериха в вопросах пола и идентичности, массовый консьюмеризм, тенденция к разбазариванию, неподвижное неприятие и апатичный рефлекс — вот отдельные проявления того, что, судя по всему, сейчас берет верх

и, проникая в твердое ядро психического опыта, способствует переустройству бессознательных соглашений между людьми с помощью новых, нередко драматичных способов (Elliott & Spezzano, 2000).

Не думаю, однако, что весьма длинного перечисления этих явлений, которые как вместе, так и порознь могут приобретать свойства катаклизмов², окажется достаточно, чтобы задуматься о них в это время, которое утратило свои первичные связи с прошлым.

Бауман (Bauman, 2000) утверждает, что нам, скорее, придется выстраивать свои размышления, используя функцию неустойчивости, отказаться от термина «постмодернизм» и использовать термин «текущий модерн» — он обозначает эту новую фазу истории человечества, то есть эпоху отрыва корней без последующего нового укоренения с помощью метафоры жидкого состояния и текучести (Bauman e Tester, 2001), эпоху, в которой, чтобы продолжать размышлять, нужен пациент и постоянный поиск ответа на вопросы об уклончивой и многогранной реальности и о том, каким образом отдельные индивидуумы живут и размещаются в ней.

Бауман пишет: «В голову нам приходит, скорее, карусель, чем марафонский забег; жизнь представляется последовательностью оборотов, цепочкой новых начал, а место и среда часто обособлены по отношению друг к другу». (2001, p. 95) Scrive Bauman:

Эллиот и Спеццано (Elliott, Spezzano, 2000) утверждают, что что нам нужно совершить полный оборот вокруг множественности, плюрализма и амбивалентности, если мы хотим продумать психоанализ в эпоху постмодерна. По мнению Эллиота (Elliott (2000), постмодерн выбирает антиобобщающий ракурс, ибо открывает, что возникновение знания единственно в своем роде, локализовано и направленно. Постмодернизм стремится изгнать неоспоримую уверенность и заменить ее дискретной сомнительностью, скептицизмом, лишенным цинизма, более того — наивным, пытающимся разложить мир на составляющие и истолковать его. И поскольку этот аспект, с одной

2 Пол Вирилио (Paul Virilio) придерживается мнения, что сегодня уже больше невозможно четко отличать естественные катастрофы от промышленных, то есть тех, которые произошли по причине технологического прогресса. Он пишет: «С приходом двадцать первого века мы вступили в эпоху «интегральной катастрофы», той, что так или иначе затрагивает весь мир. В случае цунами это стало явлением мирового масштаба, потому что коснулось множества туристов; в случае World Trade Center мгновенно возникли драматические последствия для мировой экономики. В обоих случаях сразу же вступает в игру распространение информации по всему миру с помощью СМИ: весь земной шар в реальном времени наполняется картинками катастрофы. С одного конца планеты до другого перекликаются неизвестные до сего момента эмоции». (2005, p. 28) *sostiene che oggi non è più possibile distinguere nettamente tra le catastrofi naturali e quelle industriali, cioè causate dal progresso tecnologico, e scrive: “Con il ventunesimo secolo siamo entrati nell’era della “catastrofe integrale”, quella che in qualche modo colpisce il mondo intero. Nel caso dello tsunami l’avvenimento ha assunto una dimensione globale perché ha colpito molti turisti; nel caso del ci sono state subito delle conseguenze drammatiche per l’economia mondiale. In entrambi i casi, entra in gioco la copertura globale da parte dei mezzi di informazione: il mondo intero è stato inondato in tempo reale da immagini catastrofiche. Da un capo all’altro del pianeta sono riecheggiate emozioni mai conosciute prima.”*

Мы действительно стали свидетелями выстраивания новой, невыраженной доселе субъективности, почувствовавшей себя свободной от каких бы то ни было обязательств по отношению к предшествующим поколениям, и такого субъекта, который готов отнестись к своему прошлому как к чистому листу?

стороны, вызывает чувство незащищенности, неуверенности в вещах и в завтрашнем дне, то, с другой, он признает за самим человечеством больше возможностей и ответственности за строительство собственной судьбы.

Холт (Holt, 2002) подчеркивает, что, хотя постмодернизм и внес вклад в пересмотр психоанализом тех своих сторон, что отличались догматизмом и антинаучностью, все равно необходимо остерегаться некоторых авторов (таких как Ирвин Хофманн (Irwin Hoffmann) и Доннел Стерн (Donnel Stern), которые хотя и исходят из постмодернизма, но доходят до представления

радикального конструктивизма в отношении теории и процесса психоанализа, а стало быть, и до очень вредных и приводящих к обратному результату преувеличений³.

Что это: невыраженная до сих пор субъективность или представленное в новом обличье неизменное прошлое?

Мы действительно стали свидетелями выстраивания новой, невыраженной доселе субъективности, почувствовавшей себя свободной от каких бы то ни было обязательств по отношению к предшествующим поколениям, и такого субъекта, который готов отнестись к своему прошлому как к чистому листу?

Фрейд очень любил цитату из Гетевского «Фауста»: «Что дал тебе отец в наследное владенье, приобрети, чтоб им владеть вполне» (перевод Н. Холодковского)⁴, и помня ее, также надо помнить знаменитые слова Фрейда «Там, где было Оно, должно появиться Я» (Wo Es war, soll Ich werden).» (1932, p. 190).

И Гете, и Фрейд подчеркивают, как признание ценности прошлого, так и необходимые первичные трансформации, связанные со сменой поколений. Фрейд также добавляет: «Это дело культуры» (Ibid., p. 190), чтобы подчеркнуть с этической точки зрения значение трансформации, и не только на личностном уровне, но и на социальном уровне психоаналитической работы.

3 По поводу критики постмодернизма см. также Eagle, 2000; Frie, 2004; Schinaia, 2005.

4 Was du ererbt von deinen Vätern hast, erwirb es, um es zu besitzen, Фауст, часть первая, Ночь. Процитирована Фрейдом в «Тотеме и табу» (1912-1913), в «Введении в психоанализ» (1915-1917), а также на последней странице «Очерка психоанализа» (1938) — незаконченном тексте, начатом во время Лондонской ссылки. *parte prima, scena della Notte. Citata in "Totem e tabù", p. 161, in "Introduzione alla psicoanalisi" p. 510 e nell'ultima pagina del "Compendio di psicoanalisi", p. 634, testo rimasto incompiuto e la cui stesura era cominciata durante l'esilio londinese.*

Бион (Bion, 1963) выступает в том же ключе, когда подчеркивает необходимость «стоять на позиции наивного видения, когда проблема настолько перегружена опытом прожитого, что ее контуры становятся размытыми, а вероятные решения неясными. [...] Способность психоаналитика сохранять сущность своего тренинга и своего опыта и при этом все-таки достигать наивного видения позволяют ему самостоятельно и на собственный лад открывать истины, уже открытые ранее его предшественниками» (р. 10).

Идеальным эпиграфом к книге Ханны Арендт «Между прошлым и будущим» (1961) служит афоризм французского поэта Рене Шара из сборника «Листки Гипноса» (1943-44): «Наше наследство досталось нам без завещания»: в нем подчеркивается типичный парадокс эпохи модерна, который философия определяет как «порванная нить традиции», означающий, что каждое поколение не помнит тех причин, которыми руководствовались предыдущие поколения.

Способность психоаналитика сохранять сущность своего тренинга и своего опыта и при этом все-таки достигать наивного видения позволяет ему самостоятельно и на собственный лад открывать истины, уже открытые ранее его предшественниками.

Томас Элиот (Thomas Eliot, 1932) распространяет замечания Арендт на литературу: «Английские литераторы редко поминают о традиции, они лишь время от времени сожалеют об ее отсутствии. Мы не пользуемся ни понятием «традиция», ни другим — «традиции»; в лучшем случае, мы прибегаем к этому слову, чтобы сказать: поэт имярек «традиционен». В высказывании, не несущем осудительного смысла, слово это, кажется, встретишь нечасто. Впрочем, и в таких высказываниях положительный оттенок расплывчат, и понимать их следует так, что данное произведение хорошо, поскольку оно является добротной археологической реконструкцией. Навряд ли слово «традиция» усладит английский слух, если нет в нем этой для всех удобной отсылки к успокоительной науке археологии.

[...]. Если бы единственной формой традиции, этого движения по цепочке, было следование по стопам поколения, непосредственно нам предшествовавшего, и слепая, робкая приверженность к им достигнутому, такой «традиции», вне сомнения, нужно было бы противодействовать. [...]. Но традиция — понятие гораздо более широкое. Ее нельзя унаследовать, и, если она вам нужна, обрести ее можно лишь путем серьезных усилий. Она, прежде всего, предполагает чувство истории [...], а чувство истории, в свою очередь, предполагает понимание той истины, что прошлое не только прошло, но продолжается сегодня; [...]. Это чувство истории, являющееся чувством вневременного, равно как и текущего, — вневременного и текущего вместе, — оно-то и включает писателя в традицию. И, вместе с тем, оно дает писателю чрезвычайно отчетливое ощущение своего места во времени, своей современности. [...]. Нет поэта, нет художника — какому

Мы, как карлики, взобравшиеся на плечи гигантов. Мы видим больше и дальше, чем древние, но не потому, что наше зрение зорче или наш рост выше, а потому что это они держат нас и поднимают на всю высоту своего гигантского роста.

бы искусству он ни служил, — чьи произведения раскрыли бы весь свой смысл, рассмотренные сами по себе»⁵.

Зиммель в своих размышлениях и афоризмах (собранных в издании на итальянском языке под названием «Посмертный дневник» — прим. переводчика) «*Diario postumo*» (1989) пишет: «Я знаю, что умру, не оставив духовных наследников (да и ладно). Мое наследство напоминает наличные деньги, которые делятся среди множества наследников, каждый из которых вкладывает свою долю в соответствии со своей собственной природой, не интересуясь происхождением самого наследства» (р. 3).

Тема наследия звучит и у Дерриды (Derrida (2001) и рассматривается шире в парадоксальном гимне прошлому; он пишет следующее: «Прежде всего, надлежит знать и уметь вновь утверждать то, что было до нас, и которое, следовательно, мы получаем, еще не имея возможности выбрать его сами, — но и уметь вести себя по отношению к этому независимо» (р. 15).

А вот что писал Гегель (1833): «Но эта традиция не есть лишь домоправительница, которая верно оберегает полученное ею и, таким образом, сохраняет его для потомков и передает им его не умаленным, подобно тому, как течение природы, в вечном изменении и движении ее образов и форм, остается навсегда верным своим первоначальным законам и совсем не прогрессирует. Нет, традиция не есть неподвижная статуя: она — живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока. [...] Это наследование есть одновременно и получение наследства, и вступление во владение этим наследством. [...] Полученное, таким образом, изменяется, и обработанный материал именно потому, что он подвергается обработке, обогащается и вместе с тем сохраняется». (pp. 10 e sgg.).

В свою очередь, Деррида замечает: «То, что мы принимаем наследство, накладывает на нас двоякую задачу: получение и выбор, принять и интерпретировать то, что было перед нами, поскольку само по себе наследство — свидетельство нашей конечности. Только конечное существо может оставлять наследство, саму эту необходимость дает ему конечность, заставляя его, тем самым, принимать то, что больше его, что его превосходит, что было до него и продлится после. Именно конечность заставляет человека выбирать, предпочитать, оставлять, исключать или игнорировать, что бы то ни было. Все это он совершает, чтобы ответить на зов того, что было до него. Причем, отвечает он, как от своего собственного имени, так и от имени другого» (2001, р. 17)

5 Элиот Томас Стернз. Назначение поэзии. Статьи о литературе. — Киев: AirLand, 1996. — (Citadelle).

Агамбен (Agamben, 2017) подчеркивает, что традиция всегда уже сознательно или бессознательно подделана и искажена.

У Бернарда Шартрского⁶ есть высказывание, которое я люблю вспоминать: “*Nos sumus sicut nanus positus super humeros gigantis*” — Мы, как карлики, взобравшиеся на плечи гигантов. Мы видим больше и дальше, чем древние, но не потому, что наше зрение зорче или наш рост выше, а потому что это они держат нас и поднимают на всю высоту своего гигантского роста».

Современность может обрести смысл только с помощью понимания и признания предшествующей истории.

Норман Элиас (Norman Elias, 1987) отмечал размывание символических и коллективных структур субъективности, которые, безусловно, служили ограничителями, а одновременно и сильнейшими организующими элементами инстинктивной жизни. Это размывание, своего рода волатильность (Bauman, 2003) предшествует новым способам организовать жизнь и мышление, но и они, в свою очередь, нестабильны, двусмысленны, мимолетны, метаморфны, а потому в дальнейшем сменятся, пусть и со значительными трудностями, на что-то другое. Возможно, однако, что они представляют собой окончательную невозможность дать определение субъекту в отсутствие какого бы то ни было ограничения и схемы, на которую можно постоянно ссылаться?

Пытаться унять ощущение исчезновения почвы под ногами, нестабильности и непостоянства жизненных проектов человека, хватаясь за то, что было определенное в прошлом, становится новыми

«хвалителями прошедших времен» *laudatores temporis acti*,⁷ как Гораций называл стариков, не принимавших нового в настоящем, и следовательно, объяснять эту утрату почвы под ногами, держась только за «священные писания», за силу традиции, — может только на первый взгляд успокаивать, но по сути это — пустая трата времени.

Эриксон (Erikson, 1964) объясняет, что верность — это «способность соответствовать свободно выбранным принципам, несмотря на неизбежные противоречия в системах ценностей» (р. 128), но окостенение в устаревшем представлении о мире, или, по крайней мере, не соответствующем его социокультурной сложности, никакого отношения к верности не имеет, а представляет собой некритичное принятие на веру ортодоксального подхода и приводит только к тому, чтобы по-волчьи выть (Freud, 1921).

Габурри и Амброзиано (Gaburri e Ambrosiano, 2003) настаивают, что психоаналитик должен постоянно включаться в дискуссию и соглашаться участвовать также на уровне личной включенности. Авторы берут за основу опыт горевания для процессов

Каждое поколение
не помнит тех причин, которыми
руководствовались предыдущие
поколения.

6 Эта фраза упоминается в «Металогике» III, 4 Иоанна Солсберийского и приписывается им Бернарду Шартрскому (XII век). *Frased menzionata nel Metalogicon, di Giovanni di Salisbury e da lui associata a Bernardo di Chartres*

7 *Laudator temporis acti* (Orazio, *Ars poetica*, 173) (Chi loda e rimpiange il passato).

Традиция не есть неподвижная статуя: она – живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока.

отделения от первых объектов. Через отделение мы сталкиваемся с ужасом бренности, а группа — это то самое пространство, в котором формируются способы ее проработки. Однако в дальнейшем субъект должен освобождаться от группы, сохраняя при этом готовность проникнуться господствующей культурой. Функция реверси понимается ими как прерывистое раскрытие мышления «заражению»

со стороны другого. Недостаточность реверси лежит в основе как конформизма в качестве идентификационного признака группы (социальный конформизм), так и конформизма в анализе (некритичное согласие с идеями учителей или психоаналитического института). Далее авторы говорят об «идеологиях-убежищах», когда даже наиболее распространенные направления (движение в защиту окружающей среды, феминизм, пацифизм) рассматриваются как «норы», в которых можно спрятаться от страха чувствовать и думать.

Агамбен (Agamben, 2008) пишет: «В самом деле, человек своего времени, по-настоящему современный — тот, кто не полностью с ним совпадает и не пытается подстроиться под его требования, а потому, в этом смысле, не совсем принадлежит сегодняшнему дню; но именно благодаря этому, благодаря такой нестандартности и такому анахронизму он больше остальных обладает способностью почувствовать и уловить свое время [...]. Современность есть такие отношения со временем, которые примыкают к нему с помощью смещения и анахронизма» (pp. 8-9).

А вот что пишет Понталис (Pontalis, 1997): «Психоанализ не принадлежит, не может принадлежать своему времени. Он не принадлежит и другому времени, он принадлежит времени иному. Он анахроничен или, точнее, по словам Ницше⁸, вне времени. Он есть и должен быть безразличен к духу времени» (p. 17).

Бальзамо (Balsamo, 2014) подчеркивает, что: «Признание опыта может происходить только в выслушивании того, что упорно в нем звучит сверх того времени, в котором реализуется, в принятии того, что ему подчиняется, и в строительстве нового, никогда не происходившего, в творении неожиданного, которое, как и сегодняшнее, не вписано в настоящее, хотя только из него и может вырастать». (p. 4)

Нельзя ни в коем случае допускать, чтобы аналитики, как герои некоторых произведений научной фантастики, жили сами и предлагали жить другим в побочных или параллельных пространствах, смежных с миром истории и жизни, но невидимых и недоступных. Необходимо следить за тем, чтобы не противопоставлять глобализованному времени и пространству ностальгическое и медленно протекавшее прошлое, маловероятный поиск утраченного времени, которые в наше время не могут рассматриваться в качестве альтернативы. Подобное бесплодное противопоставление встречается в дискуссиях о футболе между сторонниками игры, основанной на персональной технике

8 Friedrich Nietzsche, (1873-1976). *Considerazioni inattuali*.

Современность может обрести
смысл только с помощью
понимания и признания
предшествующей истории.

и гениальности, хотя и медленной, и сторонниками игры, основанной на силе мышц, на атлетической мощи и скорости, но лишенной фантазии.

«В организации психического аппарата следы прожитого сохраняются и создают разницу временных уровней, комбинацию из различных времен — прошлого,

настоящего и будущего, которые налагаются друг на друга и рассредоточиваются. Более старое прожитое идет после менее старого; чувство привязанности в новых отношениях, непосредственно связано с привязанностью из детства. Это непрерывный труд переработки заново и перевода». (Preta, 2006, p. 19)

Постмодернистской мысли свойственно значительное внимание к субъекту и субъективности (Flax, 1996). По мнению Митчелла (Mitchell, 1988), в психоанализе произошел переход от человека влечений к человеку, порождающему смысл, от детской сексуальности к обретению и возвращению к жизни подлинного Я, которое стремится к созиданию личного смысла.

Внимание к субъекту и субъективности бросает вызов и ставит под вопрос многие положения различных психоаналитических теорий, в том числе — существование эволюционных моделей, сексуальность, саму идентичность и практику психоанализа с его понятиями нейтральности, воздержания и пр. С этой точки зрения, с учетом сложности и историчности субъективности, снова стал оспариваться поиск такой универсалистской метапсихологии, которая смогла бы все теории свести в одно целое и вобрать в себя все субъективности (Carozzi, 2003).

Если посмотреть на современные психоаналитические теории, то в них просматривается разносторонность и многообразие моделей, понятий и терминологии, которые заставляют усомниться в том, насколько можно говорить только об «одном» психоанализе или же о «многих», различных между собой (Wallerstein, 1988). Валлерштайн (Wallerstein, 1990) призывает отыскать common ground — общий знаменатель. А с другой стороны, Фрейд и сам избегал переустройства постфактум неравного развития своей мысли, ее научной незавершенности.

В своей Автобиографии (1924) Фрейд особо отмечал, что теоретическая модель, описанная им в трудах по метапсихологии, может быть заменена на другую без всякого вреда для самой дисциплины. Даже в своем Очерке психоанализа, увидевшем свет уже после его смерти в 1938 году, он не стал системно переосмыслить и вписать в контекст первоначальную позицию в свете последующих концептуальных изменений (Wallerstein, 1997).

Понталис (Pontalis, 1997) пишет: «что здание, им самим [психоанализом] воздвигнутое, при перестройке, добавлении комнаты здесь, сносе стенки там,

Через отделение мы сталкиваемся
с ужасом брэнности, а группа –
это то самое пространство,
в котором формируются способы
ее проработки.

Психоанализ не принадлежит, не может принадлежать своему времени. Он не принадлежит и другому времени, он принадлежит времени иному. Он есть и должен быть безразличен к духу времени.

но не затрагивая при этом фундамента [...], — что это здание должно оставаться незавершенным, недостроенным, разве не именно это отвергается, когда страсть к теории выдается за суть системы? Такая теория психоанализа, которая претендует на самодостаточность [...], по самой своей природе не годится для своего предмета». (pp. 106-107)

Баранд (Barande, 1981) подчеркивает важность сомнений и противоречий в мысли Фрейда: «Ценю извивы, трепетность мысли Фрейда, даже его способность противоречить самому себе, но больше всего ценю его характер, позволявший ему до самого конца, до глубокой старости выносить выраженные и невыраженные сомнения, способные довести его до изнеможения» (p. 453).

Риччи (Ricci, 1987) комментирует: «Град психоанализа не гарантирует гражданства раз и навсегда. Он — как открытая граница, как мост, позволяющий переходить туда и обратно и обмениваться, как причал, требующий новых трудов, как отвага, которая меряется силами с несоизмеримым» (p. 189).

То, что можно определить как новую психическую экономику, используя излюбленный термин Джойс МакДугалл (Joyce McDougall, 1978), основанную всегда и в любом случае на поиске удовольствия и на его демонстрации, присутствовало, по всей вероятности, в значительных социальных явлениях, широко распространенных, но свойственных отдельным группировкам, проявлялось в виде мятежей — и как же тут не вспомнить лозунг студенческих протестов 1968 года: «Мы — реалисты, мы требуем невозможного», — или маргинальных, как использование наркотиков в общинах хиппи, — тогда как сегодня мы сталкиваемся с ней в превалирующих социальных явлениях при всеобщем изменении коллективного менталитета.

Психоаналитик, последователь Лакана, Шарль Мельман (Charles Melman, 2002) утверждает, что мы перешли от культуры, основанной на репрезентации, которая зиждется на призывании желаемого объекта, — к культуре презентации, которая заключается в автоматическом и моментальном присвоении, без промежуточных инстанций, самого объекта. Иными словами, от культуры, основанной на вытеснении желаний, стало быть, на неврозе, к иной культуре, которая рекомендует их свободное выражение и удовлетворение и поощряет таким образом перверсию. Психическое благополучие, ментальное здоровье находятся в гармонии не столько, по-видимому, с Идеалом, сколько с объектом для удовлетворения.

Аналитик и музыковед Мишель Шнайдер (Michel Schneider, 2002) также ссылается (так кажется лично мне) на понятие репрессивной десублимации, описанной Маркузе в «Устаревании психоанализа» (1963) и Райхом в «Сексуальности и классовой борьбе» (1968), которое используется для описания воплощенной, лишенной чувственности сексуальности, где субъекты становятся простыми объектами взаимных требований

выполнения функций с точки зрения той вседозволенности, которой поздне-капиталистическое общество заменило старую сексофобную мораль. Это общество распространяет не личную свободу, а собственный контроль над личностью, и утверждает, что договор, понимаемый, как частный договор за рамками норм, признанных как общепринятые, «представляет собой основной механизм для извращенного функционирования. Он все деинституционализирует, то есть снимает регулирование символических практик, чтобы ввести их в сферу договора, что может способствовать укреплению извращенных социальных механизмов». (Schneider, 2002, p. 213)

Французский автор со всей очевидностью раскрывает социальную пользу введения под управление закона таких положений частной жизни, которые в настоящее время подчиняются все возрастающему распространению договора.

У меня создалось впечатление, что все эти утверждения нужно рассматривать с большой осторожностью, поскольку они, хоть и содержат крупинцы истины, но ведут, если возводить их в общее правило и абсолютизм, к реакционным и консервативным позициям, в диапазоне от идеализирующих до порочащих, с ностальгией напоминают о прошлом с четко очерченными границами и, стало быть, с так или иначе определенными организационными возможностями, в противоположность сегодняшнему миру, лишенному

Если посмотреть на современные психоаналитические теории, то в них просматривается разносторонность и многообразие моделей, понятий и терминологии, которые заставляют усомниться в том, насколько можно говорить только об «одном» психоанализе или же о «многих», различных между собой.

какой бы то ни было возможности ограничения и из-за этого запутанного и разочарованного настолько, что психоанализу невозможно к нему даже подступиться (Lebrun, 1997).

Огромная власть договора в современном обществе связана в том числе с исчезновением некоторого количества элементов частной жизни из ряда норм, пронизанных безличными формами контроля, порождениями всепроникающей бюрократической нормативной негибкости, которые постепенно выпали из истории, а потому оказались неспособны динамично и в развитии истолковывать потребности и их выражение. Разумеется, не все может быть передано в руки свободного рынка с его воздействием на экономико-политическую и даже этическую deregulation (Schinaia, 2019), опасность которого в том, что все может оказаться в руках наиболее сильного; но и в этом случае необходимо сохранять чередование «закон-договор», что позволяет придать жизни ускорение и одновременно защитить социальные связи.

Бауман (Bauman, 2003): «Принадлежность и идентичность не вырезаны в камне, не обеспечиваются пожизненной гарантией и в значительной мере являются объектом переговоров и могут быть отменены» (p. 6).

Эллиот (Elliott, 2000): «Общество постмодерна характеризуется как культура воображения без иллюзий, как культурное пространство, допускающее временные и случайные формы воображенных структур» (р. 142).

Таким образом, смысл заключается в необходимости, когда надо, прислушаться к новым организациям психопатологии, вооружиться значительной долей гибкости и осторожности в использовании структурной перспективы, что подчеркивает структурную разницу между невротами, перверсиями и психозами, исходя из специфичности действующих в них защит.

МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ОТСУТСТВИЕМ ТЕОРИИ: АНАЛИТИК-РЕМОНТНИК

Я использую вопросы, которые задали Чезерани (Ceserani, 1998) и Барале (Barale, 2003), немного переформулировав:

Первый: «Может ли психоанализ продолжать использовать свой инструментарий для толкования и прибегать к своим целям расшифровки, реконструкции, реинтеграции в жизнь отношений такого субъекта, который живет в этих новых условиях? Другими словами: возможно ли применить уже созданные инструменты для анализа, отточенные и приведенные в состояние готовности для работы в определенной историко-социальной ситуации, в радикально отличающейся историко-социальной ситуации?» (р. 23)

Второй: «Происходит ли переход от субъекта, который себе самому (Эдип) задает вопросы о своей идентичности, пусть даже и признавая свою гетерогенность и гетерохронизм [а я еще добавлю термин «эксцентричность»], свою незавершенность и открытость, наполненную конфликтностью сеть импульсов, отношений, различий, желаний и наследственности, сознательных и бессознательных, больших и малых, которые образуют его в диалектическом бесконечном движении, но который все-таки может пуститься на этот поиск, поскольку его поддерживают могучие психосоциальные опоры, — к субъекту, которому свойственно куда более радикальное кочевничество, от расцеивания субъективности в изменчивых потоках, сквозь нее протекающих, и более не поддерживаемый сильными символическими структурами?» (pp. 20-21).

Кьянезе (Chianese, 2005), используя термин «operatore» — здесь «агент», позаимствованный у Ассун (Assoun, 1993), который критикует причинно-следственное объяснение бессознательных мотиваций по Фрейду, задает вопрос, остается ли по-прежнему невроз «образцом», пригодным «агентом» для представления современной коллективной формы недовольства, или же более подходящими «агентами» могут быть перверсия, состояние пограничного расстройства личности, состояние меланхолии; потом, однако, он спрашивает также, не является ли врачебным, этическим и культурным

Град психоанализа не гарантирует гражданства раз и навсегда. Он-как открытая граница, как мост, позволяющий переходить туда и обратно и обмениваться, как причал, требующий новых трудов, как отвага, которая меряется силами с несоизмеримым.

долгом психоаналитика признать и понять, насколько изменилось то «гравитационное поле», в котором определяются и размещаются отношения между пациентом, врачом и миром.

Каэс (Kaës, 2005) дает определение «метапсихических гарантов»: «Это образования и процессы в психической среде, на которой основана и структурируется

психика субъекта. Они заключаются, главным образом, в основополагающих запретах и межсубъективных договорах, в которых содержатся организующие принципы структурирования психизма. Они образуют обрамление и фон последнего». (р. 59)

Когда привычные метапсихические и метасоциальные гаранты, всеобщие системы регулирования образований и социальных процессов — такие как мифы и идеологии, верования и религии, власти и иерархия — исчезают или шатаются, тогда субъективность становится опасно неуравновешенной.

Вопросы помогают приблизиться к сложной картине, пусть даже диалектически расшатывая границы проблемы, тогда как при утверждении реальность прочитывается только однонаправленно, обходя возможность встречи/столкновения со всем тем, что не вписывается в принятую схему толкования. Например, изменения, происшедшие в нравах касательно вопросов секса, описываются как эпохальная перемена, и такой способ определения социальной реальности несет в себе опасность навязывания реальности, которую берутся описывать, исключая какую бы то ни было возможность глубокой критики при наблюдении феномена, который чрезвычайно сложен и многослоен.

Для Фрейда наши взаимоотношения с миром и с самими собой поддерживаются не с помощью объекта, а с помощью отсутствия объекта, и не какого-нибудь, а важного, основного, как например, мать в конфигурации Эдипа. И именно утрата объекта открывает роду человеческому доступ к прочным устоявшимся методам репрезентации.

Неужели мы и в самом деле движемся сегодня, при всеохватном проникновении информации, к такому обществу, где не существует не только отца (кризис власти и построение добровольного ползучего фашизма как ее заместителя), но и скорби (перекрестка всякой интроекции, принятия идентичности и согласия с различиями)? (Barale, 2003).

Прогресс понимается как констатация того, что небеса пусты и в них нет ни Бога⁹, ни идеологий, ни обещаний, ни связей, ни предписаний, и что личности пытаются

Психическое благополучие,
ментальное здоровье находятся
в гармонии не столько, по-
видимому, с Идеалом, сколько
с объектом для удовлетворения.

9 Заявление, что Бог умер, было впервые сформулировано Ницше в «Веселой науке», где речь безумного человека знаменует собой конец эпохи, больше того, конец «истории»: причем, эпоха и история понимаются как совокупность человеческого опыта, наделенного окончательным общепонятным смыслом. Лакан добавляет, что проблема заключается не столько в том, что Бог умер, сколько в том, что сам он этого не знает, в том смысле, что сам никогда не был ничем иным, как желанием поручить Другому ответственность за личный выбор, чтобы избежать столкновения с такой особенностью желания, как бесконечность, которая неизбежно приводит за собой недостаточность.

определить себя сами, индивидуально и коллективно. С этой точки зрения, прогресс, с одной стороны, способствует увеличению свободы плавания без помех, без прочных привязок и возможностей передумать, а с другой, приносит с собой цену маниакальной потребности удовлетворять желания всегда и во что бы то ни стало, произнесенного вслух намерения возделывать настоящее и заставлять его как можно быстрее принести плоды (Bodei, 2001), отсутствия отсрочки в получении удовольствия и постоянного наличия объекта, приносящего удовлетворение. Если удовлетворения нет или оно недостаточно, то это рассматривается как скандал, недостаточность, ущерб. Законодательство тоже направлено на перемены в соответствии с появлением все новых потребностей, всегда требующих моментального удовлетворения — потребностей, которые становятся законным правом на совершенное и полное удовлетворение, но которые, с другой стороны, допускают наличие контроля ввиду их тенденции к патологии.

Прогресс всегда состоял в том, чтобы раздвигать границы науки и одновременно с этим — нравственные запреты; однако, в настоящее время этот процесс синхронизации оказался в состоянии кризиса, потому что границы кажутся несостоятельными, расплывчатыми и составляют нечто общее с неустойчивой идентичностью, субъективностью. Излишество становится тенденцией, и теперь уже больше имеет общего не с нарушением, а с предписанием — предписанием излишества как такового, поэтому излишество становится привычкой, выбрасывание — нормой, «нарушение предполагает, что существуют связи, которые нужно разрывать, нормы, которые нужно нарушать, сильную идентичность нужно умирять, но неразграниченное нарушено быть не может». (Vegetti Finzi, 2001, p. 67)

Изменение, свидетелями которого, как говорят, мы стали, проявляется, в частности, в бесстыдной демонстрации объекта, непрерывное потребительское наличие которого препятствует формированию измерения утраты. Перверсия, с помощью рекламы и СМИ, угрожает сделаться социальной нормой и в этом качестве принципом в общественных отношениях, из-за чего возрастает число явлений «одноразового использования», когда тело рассматривается, как неудовлетворительное, когда партнера оценивают, как оказавшегося не на высоте. Если качество отношений воспринимается как низкое и во всяком случае очень «скоропортящееся», то оно заменяется количеством, умножением и накоплением. Такое предполагаемое изменение всячески превозносится в постмодернистской культуре, как навязывание неорганичного, безличного мира эмоций, которому свойственен безымянный и материализованный опыт.

Вот что говорит философ Марио Перниола (Mario Perniola, 2003) по поводу вытеснения и представимости тела в современной культуре: «Рок-музыка и деконструктивная архитектура, научная фантастика и виртуальная реальность, наркотики и имидж, киберпанк и сплаттерпанк, художественные инсталляции и металитература, спортивные

Принадлежность и идентичность
не вырезаны в камне,
не обеспечиваются пожизненной
гарантией и в значительной мере
являются объектом переговоров
и могут быть отменены.

Смысл заключается в необходимости, когда надо, прислушаться к новым организациям психопатологии, вооружиться значительной долей гибкости и осторожности в использовании структурной перспективы, что подчеркивает структурную разницу между невротами, перверсиями и психозами, исходя из специфичности действующих в них защит.

и театральные перформансы, экстремальные виды спорта и перверсивная сексуальность — это все проявления, в основе которых лежит не тело, живое и трепещущее, а тело — вещь [...], как противопоставление спиритуалистическому витализму, воспеванию мифа, творения, непосредственности, субъективной подлинности» (р. 134).

Но о чем идет речь: о социологической перемене или об обширном изменении нравов, продержавшемся, на удивление, долго, поскольку было растиражировано СМИ и рекламой, постоянно ищущими новый товар для предложения потребителю, при этом оно не может считаться постоянным и окончательным?

Амалия Джуффрида (Amalia Giuffrida, 2006) задается вопросом: могут ли перемены в культуре и нравах привести к переустройству известных нам бессознательных призрачных конфигураций, и утратили ли или изменили классические движущие силы психосексуальности свои функции создания хранилища того, что в воображении, — ведь до настоящего времени именно это было особенностью нашей цивилизации. Или же перемены в стиле жизни общества не сводятся к новой мифопоэтике, которая рождается из изменений первичных мифов в силу своего рода круговой обратной связи с тканью социума.

Ди Кьяра (Di Chiara, 1998, р. 4) предлагает провести четкое разграничение между «Неудобством культуры», предложенным Фрейдом (1929), относительно столкновения личности с непреодолимыми конфликтами, которые ожидают его в общественной жизни, и «психосоциальными синдромами», которые он считает высоко патологической социальной вероятностью, где преобладают явления защитного типа, которые соединяются и проявляются в поведении больших групп людей, принося, несмотря на видимость пользы, серьезные помехи и страдания, и по этой причине обладают особенностями, подобными перверсиям (*propone di distinguere nettamente*).

Нам необходимо уделять значительное внимание наблюдению за изменениями нравов, ведь они очень значительны, хотя и столь же сумбурны, за векторами перемен, которые с большой быстротой могут изменять свою траекторию, при этом справедливо оценивая поведение общества, которое настоятельно отрицает, как принадлежность, так и недостаточность, но избегая катастрофических выводов типа: «все изменилось» или утешительных заключений в том же духе типа: «по существу не изменилось ничего». Так что, стоит пытаться чередовать по-бионовски прерывистость и непрерывность, забывая о памяти и желании, веря в креативность собственного бессознательного, не ища искупления или хотя бы передышки, мечтая о принадлежности, или наоборот, ведя неустанный поиск неизведанных и неопробованных идентичностей, настолько

Остается ли по-прежнему невроз «образцом», пригодным «агентом» для представления современной коллективной формы недовольства, или же более подходящими «агентами» могут быть перверсия, состояние пограничного расстройства личности, состояние меланхолии; не является ли врачебным, этическим и культурным долгом психоаналитика признать и понять, насколько изменилось то «гравитационное поле», в котором определяются и размещаются отношения между пациентом, врачом и миром.

привлекательных и расположенных на расстоянии вытянутой руки, каждая из которых обладает преимуществами — возбуждающими, потому что необычными, и многообещающими, потому что еще не скомпрометированными (Bauman, 2003).

Психоаналитику предстоит принять вызов, который бросает ему общество, на первый взгляд, со все более возрастающим недостатком традиционных точек опоры, ищущее в качестве компенсации такие реперные точки, которые могут заменить те, что воспринимаются как устаревшие и изношенные. Франческо Барале (Francesco Barale, 2003) справедливо утверждает, что психоаналитикам не стоит реагировать на волнения, придерживаясь позиций фундаментализма, имплицитно нормативных, или доводя до полного абсолюта измерение воображаемого с некоторыми его историческими формами.

Петрелла и Берлинчони (Petrella e Berlincioni, 2002) обращают настойчивое внимание на то, что в терапии необходимо в любом случае воскрешать Эдипа, потому что не признают новых реальностей влечений и отношений, которые могли бы послужить ему альтернативой: «Великий нарратив Эдипа, с его эмансипирующим потенциалом, оставляет место другим множасьимся образованиям с локальными микронарративами, с неполными фрагментарными объектами и относительной иконографией» (2004, р. 372).

Грин (Green, 2002) тоже не согласен с тем, что он определяет как «прагматику нарративного знания», поскольку «свободная ассоциация разрывает повествование» (р. 331)¹⁰.

Однако Габбард и Уэстен (Gabbard, Westen, 2004) пишут следующее: «В практике психоанализа образовалась БОльшая гибкость и признание неизбежности — и ценности — переговорного процесса, имеющего место у каждой аналитической пары» (р. 117).

Однако, если Гринберг (Greenberg, 1995) настаивает, что модель и «правила» изменяются, в зависимости от специфической природы субъективности аналитика

10 Игл (Eagle, 2000) считает несостоятельными точки зрения четырех современных авторов (Mitchell, Renik, Schafer, Spence), которые с помощью различных методов и стилей пересекаются с постмодернизмом. Эти точки зрения называют «новой парадигмой» и для него они не составляют подходящей основы, на которой можно строить какое бы то ни было понимание аналитической ситуации, понимание мышления пациента, а также будущее развитие психоаналитической теории.

и пациента, то Габбард и Уэстен (2004) уточняют, что выбор гибкого поведения не означает, что для часа психоанализа хорошо все, что угодно.

Сложность и неоднородность субъекта, устои, на которых зиждется постмодернистская мысль, не должны вести к неопределенности и абсолютному релятивизму. Аналитик должен соглашаться с неудобством стоять по колено в холодной воде и чувствовать себя ремонтником, который умеет строить с помощью тех материалов, которые есть у него под рукой, в смысле различных теорий, которые могут быть по-разному откалиброваны, в том числе с помощью оригинальных разновидностей проб, которые, начиная со знакомых пейзажей, могут открывать новые пути для познания и отношений. Таким ремонтником, который имеет в виду полифоническое понятие идентичности, идентичность как нечто перемещающееся с места на место, во всяком случае, гораздо больше перемещающееся, по сравнению с прошлым, и внутри круговых сетей, которые представлены слабыми, переливающимися разными цветами, пестрыми экспрессивными формами. Это идентичности переходные, возможно, подготовительные для будущих постоянных идентичностей, но подлинные, и те, которые считаются подлинными по согласованию, задуманные, как то, что надлежит строить в отношениях анализа с помощью подручных материалов, а не как первичная целостность, которую еще предстоит обнаружить.

Рут Штайн (Ruth Stein) тоже говорит о ремонте, подразумевая вероятное сочетание различных теорий психоанализа в клинической работе. Для нее способность держать под рукой ящик с рабочими инструментами дает возможность собрать воедино части разных теорий в хошем метатеоретическом контексте.

Американская исследовательница – психоаналитик пишет (1995): «Хороший набор инструментов полезен ремонтнику [Леви-Стросс (Lévi-Strauss, 1985) использовал метафору ремесленника — горшечника для описания современных способов систематизации знания], а теории используются в качестве рабочих инструментов, как говорил Витгенштейн (Wittgenstein, 1953). Чем больше инструментов в теоретическом рабочем ящике психоаналитика, тем больше смысла будет иметь для него пациент, тем больше словарей и образов будет с ним составлено, тем более разнообразными будут эмоции, которые будут переживаться с ним, с помощью процессов интуитивного комбинирования, концептуального смещения, а также самых настоящих процессов сложения и вычитания» (р. 302).

Знание выстраивается, а не открывается; оно базируется на контексте, а не на внешнем основании (Elliott, 2000).

Фред Пайн (Fred Pine, 1989, 1990a, 1990b, 2001) задумывался над способом, с помощью которого можно совместить сразу несколько теорий в психоанализе, отмежевываясь от «великих теорий», которые вмещают все. Он считает необходимым ссылаться

Прогресс понимается
как констатация того, что небеса
пусты и в них нет ни Бога,
ни идеологий, ни обещаний,
ни связей, ни предписаний,
и что личности пытаются
определить себя сами,
индивидуально и коллективно.

на теорию влечений, на эго-психологию, чередуя различные модели, в зависимости от момента и клинической ситуации. Мигоне (Migone, 2004), комментируя его работы, признает важность сосуществования множества теоретических моделей и направлений, но при этом критикует его подход, в котором слишком сказывается влияние герменевтики и радикального конструктивизма.

Сегодня психоаналитик стоит перед «слабым и трудноуловимым субъектом, в котором гораздо меньше глубины и плотности, который кажется почти плоским по всей поверхности, которая становится для него тонким зеркалом, в котором он созерцает себя, как Нарцисс; он введен в сеть быстрого и многообразного опыта и ощущений, которые тоже, в свою очередь, слабы и преходящи». (Ceserani, 2001, p. 178)

Нэнси Ходоров (Nancy Chodorow, 1995), комментируя клинический случай транс-сексуальности, описанный у Рут Штайн (Ruth Stein, 1995a), определяет как эпистемологическую ловушку защитного типа использование конвенциональных категорий психоаналитической мысли для описания новых перспектив касательно сложности и многообразия гендера. Проще иметь под рукой набор теорий, на которые можно ссылаться, говорит Ходоров, которые можно положить в основу того, что мы выслушиваем, чем оставаться в той самой неуверенности, которую Левенталь и Снелл (Loewenthal, Snell, 2003) называют актом смирения, который может стать могучей терапевтической движущей силой, вызовом всемогуществу, как в пациенте, так и в психотерапевте.

Штайн (Stein, 1995), также в дискуссии, отвечая Ходоров, настаивает, что необходимо иметь двойную позицию, которая позволит вместить и охватить диалектические отношения между (мета)теорией культуры и непосредственным аналитическим опытом. По мнению Рут Штайн, особые клинические теории и общие теории культуры необходимо соединять, даже в конфликте и противоречии между собой. Потребность придать смысл, выстроить убедительный нарратив, объединить правдоподобные эмотивные объяснения должна резонировать с деконструирующими процедурами современной мысли.

Штайн пишет: «Пациенты нуждаются в согласованности, а не только во разнообразии, в единстве [...], и не только в распространении, в выстраивании и определении Себя как целостности, чего-то, чего моему пациенту мучительно не хватает. [...] Человек, страдающий пограничным расстройством личности или раздробленностью и отсутствием цельности Я, или же находящийся в шизофреническом состоянии, нуждается в концентрации, в выстраивании в обобщенности (естественно, с помощью анализа). С пациентом

Прогресс всегда состоял в том, чтобы раздвигать границы науки и одновременно с этим – нравственные запреты; однако, в настоящее время этот процесс синхронизации оказался в состоянии кризиса, потому что границы кажутся несостоятельными, расплывчатыми и составляют нечто общее с неустойчивой идентичностью, субъективностью.

Изменение, свидетелями
которого, как говорят, мы стали,
проявляется, в частности,
в бесстыдной демонстрации
объекта, непрерывное
потребительское наличие
которого препятствует
формированию измерения
утраты.

в анализе нельзя обращаться как с «субъектом» некоторых современных теорий, как с иллюзией, фикцией, относиться как к просто искусственному продукту культуры или языка» (р. 304).

Чезерани (Ceserani, 1998) считает: «Инструменты толкования в психоанализе представляют собой «сильную и одновременно очень гибкую эвристическую модель, как это следует из сделанного венским учителем, который постоянно вновь и вновь передумывал, пересматривал и добавлял, а также, парадоксальным образом,

из беспорядочной и наполненной взаимной руганью истории школ психоанализа, которые годами и десятилетиями дрались друг с другом именно из-за проблем ортодоксального сохранения самой модели или бесконечных предложений ее пересмотреть». (р. 23)

Для Ди Кьяра (Di Chiara, 1998) психоанализ в кризисе современности сохраняет позиции рационализма, усиленного сознанием иррационального и его тяжести. Изменение, происшедшее в современном способе бытия (изменения в сущностях, главным образом, в Супер-Эго, и часто встречающаяся потеря субъектной организации), *Zeitgeist*, духе времени современности заставляет нас иметь дело с такой клинической реальностью, которую мы плохо знаем через полученное образование (Bolognini, 2003), а, следовательно, его следует постоянно пополнять и приводить в соответствие реальности.

Израэль (Israël, 1994) пишет: «Правила, какими бы они ни были, могут подвергаться обсуждению, а в нашей материи — пересмотру, как связанному с сегодняшней ситуацией, так и теоретическому, чтобы избежать опасности сотворить себе из них кумира и утратить весь их жизненный смысл». (р. 33)

А потому не могут служить ответом ни железная защита первоначальных правил, превратившихся во всеобщие законы, под знаменем фетишизации, бюрократической одержимости, ни распад собственной идентичности при отсутствии какой бы то ни было навязанной ценности.

Если не рассматривать те теоретические точки зрения, которые отрицают какую бы то ни было ценность постмодернистских теорий и их возможную связь с психоанализом, то тщательное изучение позиций, которые можно назвать открытыми, приведет к необходимости сопоставления и сосуществования различных психоаналитических теорий. Двусмысленность, характерная для эпохи постмодерна, представляет собой не только опасность, но и благоприятную возможность (Elliott, 2000).

Факинелли (Fachinelli) говорит о «психоанализе вопроса, расспрашивания, противоположном психоанализу ответа». (р. 32)

Мне кажется уместным подчеркнуть необходимость ссылаться на разные направления, на разнообразие и сложность наших сегодняшних перспектив, находящихся в непрерывном и продуктивном развитии, чтобы прийти к возможности их использовать в хорошем метатеоретическом контексте и сравнивать с тем клиническим опытом,

который постоянно вносит беспорядок и вновь упорядочивает теоретические системы. Непрерывное передумывание и переоценивание собственной техники помогает освободить ее от микроиллюзий эвристического всемогущества и способствует появлению далеко идущих вопросов по поводу привычных нам ракурсов.

Вот что пишут Ринальди и Станционе (Rinaldi e Stanzione, 2012): «[Гибкость и осторожность полезны], прежде всего, потому, что допускают широкую свободу выражения трансфера аналитика пациенту при таких клинических проявлениях, которые требуют максимального участия трансфера-контртрансфера, как инструмента для приема и в какой-то мере для действия по отношению к преимущественно невытесненному бессознательному и, стало быть, недоступному для перевода». (р. 6)

Речь, разумеется, не идет о теоретико-клиническом эклектизме общего характера или о легких уступках герменевтике и радикальному конструктивизму или, тем более, об отстаивании этакой всемогущей интуитивности, или о том, чтобы не задумываться об относительной совместимости или несовместимости различных теоретических моделей, скорее, — это соотнесение с теоретизацией, одновременно строгой и свободно текущей, живой.

В практике психоанализа образовалась бóльшая гибкость и признание неизбежности и ценности переговорного процесса, имеющего место у каждой аналитической пары.

Стефано Болоньини (Stefano Bolognini, 2010) пишет: «За эти годы я много поездил, как и многие другие итальянские коллеги. Вместе мы посещали рынки, деревни, места поклонения «святыням», дома (а иногда и укрепленные замки [...]) других психоаналитических семейств [...]. И я свидетельствую, что итальянские психоаналитики [...] нравятся в целом своей открытостью, готовностью к диалогу, а не строго схоластической или суперэгоистичной направленностью нашей культуры психоанализа, что есть сознательный результат традиции слушать и изучать [...], связанной с нашей дисциплиной в мировом масштабе.» (р. 610)

Объемы и способы такого сопоставления, в том числе в связи с социокультурными изменениями, слишком сильно различаются между собой и будут все больше становиться объектом размышления и углубленного изучения для аналитиков, которым придется иметь дело с новыми разновидностями выражения душевной болезни.

Мани-Керл (Money-Kyrle, 1931) считает: «Если мы хотим жить всегда, то нам нужно продолжать самим адаптироваться к своей среде и адаптировать среду к себе, а кроме того, нам нужно предусматривать и предугадывать те виды адаптации, которые станут в один прекрасный день необходимыми». (pp. 150-51)

Это утверждение одновременно похвала гибкости и твердости, которые, мне кажется, могут иметь значение для психоанализа и для психоаналитиков, открытых для перспектив и творчества во времена постмодерна.

БИБЛИОГРАФИЯ BIBLIOGRAFIA

1. Agamben, G. (2008). *Che cos'è il contemporaneo?* Milano: Nottetempo.
2. Agamben, G. (2017). *Autoritratto nello studio.* Milano: Nottetempo.
3. Arendt, H. (1961). *Tra passato e futuro.* Trad. it. Milano: Garzanti, 1991.
4. Assoun, P.-L. (1993). *Freud e le scienze sociali.* Trad. it. Roma: Borla, 1999.
5. Balsamo, M. (2014). *Che cos'è il presente?* — Editoriale, *Psiche*, 1: 1-4.
6. Barale, F. (2003). Normale caos dell'amore: corpo, Edipo e sexualtheorie all'epoca della modernità liquida, *Psiche*, 1: 19-32.
7. Barande I. (1981). Freud insolite, *Revue française de psychanalyse*, XLV, 3: 453-461.
8. Bauman, Z. (1993). *Le sfide dell'etica.* Trad. it. Milano: Feltrinelli, 1996.
9. Bauman, Z. (2000). *Modernità liquida.* Trad. it. Roma-Bari: Laterza, 2002.
10. Bauman, Z. (2003). *Intervista sull'Identità.* (a cura di B. Vecchi). Roma-Bari: Laterza.
11. Bauman, Z., Tester, K. (2001). *Società, etica, politica. Conversazioni con Keith Tester.* Trad. it. Milano: Cortina, 2002.
12. Bauman, Z., Mauro, E. (2015). *Babel.* Roma-Bari: Laterza.
13. Bion, W. R. (1963). *Gli elementi della psicoanalisi.* Trad. it. Roma: Armando, 1973.
14. Bodei, R. (2001). *Il dottor Freud e i nervi dell'anima. Filosofia e società a un secolo dalla nascita della psicoanalisi (Conversazioni con Cecilia Albarella).* Roma: Donzelli.
15. Bolognini, S. (2010). *Passaggi segreti verso l'inconscio: stili e tecniche di esplorazione,* *Rivista di psicoanalisi*, LVI, 3: 599-613.
16. Capozzi, P. (2003). *Ermeneutica e psicoanalisi.* In: M. Bezoari, F. Palombi (a cura di), *Epistemologia e psicoanalisi: attualità di un confronto*, (pp. 85-106). Milano: Centro di Psicoanalisi Cesare Musatti.
17. Ceserani, R. (1998). *Forme del postmoderno,* *Psiche*, 1: 19-25.
18. Ceserani, R. (2001). *Freud di fronte all'individuo postmoderno.* In: F. Borrelli (a cura di), *Pensare l'Inconscio. La rivoluzione psicoanalitica tra ermeneutica e scienza*, (pp. 177-181). Roma: Manifestolibri.
19. Char, R. (1943-1944) *Nota 62.* In: *Id. Fogli d'Ipnos.* Trad. it. Torino: Einaudi, 1968.
20. Chianese, D. (2005). *L'infelicità nella civiltà,* *Psiche*, 2: 11-17.
21. Chodorow, N. (1995). *Multiplicities and Uncertainties of Gender: Commentary on Ruth Stein's "Analysis of a Case of Transsexualism",* *Psychoanalytic Dialogues*, 5: 291-299.
22. Derrida, J. (2001). *Scegliere la propria eredità.* In: Derrida J., Roudinesco È., *Quale domani?*, (pp. 11-37). Trad. it. Torino: Bollati Boringhieri, 2004.
23. Di Chiara, G. (1998). *Prospettive psicoanalitiche per Homo Sapiens,* *Psiche*, 1: 27-33.
24. Eagle, M. N. (2000). *La svolta post-moderna in psicoanalisi, Psicoterapia e scienze umane,* XXXIV, 4: 5-44.
25. Elias, N. (1987). *La società degli individui.* Trad. it. Bologna: Il Mulino, 1990.
26. Eliot, T.S. (1932). *Selected Essays, 1917-1932.* New York: Harcourt, Brace.
27. Elliott, A. (2000). *The ambivalence of identity: Psychoanalytic theory in the space between modernity and postmodernity.* In: A. Elliott, Ch. Spezzano (a cura di), *Psychoanalysis at its Limits*, (pp. 110-144). London & New York: Free Association Books.
28. Elliott, A. e Spezzano, Ch. (2000). *Rethinking psychoanalysis in the postmodern era.* In: A.

- Elliott, Ch. Spezzano (a cura di), op. cit., (pp. 1-14).
29. Erikson, E. H. (1964). Introspezione e responsabilità. Trad. it. Roma: Armando, 1968.
30. Fachinelli, E. (2022). Esercizi di psicanalisi. Milano: Feltrinelli.
31. Flax, J. (1996). Taking multiplicity seriously: Some implications for psychoanalytic theorizing and practice, *Contemporary Psychoanalysis*, 32: 577-693.
32. Flax, J. (2000). Final analysis: Can Psychoanalysis survive in the postmodern West?. In: A. Elliott, Ch. Spezzano (a cura di), op. cit., (pp. 41-62).
33. Freud, S. (1912-1913). Totem e tabù. OSF, vol. 7.
34. Freud, S. (1915-1917). Introduzione alla psicoanalisi. OSF, vol. 8.
35. Freud, S. (1921). Psicologia delle masse e analisi dell'Io. OSF, vol. 9.
36. Freud, S. (1924). Autobiografia. OSF, vol. 10.
37. Freud, S. (1932). Lezione 31. La scomposizione della personalità psichica. In *Introduzione alla psicoanalisi (nuova serie di lezioni)*. OSF, vol. 11.
38. Freud, S. (1938[1940]). Compendio di psicoanalisi. OSF, vol. 11.
39. Frie, R. (a cura di) (2004). *Understanding Experience. Psychotherapy and Postmodernism*. New York: Routledge.
40. Frosh, S. (2000). Postmodernism and the adoption of identity. In: A. Elliott, Ch. Spezzano (a cura di), op. cit., (pp. 63-78).
41. Gabbard, G. O., Westen, D. (2004). Ripensare l'azione terapeutica, *Gli Argonauti*, XXVI, 101: 113-141.
42. Gaburri, E., Ambrosiano, L. (2003). *Ululare con i lupi. Conformismo e rêverie*. Torino: Bollati Boringhieri.
43. Giuffrida, A. (2006). Le omosessualità nascoste. In: A. Nunziante Cesàro, P. Valerio (a cura di), *Dilemmi dell'identità: chi sono? Saggi psicoanalitici sul genere e dintorni*, (165-183). Milano: FrancoAngeli.
44. Glass, J. M. (1993). *Shattered Selves: Multiple Personality in a Postmodern World*. Ithaca: Cornell University Press.
45. Green, A. (2002). *Idee per una psicoanalisi contemporanea*. Trad. it. Milano: Cortina, 2004.
46. Greenberg, J.R. (1995). Psychoanalytic technique and the interactive matrix, *Psychoanalytic Quarterly*, 64: 1-22.
47. Hegel, G. W. F. (1833). *Lezioni di storia della filosofia* (vol. 1). Trad. it. Firenze: La Nuova Italia, 1981.
48. Heller, Á., Fehér, F. (1988). *La condizione politica postmoderna*. Trad. it. Genova: Marietti, 1992.
49. Hoffman, I.Z. (1998). *Rituale e spontaneità in psicoanalisi*. Trad. it. Roma: Astrolabio, 2000.
50. Holt, R. R. (2002). Il post-modernismo: le sue origini e la sua minaccia alla psicoanalisi, *Setting*, 11: 77-99.
51. Israël, P. (1994). Spécificité(s) de la formation analytique, *EPF Bulletin*, 42 : 31-39.
52. Kaës, R. (2005). Il disagio del mondo moderno e la sofferenza del nostro tempo. Saggio sui garanti metapsichici, *Psiche*, 2: 57-66.
53. Leary, K. (1994). Psychoanalytic "problems" and postmodern "solutions", *Psychoanalytic Quarterly*, 63: 433-465.
54. Lebrun, J. P. (1997). *Un monde sans limite. Essai pour une clinique psychanalytique du social*. Ramonville Saint-Agne: Erès.

55. Lévi Strauss, C. (1985). *La vasaia gelosa*. Trad. it. Torino: Einaudi, 1987.
56. Loewenthal, D., Snell, R. (a cura di) (2003). *Post-modernism for Psychotherapists. A Critical Reader*. Hove and New York: Brunner-Routledge.
57. Lyotard, J.-F. (1979). *La condizione postmoderna*. Trad. it. Milano: Feltrinelli, 1981.
58. Marcuse, H. (1963). *L'obsolescenza della psicoanalisi*. In: Id., *Psicanalisi e politica*, (pp. 87-108). Trad. it. Roma: Manifestolibri, 2006.
59. Mc Dougall, J. (1978). *A favore di una certa anormalità*. Trad. it. Roma: Borla, 1993.
60. Melman, Ch. (2002). *L'uomo senza gravità. Conversazioni con J.P. Lebrun*. Trad. it. Milano: Bruno Mondadori, 2010.
61. Migone, P. (2004). Sulle "quattro psicologie" di Fred Pine, *Il ruolo terapeutico*, 95: 87-92.
62. Mitchell, S. (1988). *Gli orientamenti relazionali in psicoanalisi*. Trad. it. Torino: Boringhieri, 1993.
63. Money-Kyrle, R. (1931). *Le conseguenze remote della psicoanalisi sul comportamento individuale, sociale ed istintivo*. In: Id., *Scritti 1927-1977*, (a cura di M. Mancina) (pp. 119-151). Trad. it. Torino: Loescher, 1984.
64. Nietzsche, F. (1873-1876). *Considerazioni inattuali*. In: *Opere complete*, vol. III, t. 1. Trad. it. Milano: Adelphi, 1972.
65. Pasolini, P. P. (1976). *Lettere luterane*. Torino: Einaudi.
66. Perniola, M. (2003). *Incroci (un dibattito tra Camilla Adami, Maurizio Balsamo, Nicoletta Bonanome, Mario Perniola, Lorena Preta, Stefano Rodotà e Tito Spini)*, *Psiche*, 1: 133-144.
67. Petrella, F., Berlincioni, V. (2002). *La clinica e le nuove realtà tecnologiche. Una riflessione psicoanalitica*, *Psiche*, 1: 171-184.
68. Petrella, F., Berlincioni, V. (2004). *Lavoro clinico e quadro socioculturale: le intersezioni*, *Gli Argonauti*, 103: 363-374.
69. Pine, F. (1989). *Motivation, personality organization, and the four psychologies of psychoanalysis*, *Journal of American Psychoanalytic Association*, 37: 31-64.
70. Pine, F. (1990a). *Drive, Ego, Object and Self*. New York: Basic Books.
71. Pine, F. (1990b). *Le quattro psicologie della psicoanalisi e la loro importanza nel lavoro clinico*, *Gli Argonauti*, XII, 45: 95-114.
72. Pine, F. (2001). *Listening and speaking psychoanalytically — with what in mind?*, *International Journal of Psychoanalysis*, 82, 5: 901-916.
73. Pontalis, J.-B. (1997). *Questo tempo che non passa*. Trad. it. Roma: Borla, 1999.
74. Preta, L. (2006). *Resti del futuro*. In: M. Capuano (a cura di). *ArchitettonicaMente. Contaminazioni tra architettura e psicoanalisi*, Numero speciale di *Architetture Pisane*, 5: 19-22.
75. Reiche, R. (1968). *Sessualità e lotta di classe*. Trad. it. Roma-Bari: Laterza, 1969.
76. Ricci, G. (1995). *Le città di Freud. Itinerari, emblemi, orizzonti di un viaggiatore*. Milano: Jaca Book.
77. Rinaldi, L. e Stanzione, M. (2012). *Introduzione*. In: L. Rinaldi, M. Stanzione (a cura di), *Le figure del vuoto*, (pp. 5-25). Roma: Borla.
78. Schinaia, C. (2006). *Tra continuità e discontinuità. Intrecci del moderno e del postmoderno in psicoanalisi, Psicoterapia e scienze umane*, XL, 2: 165-180.
79. Schinaia C., (2019). *Pedofilia e psicoanalisi. Figure e percorsi di cura*. Torino: Bollati Boringhieri

80. Schneider, M. (2002). *Big Mother. Psychopathologie de la vie politique*. Paris : Odile Jacob.
81. Simmel, G. (1989). *Diario postumo*. Trad. it. Torino: Nino Aragno, 2011.
82. Stein, R. (1995). Reply to Chodorow, *Psychoanalytic Dialogues*, 5: 301-310.
83. Stern, D. B. (1985). Some controversies regarding Constructivism and Psychoanalysis, *Contemporary Psychoanalysis*, 21: 201-208.
84. Vegetti Finzi, S. (2001). Corpo-macchina e soggettività femminile. In: M. Galzigna (a cura di), *Volti dell'identità. Le scienze psichiche, l'altro e lo straniero* (pp. 56-70). Venezia: Marsilio.
85. Virilio, P. (2005). Il mondo fragile. Intervista a cura di Daniel Binswanger, *Internazionale*, 12, 573: 28-32.
86. Wallerstein, R. S. (1988). One Psychoanalysis or Many?, *International Journal of Psychoanalysis*, 69: 5-21.
87. Wallerstein, R.S. (1990). Psychoanalysis: The common ground, *International Journal of Psychoanalysis*, 71: 3-20.
88. Wallerstein, R. S. (1997). Prefazione. In: Sandler, J., Holder, A., Dare, C., Dreher, A. U. (1997), *I modelli della mente di Freud*, (pp. 9-12). Trad. it. Milano: FrancoAngeli, 2001.
89. Wittgenstein, L. (1953). *Ricerche filosofiche*. Trad. it. Torino: Einaudi, 1967.

Билингвизм – новые реалии аналитической пары

ЯЗЫК – ЭТО... НЕ ПРОСТО УПАКОВКА
ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ И ЧУВСТВ,
НО... СРЕДА, В КОТОРОЙ СОЗДАЮТСЯ
ЧУВСТВА И МЫСЛИ.

Томас Огден, 1991

Сегодня все чаще можно наблюдать, что пациенты, живущие в эмиграции и владеющие двумя и более языками, решаются проходить анализ на неродном языке, а психоаналитики – практиковать. Причем, аналитики имеют разный уровень осведомленности относительно языковых практик билингвов и их потенциального значения для анализа. Литература, в основном описывающая опыт пациентов-билингвов, и в меньшей степени аналитиков-билингвов, предполагает, что язык, используемый в аналитическом кабинете, играет важную роль как в терапевтическом процессе, так и в отношениях между аналитиком и пациентом. На сегодняшний день не существует профессионального консенсуса насчет того, является ли анализ на родном языке или билингвальный анализ (попеременно на двух языках) предпочтительнее анализа на втором языке, выученном позже. В данной статье описывается феномен человека-билингва, способного попеременно говорить на двух языках, психика которого представляет своего рода упакованную головоломку, уникальную тем, что в ее пределах находятся две эмпирические системы, каждая из которых ограничена своим языком. Кроме того, в статье исследуется описанная в литературе практика аналитиков-билингвов и особенности проведения психоанализа на втором языке пациента, а также попеременно на двух языках. Отдельно рассматриваются вопросы переноса и контрпереноса, присущих билингвальному анализу, а также значение игры слов в аналитическом поле. В заключении приводятся рекомендации в отношении работы с двуязычными пациентами, которые могут принести пользу практике аналитиков, психотерапевтов и психологов, работающих на разных языках.

Гайгер Олеся Валерьевна

- Психиатр, психолог, психоаналитический психотерапевт
- Член ЕАРПП (РО-Москва)

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня язык, как средство коммуникации, представляет собой нечто обыденное, само собой разумеющееся. Но с тех пор, как появились разные языки, великие умы будоражит тайна их происхождения. Одним из самых распространённых мифов об их возникновении считается миф о Вавилонской башне, аналоги которого существуют почти в каждой культуре. В этом мифе описывается

Можно сказать, что билингвизм – это способность попеременно применять два языка.

смешав языки. И больше не имея возможности общаться, как прежде, люди (народы) заговорили на разных языках. Возможно, этот миф является символом инфантильного превербального рая, и каждый из появившихся языков тогда можно рассматривать как идиосинкратический, создающий особое, уникальное видение реальности, которое невозможно в точности воспроизвести на другом языке (Amati-Mehler et al., 1993).

С течением времени бесконечные войны между народами и племенами вынуждали пленников учить язык завоевателей. Также мирное сосуществование с соседями, взаимопомощь, необходимость выживания в суровых климатических условиях требовали общения на разных языках. Так, в первобытном обществе возникло двуязычие или билингвизм, который носил, скорее, случайный и временный характер. Сейчас, как и тогда, билингвизму сложно дать «жесткое» научное определение, тем более с психоаналитической точки зрения. Можно сказать, что билингвизм – это способность попеременно применять два языка (Costa & Dewaele, 2012). Трилингвизм, квадролингвизм, пенталингвизм относятся к полилингвизму или мультилингвизму, и часто изучаются в рамках, установленных для билингвизма, хотя динамика полилингвизма гораздо более сложная.

Психоаналитик Роуз-Мари Перес Фостер (Pérez Foster, 1996) утверждала, что «билингвизм в психоанализе так же стар, как и сама область». Действительно, вопрос о значении выбора языка пациентами-билингвами и о том, какие бессознательные мотивы лежат в основе этого выбора, интересовал аналитиков еще со времен ранних исследований Фрейда, начиная с описанного им случая Анны О. Сам основатель психоанализа был весьма искушенным в иностранных языках¹, тем не менее, испытывал сложности, когда ему приходилось практиковать на английском (Gulina & Dobrolioubova, 2018). Также он почти не писал об использовании разных языков в ситуации анализа и не заботился о точности перевода своих трудов.

После того, как в конце 1930-х годов многие психоаналитики бежали из оккупированной Центральной Европы в те страны, где мало кто говорил на немецком (аналитическом языке того времени), проведение анализа на других языках стало обычной ситуацией в эмигрантских психоаналитических сообществах. Это были, так называемые аналитики второй волны, которые имели огромную мотивацию преодолевать языковые барьеры в интересах максимально быстрой адаптации в других странах (Balas, 1996). Так, начиная с 40-х годов прошлого столетия, английский стал новым аналитическим

1 Родным языком Зигмунда Фрейда был немецкий язык, помимо него он знал английский, французский, итальянский, испанский, греческий, латынь, ассирийский, египетский и древнееврейский, на котором иногда делал записи в своем дневнике.

языком, хотя представители французской и латиноамериканских школ психоанализа могут с этим поспорить.

С тех пор прошло почти столетие и, оглядываясь назад, можно увидеть, насколько сильно рост глобальной миграции, процессы аккультурации², необходимость общения на нескольких языках изменили языковую реальность современного общества. Полиглотизм и лингвистическая «сноровка» стали профессиональной и академической валютой, которые позволили десяткам тысяч людей покинуть родину, чтобы реализовать свои устремления в поисках подходящего обучения, работы, партнера, безопасности, убежища и так далее. Международная миграция сегодня достигла беспрецедентных масштабов и географического размаха, и число тех, кто снимается с родных мест, только продолжает расти. Неизбежным следствием этого явилось то, что многие пациенты и аналитики не говорят на официальном языке той страны, в которой они оказались, а также то, что пациенты вынуждены обращаться за психотерапевтической помощью, а аналитики практиковать, на втором, выученном позже, языке. Поэтому ситуации, в которых и аналитик и его пациент, владеют более чем одним языком, стали встречаться все чаще и чаще, приобретая характер «новой нормы».

Полиглотизм и лингвистическая
«сноровка» стали
профессиональной
и академической валютой,
которые позволили десяткам
тысяч людей покинуть родину.

«Мы говорим, но не все, и невысказанное является такой же неотъемлемой частью нашего высказывания, как и то, что мы произносим вслух» (Bollas, 1993, p. 48). Те, кто владеют двумя языками, на собственном опыте знают, что могут пересказать событие на том языке, который отличается от языка фактического опыта, а также могут переключать языковые коды в середине предложения, выражая одну мысль. Но всё ли так легко и просто? Немногочисленные психоаналитические исследования доказывают, что билингвы часто ощущают свою двойственность. Они по-разному вспоминают об одном и том же событии на разных языках (Schrauf, 2000); по-разному ассоциируют, в зависимости от языка, который используют для этого (Burck, 2004). Каждый язык билингва по-разному кодирует один и тот же опыт и эмоциональные переживания, а также создает отличающиеся концепции и представления билингва о собственной личности, ценностях и мировоззрении. Стюарт Холл (Hall, 1996) называл язык «швом» между личностью и культурой. У мультилингвов таких «швов» как минимум два, и располагаются они не в двух измерениях, на плоскости, а в нескольких - в n-мерном пространстве, что, безусловно, влияет на ход и характер анализа.

2 Аккультурация – процесс взаимного влияния культур, обмена культурными особенностями, а также полное или частичное восприятие одним народом культуры другого народа, в результате которого оригинальные модели одной или обеих групп могут изменяться, но оставаться по-прежнему различимыми. Важно не путать аккультурацию с ассимиляцией, при которой один народ полностью утрачивает свой язык и культуру в процессе контакта с другим народом, более доминантным.

Те, кто владеет двумя языками,
на собственном опыте знают,
что могут пересказать событие
на том языке, который отличается
от языка фактического опыта,
а также могут переключать
языковые коды в середине
предложения,
выражая одну мысль.

Несмотря на то, что аналитики-билингвы осознают терапевтические последствия двуязычия как для пациентов, так и для самих себя, они имеют разный уровень осведомленности относительно того, какую именно роль язык играет в терапевтическом процессе и в отношениях с пациентом. На сегодняшний день не существует профессионального консенсуса относительно того, является ли анализ на родном языке или билингвальный анализ (попеременно на двух языках) предпочтительнее анализа на втором языке,

выученном позже. Многие аналитики разделяют опасения Перес Фостер (Pérez Foster, 1996) о том, что работа с пациентами на неродном языке может превратиться в «псевдо-терапию», которая попросту встает на сторону сопротивления пациента родному языку и ранним болезненным переживаниям; или в «квазитерапию», в которой основной материал пациента теряется в сложной когнитивной динамике билингвизма. Также некоторые аналитики полагают, что проработка ранних конфликтов должна в конечном итоге осуществляться на том языке, на котором были закодированы ранние объектные отношения.

Другие аналитики придерживаются мнения о том, что язык может сужать или наоборот расширять доступ к одному эмоциональному опыту, одновременно высвобождая или блокируя другой, который был закодирован на другом языке. Третьи считают, что билингвизм и бикультурализм пациента, а также их собственный, неизбежно влияют на перенос, а переключение между языками дает доступ к более глубоким внутриспсихическим конфликтам пациента. А также они считают, что изучение прошлых проблем в новом свете может значительно облегчаться с помощью нового языка (Costa & Dewaele, 2012).

Отдельные аналитики вовсе не рассматривают билингвизм как потенциальную проблему и не обращают внимание на выбор языка пациентами. Тогда пациенту самому приходится размышлять над значением своего выбора. Например, пациентка, родным языком которой был греческий, а вторым – английский, говорила:

«Когда я говорю на эмоциональные темы, то часто перехожу на английский язык. Некоторое время назад я посещала психолога в Греции и постоянно переключалась с греческого на английский. Мы никогда не говорили об этом... На мой взгляд, это могло быть некой стратегией дистанцирования» (Costa & Dewaele, 2012, p. 19).

В данной работе делается попытка описать некоторые особенности психического функционирования человека-билингва, а также особенности и подводные камни проведения анализа на втором языке пациента или попеременно на двух языках. В конце статьи приводятся рекомендации в отношении работы с двуязычными пациентами, которые могут принести пользу практике аналитиков, психотерапевтов и психологов, работающих на разных языках.

КТО ТАКОЙ БИЛИНГВ?

Примерно половина населения нашей планеты говорит как минимум на двух языках: в Китае, в Индии, в странах Африки, Латинской Америки, Океании, Европы и так далее, два языка официально закреплены как государственные или существуют в виде диалектов. Несмотря на это, среди старшего поколения педагогов, логопедов, социологов и даже психологов до сих пор бытует мнение о том, что изучение языков, особенно в раннем возрасте, может привести к путанице. Более того, существует заблуждение, что двуязычие и вовсе опасно для психического здоровья: «...билингвизм – это вредный опыт, предрасполагающий к шизофрении, умственной отсталости и даже моральному разложению» (Marcos, 1976, p. 347).

С другой стороны, считается, что владение двумя языками — это великолепный навык, который в благоприятных обстоятельствах дает билингву любого возраста большую эластичность мышления, большую креативность и адаптивность, а также улучшает когнитивные способности.

Независимо от уровня владения языками, а также от того, в каком контексте приобретался второй язык, в какой период развития (с рождения, в школе, в зрелом возрасте), с кем (с родителем, сиблингом, няней, учителем), билингвы обычно проводят четкие различия между своим первым и вторым языком. И то, как они называют свои языки, всегда тесно связано с тем, как они описывают себя как носителей языка.

УСТАМИ БИЛИНГВА

Многие билингвы говорят об ощущении двойственности или двойной внутренней сущности:

«Рената (первый язык немецкий): ...когда я говорю по-немецки, то как будто становлюсь другим человеком, отличающимся от той меня, которая говорит по-английски...

Бернард (первый язык французский): ...у меня другое поведение, даже движения тела другие: более живые и выразительные. Вероятно, я не использую руки, когда говорю по-английски...» (Burk, 2004, p. 320).

Эта двойственность имеет несколько конструкций. Например, одна из конструкций, которую условно можно назвать «ни тот, ни другой» (заметьте, не «и тот, и другой»), переживается билингвом как чужеродность:

«Ангела (первый язык итальянский): ...и вот ты живешь на чужой земле, чужой особенно в языковом отношении. Ты ни тот и ни другой. И это довольно... изолирующий фактор в твоей жизни. Хм. У тебя как бы раздвоение личности...» (Burk, 2004, p. 330).

Если ближайшее окружение билингва говорит на языке меньшинства, то он может воспринимать мир как бы удвоенным, другими словами, как два отдельных мира, которые разделены языковыми различиями:

«Ангела (первый язык итальянский): ...ты учишься хорошо играть разные

Ситуации, в которых и аналитик и его пациент владеют более чем одним языком, стали встречаться все чаще и чаще, приобретая характер «новой нормы».

Билингвы часто ощущают свою двойственность. Они по-разному вспоминают об одном и том же событии на разных языках, по-разному ассоциируют, в зависимости от языка, который используют для этого.

роли, потому что сегодня тебе приходится вести себя определенном образом в англоязычном сообществе, а потом вдруг ты оказываешься в сицилийском сообществе, где все другое, вплоть до манеры вести себя, одеваться, разговаривать, и так далее...» (Burk, 2004, p. 330).

Также ощущение двойственности может быть связано с отдельными периодами жизни, прожитыми на разных языках или в разных местах. Другими словами, билингвы могут ощущать время, как удвоенное:

«Ихсан (первый язык фарси): ...вы в какой-то степени знаете родной язык, а затем вы переходите в другую культуру, говорите на другом языке ... и когда вы возвращаетесь к тому, первому языку, то находите, что он как будто не тронут временем... Кто-то сказал мне, что на фарси я говорю, как подросток...

Урсула (первый язык датский): ...не все то, что я приобрела на английском, я перенесла на датскую меня. На датском я — все тот же проблемный подросток, запертый в своем собственном мире...» (Burk, 2004, pp. 330-331).

Еще одна конструкция двойственности касается переживаний подлинности собственного self. Если первый язык и культура подвергаются нападкам или дисквалификации, то self «на первом языке» переживается как аутентичное, включающее культурную идентичность, в то время как self «на втором языке» переживается как ложное self.

Тем не менее можно утверждать, что билингвы, живущие в условиях языковой и культурной нестыковки и противоречий и ощущающие свою двойственность, все же достигают связности в мышлении, прилагая все усилия для того, чтобы сохранить ощущение целостности и непрерывности self. Обращение к себе как к двойственной личности может рассматриваться как способ парадоксальной интеграции, при которой достигается сплоченность и сохраняются различия. «Поскольку я на собственной шкуре познал относительность культурных смыслов, я не могу воспринимать какой-то один набор смыслов как окончательный...» (Hoffman, 1989, p. 275). Кроме того, можно предположить, что «использование» билингвами различных конструкций двойственности отражает тот дуализм, который присущ человеку в целом.

Билингвы, живущие в условиях языковой и культурной нестыковки и противоречий и ощущающие свою двойственность, все же достигают связности в мышлении, прилагая все усилия для того, чтобы сохранить ощущение целостности и непрерывности self.

ОЩУЩЕНИЕ «Я ДОМА» ПО СРАВНЕНИЮ С «БОТИНКАМИ, КОТОРЫЕ ЖМУТ»

В большинстве случаев первый язык считается языком близости, как обозначающим, так и порождающим ее. Другими словами, использование в речи первого языка является маркером близости, а легкость, которую билингвы бессознательно переживают, говоря на первом языке, по сравнению с трудностями на втором, обеспечивает им ощущение того, что «они дома»³. «Слова наполнены знакомостью... пронизаны воспоминаниями о детстве и юности» (Pavlenko, 2006, p. 22). Просодические элементы первого языка: звуки, ритмы, приливы и отливы, его музыка, всегда привлекают к себе внимание, их отчетливо слышно в толпе. Также билингвы зачастую считают первый язык языком творчества, поэзии, игры и юмора (Burk, 2004).

Второй язык, в отличие от первого, билингвы называют «неудобной обувью» или «пианино, у которого отсутствует несколько клавиш» (Burk, 2004). Они воспринимают его как более формальный и ограничивающий. Некоторые билингвы чувствуют себя неполноценными, потому что постоянно сравнивают свое двуязычие с неким «монолингвальным» идеалом (De Houwer, 2015). В частности, это может быть недовольство тем, что они не могут писать на двух языках одинаково хорошо, как это делают монолингвы на одном языке. Многие также испытывают трудности в том, чтобы шутить на втором языке, в результате чего им кажется, что окружающие думают о них как о людях, полностью лишенных чувства юмора. В целом, переживания, связанные с неспособностью внятно изъясняться на втором языке, оказывают глубокое влияние на представление билингвов о себе, как о говорящих.

Билингвы могут ощущать время
как удвоенное.

Также отмечается, что второй язык часто вносит дистанцию в коммуникацию билингвов, как в целях защиты от других, так и в качестве дистанцирования от самих себя и от языка, как такового:

Санте (первый язык французский): «...никто никогда не разобьет мне сердце английскими словами. Только дома [на французском] я обнажен и уязвим...» (Burk, 2004, p. 321).

С другой стороны, некоторые билингвы считают, что второй язык дает им большую свободу самовыражения, «освобождая» от тех ограничений, которые заложены в первом языке, позволяя идти на «большой риск»:

«Эстель (первый язык финский): ...мм, я думаю, что на английском мне легче говорить о... [пауза] Я навсегда запомнила тот случай, когда я только-только начала уверенно говорить по-английски, я сразу стала нецензурно выражаться [смеется]. На финском я себе такого не позволяю...» (Burk, 2004, p. 321).

3 Вероятно, это связано с тем, что овладение первым языком в раннем возрасте можно расценивать как способ, с помощью которого младенец начинает отделяться от матери, а также как средство взаимоотношений с другими людьми (Costa & Dewaele, 2012). Отчасти это объясняет также и то, почему некоторым людям так сложно выучить новый язык, когда они мигрируют. Это может вызывать все виды тревоги, связанные с разлукой и потерей, не только с матерью, но и с родиной и родным языком.

Некоторые аналитики полагают, что проработка ранних конфликтов должна, в конечном итоге, осуществляться на том языке, на котором были закодированы ранние объектные отношения.

Также отмечается, что билингвы могут переживать некоторые чувства только на том языке, на котором они могут их выразить. Как будто языки различаются тем, что позволяют или даже требуют от билингва что-то говорить, а о чем-то умалчивать:

«Ди Инь (первый язык – диалект – мандарин): ...если вы злитесь, то вы должны подавать это, особенно в китайской культуре. На мандаринском или шанхайском диалекте я никогда не чувствую себя злой. А на английском злость выражать можно. Только почему-то после того, как я злюсь, я чувствую упадок сил...» (Burk, 2004, p. 322).

ЯЗЫК, КАК ОРГАНИЗАТОР ОПЫТА

Наблюдения нейрофизиологов за потерей и восстановлением языка у билингвов, страдающих афазией вследствие цереброваскулярного инсульта или психоорганического синдрома, показали, что большие сегменты языков «хранятся» в четко различающихся областях коры головного мозга, которые только частично перекрывают друг друга. Эти выводы подтвердили нейролингвисты, которые исследовали кору головного мозга пациентов-билингвов, перенесших нейрохирургические операции, подвергая их мозг электростимуляции. Они смогли «наметить» крупные области коры, специфичные для каждого из языков, а также те области, в которых представлены оба языка. Из этого можно сделать вывод, что разные участки головного мозга участвуют в кодировании и извлечении информации из разных языков (Byford, 2015).

Колерс (Kolers, 1963) отмечал, что слово для билингва несет одно и то же концептуальное значение в обоих языках, но связано с двумя отдельными потоками ассоциаций, специфических смыслов и аффектов. Например, для двуязычного носителя русского и английского языков слово «стол» и слово «table» обозначают одно и то же — пред-

мет мебели, который представляет собой приподнятую горизонтальную поверхность, опирающуюся на ножки. Однако, каждое из этих слов вызывает цепочку совершенно уникальных ассоциаций. Причем, чем более эмоционально заряженным является слово, тем сильнее будут различаться ассоциации на каждом из языков:

«Слово «church» (церковь) вызывает у меня образ той или иной канадской протестантской или католической церкви. А финский эквивалент слова

Использование в речи первого языка является маркером близости, а легкость, которую билингвы бессознательно переживают, говоря на первом языке, по сравнению с трудностями на втором, обеспечивает им ощущение того, что «они дома».

«church» — «kirkko» — вызывает у меня смутный образ белой, деревянной лютеранской церкви в районе Садбери, где я жил в возрасте от четырех до восьми лет» (Schrauf, 2000, p. 394).

Помимо этого, билингвы по-разному воспринимают и описывают одно и то же состояние и поведение на разных языках. Например, на одном языке напористость расценивается как приемлемое и даже ценное поведение, а на другом – как эгоистичное и жестокое. Примечательно, что это применимо и к гендерному поведению, например, на одном языке угодливость одобряется в качестве проявления женственности и соответствия культурным нормам, а на другом порицается как проявление слабости и считается излишней. То же самое касается и восприятия событий, например, на одном языке билингв способен увидеть смешную сторону происходящего, а на другом – нет (Byford, 2015).

В дополнение ученые также исследовали язык в контексте его организационного потенциала и объема памяти и доказали, что язык влияет на классификацию стимулов и последующее воспоминание об опыте. Другими словами, билингвы по-разному вспоминают о прошлых событиях на каждом из языков. Исследователи оценили то, как билингвы описывают собственные автобиографические события на разных языках, и обнаружили, что воспоминания отличаются. Если билингв вспоминает о событиях на том языке, на котором они произошли, то есть, на языке фактического опыта, то содержание, детализация и эмоциональная насыщенность этих событий, будет отличаться от воспоминаний о тех же событиях, но на другом языке (Javier et al., 1993).

Второй язык, в отличие от первого, билингвы называют «неудобной обувью» или «пианино, у которого отсутствует несколько клавиш».

Таким образом, однажды приобретя, билингв сохраняет и поддерживает две отдельные языковые системы, «каждая из которых имеет свои собственные лексические, синтаксические, фонетические, семантические и идеологические компоненты» (Javier et al., 1993). Кроме того, два языка билингва можно описать как «независимые» друг от друга. Причем, их «независимость» относится не только к тому, что опыт «хранится» отдельно в двух лингвистических системах, но также активируется и извлекается из них в зависимости от того, какой язык используется в данный момент (Tsatsas & Hewison, 2011).

ДВОЙНАЯ ВНУТРЕННЯЯ СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ БИЛИНГВА

В статье «Билингвальный дуэт на 2 голоса» Перес Фостер утверждала, что билингвы живут в «двойной психической реальности» (Pérez Foster, 1996, p. 99). Она также пришла к выводу о том, что билингвы обладают различными репрезентациями себя, каждая из которых «организована» вокруг соответствующего языка. Билингвы обладают двойными шаблонами, с помощью которых они формируют и организуют свой мир, а также двумя наборами вербальных символов (слов), которые кодируют их переживания и дают возможность эти переживания выразить. В некоторых случаях эта способность

заставляет их чувствовать себя особенными, немного волшебниками, своего рода ясновидящими или обладателями «третьего уха⁴»; а в других – слегка сумасшедшими и расщепленными на части.

«Я помню, что говорил на двух языках с двенадцати лет,
Всегда задаваясь вопросом, я сумасшедший или просветленный?
Либо и то, и другое?

Я помню названия вещей либо на английском, либо на испанском.

Английский для политики, испанский для любви.

Английский для практики, испанский для теории.

Английский для выживания, испанский для смеха.

Английский для времени, испанский для пространства.

Английский для искусства, испанский для литературы»

(Гильермо Гомез-Пенья, мексикано-американский поэт и сценарист, 1991).

Действительно, психоаналитическая концепция расщепления⁵ имеет особое значение для людей, говорящих на двух языках. Но билингвизм не является причиной расщепления, напротив, «процессы расщепления опираются и определенным образом используют различные языковые регистры как средство организации и самовыражения» (Amati-Mehler et al., 1993, p. 264). Прекрасным примером является исследование двуязычия Сэмюэля Беккета, проведенного Патриком Кейсментом, в котором говорится, что единственным средством, с помощью которого он вновь смог обрести внутреннюю свободу и шансы на творчество, было отречение не только от матери и родины, но, прежде всего, от родного языка (Costa & Dewaele, 2012). Иначе говоря, расщепление и создание «нового» self для каждого из языков, на которых говорит билингв, является способом кодирования его опыта. «Когда мы меняем язык, трансформируется наша личность. Нам нужно стать новыми selves...» (Pavlenko, 2006).

Кляйн, Фейрберн, Кохут, Кернберг и другие утверждали, что изначально аспекты self формируются на основе раннего опыта взаимодействия со значимыми другими. Мелани Кляйн и ее последователи понимали значение слов как цепочку конфигураций и «переговоров» объектов self, включая аффективные, когнитивные и социальные компоненты, которые участвовали в выработке этих значений. «Слова — это символические капсулы прошлого, связанные с объектами. Слова — это голос self и голос [значимого] другого. Слова — это потенциальные источники ранних смыслов в “маленьком обществе, состоящем из двух человек”» (Pérez Foster, 1996, p.108).

4 Третье ухо – метафорический термин американского психоаналитика Теодора Рейка (ученика Зигмунда Фрейда), который он использовал в своей автобиографической книге «Слушание третьим ухом», описывая то, как психоаналитики должны слушать своих пациентов.

5 В рамках данной статьи под расщеплением подразумевается процесс отделения от себя сложных эмоций и переживаний для того, чтобы защититься от эмоциональной боли. Оно может выполнять как защитную функцию, так и приводить к путанице, искаженному восприятию себя и других.

Переживания, связанные с неспособностью внятно изъясняться на втором языке, оказывают глубокое влияние на представление билингвов о себе, как о говорящих.

Из этого следует, что объектные отношения и конкретный язык, на котором они были закодированы, прочно связываются и переплетаются, и в таком виде интериоризируются в сложную и пеструю матрицу саморепрезентаций билингва. Другими словами, в каждом из языков конденсируются вербальные символы и тот значимый другой, который эти символы предлагал (Pérez Foster, 1996).

Билингв представляет собой как бы упакованную головоломку, в которой две эмпирические системы, каждая из которых ограничена своим языком, находятся в пределах одной психики. Как будто внутренняя жизнь билингва и его ощущение себя отображает сложный дуэт голосов, исходящих из двух различных символических миров, которые должны сосуществовать, сотрудничать и, возможно, даже конкурировать, чтобы в конечном итоге сформировать иллюзию гармоничного двуязычного self.

Уникальность билингва заключается в том, что несмотря на ощущение двойственности и тех противоречий, которые его сопровождают, билингв способен найти пути интеграции собственных различающихся точек зрения. Или, используя музыкальную метафору «контрапункта⁶», написать полифоническую музыку, в которой одновременно сочетаются две и более мелодий, где каждая перспектива обозначается и попеременно меняет свою позицию по отношению к другой, создавая новое мышление.

МЕСТО ЯЗЫКА В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Когда Зигмунд Фрейд поставил свое кресло в изголовье аналитической кушетки, он создал символическое пространство, в котором все внимание аналитика сосредоточилось на речи пациента. Таким образом, вербальная коммуникация пациента и аналитика заняла центральное место в психоаналитической практике. Более того, Фрейд сравнивал проявления бессознательной психической деятельности с иностранным языком, а сам психоанализ — с его переводом.

Аналитический процесс совершенно уникален в своей способности возвращаться к самым ранним значениям слов и собственного опыта (Wilson & Weinstein, 1990). Например, чувственные (пресимволические) состояния могут вызываться простой просодией речи аналитика: ее ритмы и интонации могут окутывать пациента как звуковая

6 Контрапункт (от латинского «punctum contra punctum»), что в переводе означает «точка против точки», или нота против ноты. В музыке этот термин также обозначает сочетание нескольких мелодических «сюжетных» линий, а в литературе, и в кино – отдельную, побочную линию сюжета, которая оттеняет основную линию. В полифонической музыке голоса не подчиняются друг другу (как мелодия и аккомпанемент), а являются самостоятельными и равнозначными. Разумеется, для того чтобы несколько отдельных мелодий вместе создавали единое звучание, они должны быть написаны определенным образом. Принципы их сочетания называют правилами контрапункта.

оболочка раннего материнского мира, возвращая его в то время, когда он ребенком погружался в купель из звуков родного языка. Сами слова можно рассматривать как носители переноса *in situ*, которые являются символическими контейнерами *self* и значимого другого в каждый момент сессии. Использование слов в аналитическом переносе может вызывать к разным символическим стадиям развития языка, воскрешая смыслы уникальных взаимодействий *self* с объектами. Таким образом, терапевтическому процессу открывается возможность прямого наблюдения за развитием *self* пациента, а также теми внутренними конфликтами и защитами, которые были сформированы во время приобретения слов (Wilson and Weinstein, 1990).

Что изменяется в ситуации, когда родные языки пациента и аналитика отличаются и анализ ведется на неродном языке пациента или аналитика, или попеременно на двух языках? Безусловно, такие случаи являются весьма интригующими для психоанализа.

БИЛИНГВАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Шандор Ференци был первым аналитиком, предпринявшим попытку понять ту роль, которую язык играет в процессе анализа, если родные языки пациента и аналитика отличаются. В статье «О непристойных словах» 1911 года он обратил внимание на то, что пациенты склонны избегать непристойных слов, говоря на своем первом (родном) языке. Он предполагал, что таким образом они подавляют сексуальные мысли, а также избегают вербализации сексуальной терминологии аналитиком. Ференци считал, что в анализе пациент переключается на второй язык для того, чтобы защититься от эмоционального заряда, который несет в себе «эротическая лексика» первого языка, и от болезненных ассоциаций, связанных с ней (Tsatsas & Hewison, 2011). Сам Ференци был «зажат» между его родным венгерским и приобретенным позже немецким языком, на котором он анализировал, и это, должно быть, заставило его задуматься о том, что при смене языка и удалении звуков и образов детской сексуальности, также удаляется нечто «подлинное». Он предположил, что: «...эти [поздние] слова, как таковые, заставляют пациента оживлять в памяти картины галлюцинаторным образом, но не обладают непосредственностью воспоминания» (Tsatsas & Hewison, 2011, p. 100).

Перес Фостер писала (Pérez Foster, 1996), что часто наблюдала, как ее пациенты-билингвы в ходе сессии спонтанно переключались с одного языка на другой, что, в свою очередь, служило сигналом об изменениях в переносе. Она пришла к выводу, что пациент-билингв выбирает язык анализа (или части аналитической сессии), бессознательно пытаясь воссоздать чувственное настроение, а также специфические ассоциации, которые изначально переживались именно на этом языке. Действительно, на сессии

Билингвы могут переживать некоторые чувства только на том языке, на котором они могут их выразить. Как будто языки различаются тем, что позволяют или даже требуют от билингва что-то говорить, а о чем-то умалчивать.

Слово для билингва несет одно и то же концептуальное значение в обоих языках, но связано с двумя отдельными потоками ассоциаций, специфических смыслов и аффектов.

пациент (также как и аналитик) может чередовать языки или использовать один язык как «подчиненный», а другой – как «доминирующий». Также один язык может озвучиваться, а другой оставаться внутренним и беззвучным. Кроме того, один язык (зачастую первый) может использоваться реже, чем другой, в силу большой тревоги пациента.

Причем, речь идет не только о языковых различиях в самовыражении пациента, но и о том, насколько точно он может реконструировать свой опыт на том языке, который изначально не кодировал и не организовывал эти события. Учитывая множество сложных психодинамических и когнитивных искажений, которые, как описывалось выше, вмешиваются в процесс воспоминания, реконструкция событий на втором языке оказывает непосредственное влияние на аналитическую проработку раннего конфликтного и травматического материала (Pérez Foster, 1992).

В книге «Мать — отец глухие: жизнь между звуком и тишиной» Пол Престон описал процессы ассимиляции и культурной идентификации так называемых CODA⁷ – детей глухих родителей (Preston, 1998). Эти люди в какой-то степени тоже являются билингвами, поскольку способны одинаково свободно коммуницировать на двух языках, включая язык жестов, на котором в детстве общались с родителями. Те из них, кто проходил психотерапию, рассказывали, что впадали в оцепенение и растерянность во время сессий, когда у них возникал импульс «сказать» что-то на непонятном аналитику языке жестов. Поэтому можно предположить, что реконструкция событий на втором языке оказывает непосредственное влияние на аналитическую проработку раннего конфликтного и травматического материала. В статье о роли второго языка в формировании Эго и Суперэго психоаналитик Эдит Буксбаум, уроженка Вены, эмигрировавшая в Сиэтл в 40-х годах прошлого столетия, представила несколько клинических виньеток, в которых проиллюстрировала выбор английского языка немецкими пациентами для прохождения анализа (Tsatsas & Hewison, 2011). Она изучала бессознательные процессы расщепления между Эдиповыми вытесненными воспоминаниями и формированием авторитарного Суперэго, и пришла к выводу о том, что английский язык являлся средством защиты и механизмом

Билингвы по-разному воспринимают и описывают одно и то же состояние и поведение на разных языках.

7 CODA – аббревиатура от «Child of Deaf Adult(s)», что в переводе с английского обозначает «ребенок глухого(их) взрослого(ых)».

Билингв сохраняет и поддерживает две отдельные языковые системы, «каждая из которых имеет свои собственные лексические, синтаксические, фонетические, семантические и идеологические компоненты».

дистанцирования пациентов от эмоционального содержания их родного немецкого языка. Также она прокомментировала феномен произношения слов с акцентом, особенно, если это делала она сама, аналитик, говоря с пациентами на английском языке с немецким акцентом. Она указала на постоянную связь с двумя языками, которую билингвы, пациент и аналитик в данном случае, поддерживают внутри себя посредством восприятия на слух произносимых слов.

Аналитик Ральф Гринсон, который также переехал из Вены в США, проходил свой тренинговый анализ на английском языке. В 1950 году он представил доклад о клиническом взаимодействии родного и приобретенного позже языка, в котором предположил, что второй язык является языком интеллектуализации и отстраненности, а первый – языком регрессии и более раннего эмоционального опыта. Также он отметил, что те пациенты, которые выбирают второй язык для анализа, тем самым избегая родного, делают это для того, чтобы вытеснить раннюю идентичность Эго, посредством пресечения примитивных воспоминаний и страхов. На клиническом примере Гринсон продемонстрировал то, как одна из его пациенток, обнаружив, что он владеет и немецким и английским языком, также как и она, отказалась продолжать анализ на немецком, заявив:

«Мне страшно. У меня такое чувство, что, говоря по-немецки, я должна буду вспомнить то, что знала когда-то, но теперь хочу забыть» (Tsatsas & Hewison, 2011, p. 101).

На родном немецком языке эта пациентка ощущала себя «маленьким грязным ребенком», который боролся с компульсивным использованием непристойных слов и мастурбационными фантазиями, в то время как на английском она ощущала себя «нервозной утонченной женщиной», которая могла мастурбировать как леди без всяких постыдных фантазий (там же).

Амати-Мелер и соавторы (Amati-Mehler et al., 1993) утверждали, что клиническая работа на родном языке пациента способствует насыщению аналитического диалога звуками, понятиями и концепциями, связанными с мнемическими (трансформационными) объектами Болласа⁸, и, следовательно, активизирует в пациенте более эмоционально насыщенные переживания. Аннет Байфорд также утверждала (Byford, 2011), что проведение анализа на первом языке пациента обеспечивает более высокий уровень возбуждения при воспоминаниях, более сильный эмоциональный аффект, связанный с этими воспоминаниями, и более высокий уровень регрессии с соответствующим усилением симптомов. Но, если в терапевтическом процессе пациент использует в основном

8 Мнемические объекты Болласа – это первичные внутренние объекты младенца, которые являются значимыми в силу того, что он с ними проективно идентифицируется, чаще всего это – мать.

второй, приобретенный позже язык, то его внутренний мир остается частично недоступным для вербальной коммуникации, поскольку его высокоэмоциональные аспекты «не зависят» от второго языка (Tsatsas & Hewison, 2011).

Однако, Байфорд (Byford, 2011) также утверждала, что если учитывать специфический автобиографический и культурный контекст изучения и использования второго языка, то представляется возможным взглянуть на творческий потенциал билингвизма и переключения языков в анализе с другой перспективы. Например, второй язык может обеспечить более безопасный «уровень входа» в анализ, позволяя приблизиться к тому «горячему» материалу, который кажется слишком опасным на первом языке. Также анализ на втором языке может быть более эффективным, чем на первом, если регрессия пациента, которая ожидается у него при проведении анализа на родном языке, приведет к рецидиву симптомов, вызванных его высокой тревожностью. Второй язык может позволить пациенту осознать или предложить подходящее выражение для запретных или отвергнутых частей self, которые являются табуированными или подвергаются цезуре на первом языке. Например, если в языке существуют культурные запреты на сексуальность или гнев, то пациент может испытывать сильный стыд или вину, которые будут препятствовать их осознанию; на другом языке ситуация может в корне отличаться (Kokaliari et al., 2013).

Также в билингвальном анализе невротических пациентов особое значение имеют идеи Бриттона о внутренней триангуляции, которая возникает в результате успешной проработки Эдипова комплекса. Триангуляция по Бриттону — это приобретение способности смотреть на себя со стороны и принимать другую точку зрения, сохраняя при этом свою собственную. Другими словами, мыслить и удерживать двусмысленность. Пациенты-билингвы обладают двумя различающимися «наборами» для обработки своего опыта, что позволяет им сохранять дистанцию, используя ее в качестве защиты. Это означает, что нечто ценное может теряться при переводе с одного языка на другой. Однако та же самая дистанция позволяет этим пациентам создать пространство для размышлений, в котором они могут получить доступ к внутренним конфликтам через лингвистическую и трансферентную матрицу, созданную в ходе анализа с двуязычным терапевтом. Тогда что-то ценное, наоборот, будет приобретаться при переводе с одного языка на другой (Byford, 2011).

Билингвы живут в «двойной психической реальности».

ПЕРЕНОС

Кокалиари и соавторы (Kokaliari et al., 2013) утверждали, что лингвистический и культурный состав аналитической диады в значительной степени формирует перенос. Если пациент и аналитик имеют разное культурное происхождение, то перенос может варьировать от чрезмерного обожания до неприязни и недоверия к аналитику. Например, пациенты могут идеализировать родной язык (страну) и испытывать разочарование, гнев и враждебность по отношению к новому языку и аналитику. Многие аналитики

Билингвы обладают двойными шаблонами, с помощью которых они формируют и организуют свой мир, а также двумя наборами вербальных символов (слов), которые кодируют их переживания и дают возможность эти переживания выражать.

попросту недооценивают языковые проблемы своих билингвальных пациентов, а также то, что языковой барьер провоцирует усиление их паранойи и агрессивности во время аналитических сессий (De Maesschalck, 2012).

Другой распространенной трансферентной реакцией является идеализация нового языка и, как следствие, аналитика, и тогда пациент-билингв может начать воспринимать аналитика обнадеживающим и многообещающим, неявно

приглашая его «занять место всезнающего» (Antinucci, 2004, p. 1158). Пациенты также могут проявлять интерес к стране аналитика, вероятно бессознательно ища сходство с «иностраннным» аналитиком для того, чтобы развить новые идентичности. Также пациенты могут чувствовать себя подавленными, обесцененными или бесправными, и бояться быть отвергнутыми или непонятыми аналитиком.

Если аналитик и пациент имеют одни и те же языковые и культурные корни, то пациент может начать воспринимать аналитика как идеального билингва, который преуспел в новой стране и преодолел языковые трудности. С другой стороны, культурное сходство может вызывать и чувство зависти, и тогда пациент будет воспринимать успех аналитика как предательство по отношению к своей культуре. Также некоторые пациенты могут считать, что аналитики-билингвы не могут эффективно работать, обесценивая или дисквалифицируя их, из-за предполагаемого недостаточного владения вторым языком (Kokaliari et al., 2013), что является проявлением феномена «зависти к себе» у пациента.

КОНТРПЕРЕНОС

Культурные и языковые факторы также могут оказывать сильное влияние и на контрперенос аналитика (Kokaliari et al., 2013). Аналитик может обнаружить себя отрицающим культурные и языковые различия или, наоборот, сосредоточиться на исследовании культуры пациента в ущерб его основным жалобам. Контрперенос аналитика может принимать форму вины, сочувствия или даже агрессии, особенно если между группами, представленными в аналитической диаде, существует культурный, исторический антагонизм (Frie, 2011).

Нора Цацас и Дэвид Хьюисон (Tsatsas & Hewison, 2011) указывали, что аналитик может испытывать дискомфорт и напряжение, имея спроецированные ожидания, что принято в культуре пациента, а что – нет, например, принято ли пожимать другу другу руку при встрече, независимо от пола. Также аналитик может испытывать замешательство и беспокойство:

«Она [терапевт] чувствовала тревогу и закрытость из-за того, что казалось ей лингвистическим бессилием. Ее рука, закрывающая рот, была жестом, аналогичным физическим нападкам матери пациента, а также проявлением презрения в интервенциях...

Ее беспокойство проявилось в покупке греческого словаря. Поразмыслив, можно предположить, что это было бегством от примитивных тревог в инкапсулированную безопасность представлений о том, что все можно найти, контейнировать и определить» (Tsatsas & Hewison, 2011, p. 113).

Аналитик может чувствовать себя глупым и ограниченным, сталкиваясь со специфическими оборотами речи, метафорами, шутками и особенно сленгом пациента:

«Я много нервничала вначале... мои опасения в основном были связаны с языковым барьером, с мыслями о том, что мой пациент может не понять то, что я говорю. Или, наоборот, если я не пойму пациента, например, выражение «I was stoned», оказывается, переводится как «я был обкуренный». А я думала, что оно означает «меня закидали камнями»» (Gulina & Dobrolioubova, 2018, p. 8).

Также аналитик может переживать чувство незащищенности и тревоги, теряться в словах, сталкиваясь с тем, что работа на втором языке влияет на точность его интервенций: «Хотел сказать одно, но перевел это по-другому» (Gulina & Dobrolioubova, 2018). Более того, считается, что свободно распределенное внимание аналитика подрывается языковыми проблемами и его интерпретации в какой-то степени теряют свою креативность, богатство и уникальность.

Если аналитик и пациент принадлежат к одному и тому же культурному меньшинству, то аналитик может начать с ним чрезмерно идентифицироваться (мы против них) из-за похожего опыта, связей и доступа к терминам и выражениям, которые невозможно перевести, что приведет к тому, что аналитик упустит что-то важное. Кроме того, аналитик может обнаружить, что становится «чрезмерно заботливым» или «чрезмерно опекающим», отождествляя себя с уязвимостью пациента. Аналитик также может привносить в сессии свою собственную амбивалентность и агрессию, связанные с родным языком и культурой, наряду с потенциальным приобретением статуса, который он имеет в принимающей стране. Аналитик может чувствовать вину за то, что находится в лучшем положении, чем его пациент, и может пытаться компенсировать это, например, излишней активностью (Kokaliari et al., 2013).

ИГРА СЛОВ

Отдельно необходимо выделить игру слов в анализе. У Зигмунда Фрейда, как известно, был только один русский пациент, Сергей Панкеев, или Человек-Волк, как называл его Фрейд в целях соблюдения конфиденциальности. Его лечение тянулось 10 лет, постоянно давая рецидивы, но так и не было завершено, как будто Фрейд был не в силах постичь русскую душу (или психику, закодированную на русском языке, которого он не знал?). Спустя более чем столетие этот случай все еще будоражит ученые умы, и даже считается «Одесским камнем преткновения» психоанализа, а споры, размышления

Билингвизм не является причиной расщепления, напротив, «процессы расщепления опираются и определенным образом используют различные языковые регистры, как средство организации и самовыражения.

Расщепление и создание «нового» self для каждого из языков, на которых говорит билингв, является способом кодирования его опыта.

и критика в его адрес не прекращаются и по сей день. Какую роль в этом «провале» сыграло то, что Фрейд анализировал русского пациента на немецком языке?

«Вдруг он [пациент] вспомнил о сарае в первом имении, в котором хранились собранные плоды, и об определенном сорте груш великолепного вкуса, больших с желтыми полосками на кожице. На его

родном языке эти плоды называют груша, это и было ее имя. [Груша]» (Фрейд, 2007, с. 274).

В русском языке слово «груша» обозначает как женское имя (имя няни пациента в данном случае), так и плод и/или фруктовое дерево, в то время как в немецком языке die Gruscha (женское имя) и die Birne (плод) — это 2 разных слова.

Но у Зигмунда Фрейда также есть работа «Фетишизм» 1927 года, в которой он блестяще разгадал игру слов, анализируя пациента со своеобразной проблемой. Этот пациент возвысил определенный вид блеска на женском носу до величия и находил женщину сексуально привлекательной только в том случае, если ее нос был «украшен» жирным гляncем [der Glanz]. Родным языком данного пациента был английский, но затем его семья переехала в Германию, где он почти забыл его. Игра слов состояла в том, что по-английски, на языке матери пациента, данное выражение звучало как “glance on the nose” («взгляни на нос»), а по-немецки, на втором языке пациента, как “der Glanz auf der Nase” («блеск на носу»). Фрейд писал:

«Фетиш, происходящий из раннего детства, следовало читать не по-немецки, а по-английски; «глянец [Glanz] на носу», собственно говоря, был «взглядом на нос» (glance = взгляд), то есть нос был фетишем... Фетиш – это замена фаллоса женщины (матери), в который верил мальчик и от которого – мы знаем, почему – он не хочет отказываться» (Фрейд, 2020, с. 331).

Другой пример игры слов можно привести из современного анализа двуязычной пациентки, взрослой женщины, мать которой умерла 7 лет назад. Анализ проводился на родном языке пациентки и аналитика (на русском):

Пациентка: я представляю себя маленьким ребенком, который охраняет тело мертвой матери. Я не могу покинуть его. Если я уйду, то предам ее...

Аналитик: земле?

Пациентка: нет-нет, я имела в виду предательство... предать мать, а не предать ее земле! Но получается, что предать...

Если бы анализ проводился на втором языке пациентки (на английском), то пациентка могла сказать: «If I leave, I will betray her» (если я уйду, то предам ее). Привело бы это к «bury her?» (предать земле, похоронить)? Какие интерпретации или интервенции сделал бы аналитик в этом случае? Какие силы, сценарии, персонажи существовали бы в таком аналитическом поле?

В статье 1953 года «О звуке «м...», Ральф Гринсон подчеркивал связь между зарождением языка, чувственным опытом и первичными отношениями с матерью:

«Звук м-м-м, когда его мурлычут или напевают, позволяет вновь пережить опыт, воспоминание или фантазию удовольствия, испытанного возле материнской груди. Это эхо мурлыканья без слов, которое издает мать, когда кормит или укачивает своего ребенка. Факт того, что звук м-м-м произносится с сомкнутыми губами, указывает, что это — единственный звук, который можно издавать и повторять, держа во рту что-то драгоценное. Этот звук издают, когда сосут грудь или когда ждут этого» (Tsatsas & Hewison, 2011, p. 101).

Используя клинический материал, Гринсон обосновал связь между звуком «м», произносимым взрослым пациентом в состоянии счастья, удовлетворения, предвкушения чего-то очень приятного, и детскими воспоминаниями об эмоциональной связи с матерью через соединение рта и соска материнской груди. Интересно, что во многих языках слово, обозначающее мать, начинается с буквы «м»: «мама» (на русском), “mother” (на английском), “Mutter” (на немецком), “maman” (на французском), “madre” (на испанском) и так далее. На грузинском языке словом «мама» ребёнок называет отца, а словом «дэда» — мать. Какой персонаж будет возникать в аналитическом поле и как он будет трансформироваться, когда пациент-грузин, проходящий анализ на русском языке, произносит слово «мама»? Какое значение это будет иметь в анализе?

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Билингвальный анализ – это сложный процесс, который представляет собой настоящий вызов для аналитика. В связи с этим аналитику-билингву предлагается прежде всего поразмышлять о том, стоит ли ему самому, как и когда, приглашать в аналитическое пространство другой язык, о терапевтических последствиях такой инициативы.

Анализируя пациента-билингва, аналитику необходимо помнить, что выбор языка пациентом, как и переключение кодов в терапии, не является полностью нейтральным событием. Даже если пациент свободно владеет двумя языками, выбор одного из них является, скорее, частью бессознательной динамики, чем сознательным решением. Это существенно влияет на перенос и контрперенос и может, как способствовать созданию и укреплению терапевтического альянса, так и стать причиной подводных камней в ущерб анализу. Поэтому аналитики, работающие с пациентами-билингвами, должны исследовать вопросы выбора языка пациентом особенно тщательно.

Объектные отношения
и конкретный язык, на котором
они были закодированы,
прочно связываются
и переплетаются, и в таком
виде интериоризируются
в сложную и пеструю матрицу
саморепрезентаций билингва.

Аналитик должен учитывать, что двуязычные пациенты тратят гораздо больше когнитивной энергии на изложение своей истории на втором языке или на двух языках попеременно, что зачастую заставляет их изменять или даже упрощать сложность своего опыта. Иногда они переключаются между языками в бессознательной попытке создать дистанцию от эмоционально болезненного опыта и представить материал в более отстраненной и безопасной форме. В иных

Как будто внутренняя жизнь билингва и его ощущение себя отображает сложный дуэт голосов, исходящих из двух различных символических миров, которые должны сосуществовать, сотрудничать и, возможно, даже конкурировать, чтобы в конечном итоге сформировать иллюзию гармоничного двуязычного self.

ситуациях они бессознательно презентуют аффективный материал на втором языке только потому, что не могут выразить его иным способом.

С другой стороны, второй язык может действовать как некий туман, мешающий пациенту осознавать свои переживания. Особенно это касается травматического опыта, который произошел на родине и/или при использовании первого языка. Чем более травматичным был этот опыт, тем выше вероятность того, что он будет доступен только на том языке, на котором произошел. В любом случае, аналитик должен обращать внимание на переключения от одного языка к другому.

Потенциальные языковые различия в самопрезентации пациента-билингва также являются критически важной динамикой, которую аналитик должен выявлять. Кроме того, аналитику необходимо помнить, что различия в способах бытия и репрезентации пациента, которые «организованы» вокруг соответствующего языка, могут служить механизмом для защитной изоляции или диссоциации глубоких уровней психического конфликта. Эти процессы следует иметь в виду каждому, кто работает с билингвальными пациентами.

Если аналитик не владеет первым языком пациента, то с той или иной степенью вероятности в лечении будут возникать затруднения. Это связано с тем, что пациенты могут отказываться верить, что аналитик когда-либо поймет то, что они хотят сказать на самом деле, а также то, что они пережили и отреагировали. Напротив, если аналитик владеет теми же языками, что и пациент, это может увеличить вероятность получения доступа к некоторым ранним переживаниям пациента, которые неразрывно связаны с его культурным и языковым прошлым. Возможность свободно перемещаться между родным и приобретенным языками пациента, увеличивает шансы на то, что материал, который пациент приносит на сессии, будет в большей степени доступным для анализа.

Подытоживая, необходимо подчеркнуть, что дальнейшее исследование феномена билингвизма с психоаналитической точки зрения, а также вопросов переключения языков в анализе, как оно происходит, что означает и какое влияние оказывает на анализ, представляется исключительно важным и интересным. Более того, поскольку в настоящее время все большее число билингвов обращаются за психотерапевтическими услугами, а также сами становятся аналитиками, представляется своевременным пересмотреть учебные программы, клиническую практику и супервизии для всех аналитиков – одноязычных и двуязычных – с тем, чтобы учесть меняющийся профиль и языковые потребности пользователей и поставщиков услуг.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Фрейд З. (2007) Знаменитые случаи из практики / Пер. с нем. – М.: «Когито-Центр».
2. Фрейд З. (2020) Собрание сочинений в 26 томах. Том 13-14. Статьи по метапсихологии – Пер. с нем. - М.: «Когито-Центр».
3. Шнайдер М. (2008) Последний сеанс Мэрилин. Записки личного психоаналитика / Пер. с англ. РИПОЛ Классик.
4. Amati-Mehler, J., Argentieri, S., & Canestri, J. (1993). The Babel of the unconscious: Mother tongue and foreign languages in the psychoanalytic dimension (J. Whitelaw-Cucco, Trans.). International Universities Press, Inc.
5. Antinucci, G. (2004). Another language, another place: to hide or to be found? *International Journal of Psychoanalysis*, 85 (5), pp. 1157–1174.
6. Balas, A. (1996). The Babel of the Unconscious: Mother Tongue and Foreign Languages in the Psychoanalytic Dimension by Jacqueline Amati-Mehler, Simona Argentieri and Jorge Canestri translated by Jill Whitelaw-Cucco. Madison, CT: International Universities Press, 1993. *Psychoanalytic Books a Quarterly Journal of Review*, 7 (4), pp. 555-560.
7. Bollas C. (1993). *Being a character: Psychoanalysis and Self Experience*. London: Routledge.
8. Burck C. (2004). Living in several languages. *Journal of Family Therapy*, 26, pp. 314-339.
9. Byford A. (2015). Lost and Gained in Translation: The Impact of Bilingual Clients' Choice of Language Psychotherapy. *British Journal of Psychotherapy*, 31 (3), pp. 333-347.
10. Costa, B. & Dewaele, J.-M. (2012). Psychotherapy across languages: beliefs, attitudes and practices of monolingual and multilingual therapists with their multilingual patients. *Language and Psychoanalysis*, 1, pp. 18-40.
11. Greenson, R. R. (1950). The mother tongue and the mother. *International Journal of Psycho-Analysis*, 31, pp. 18-23.
12. Gulina, M. & Dobrolioubova, V. (2018). One Language and Two Mother Tongues in the Consulting Room: Dilemmas of a Bilingual Psychotherapist. *British Journal of Psychotherapy*, 34 (1), pp. 3-24.
13. De Houwer, A. (2015). Harmonious bilingual development: young families' well-being in language contact situations. *International Journal of Bilingualism*, 19 (2), pp. 169–184
14. De Maesschalck, S. (2012). Linguistic and cultural diversity in the consulting room: A tango between physicians and their ethnic minority patients. Unpublished Doctoral Dissertation, Ghent University.
15. Frie, R. (2011). Irreducible cultural contexts: German-Jewish experience, identity, and trauma in a bilingual analysis. *International Journal of Psychoanalytic Self Psychology*, 6 (2), pp. 136–158.
16. Hall, S. (1996). Introduction: Who needs identity? In S. Hall and P. du Gay (eds) *Questions of Cultural Identity*. London: Sage.
17. Harris, A. (1992). Dialogues as transitional space: A rapprochement of psychoanalysis and developmental psycholinguistics. In: *Relational Perspectives in Psychoanalysis*, ed. N. Skolnick & S. Warshaw. Hillsdale, NJ: The Analytic Press, pp. 119-145.
18. Hoffman, E. (1989). *Lost in Translation: A Life in a New Language*. London: Minerva.
19. Hoffer A. (1989). Can there be translation without interpretation? *International Review of Psycho-Analysis*, 16 (2), pp. 207-212

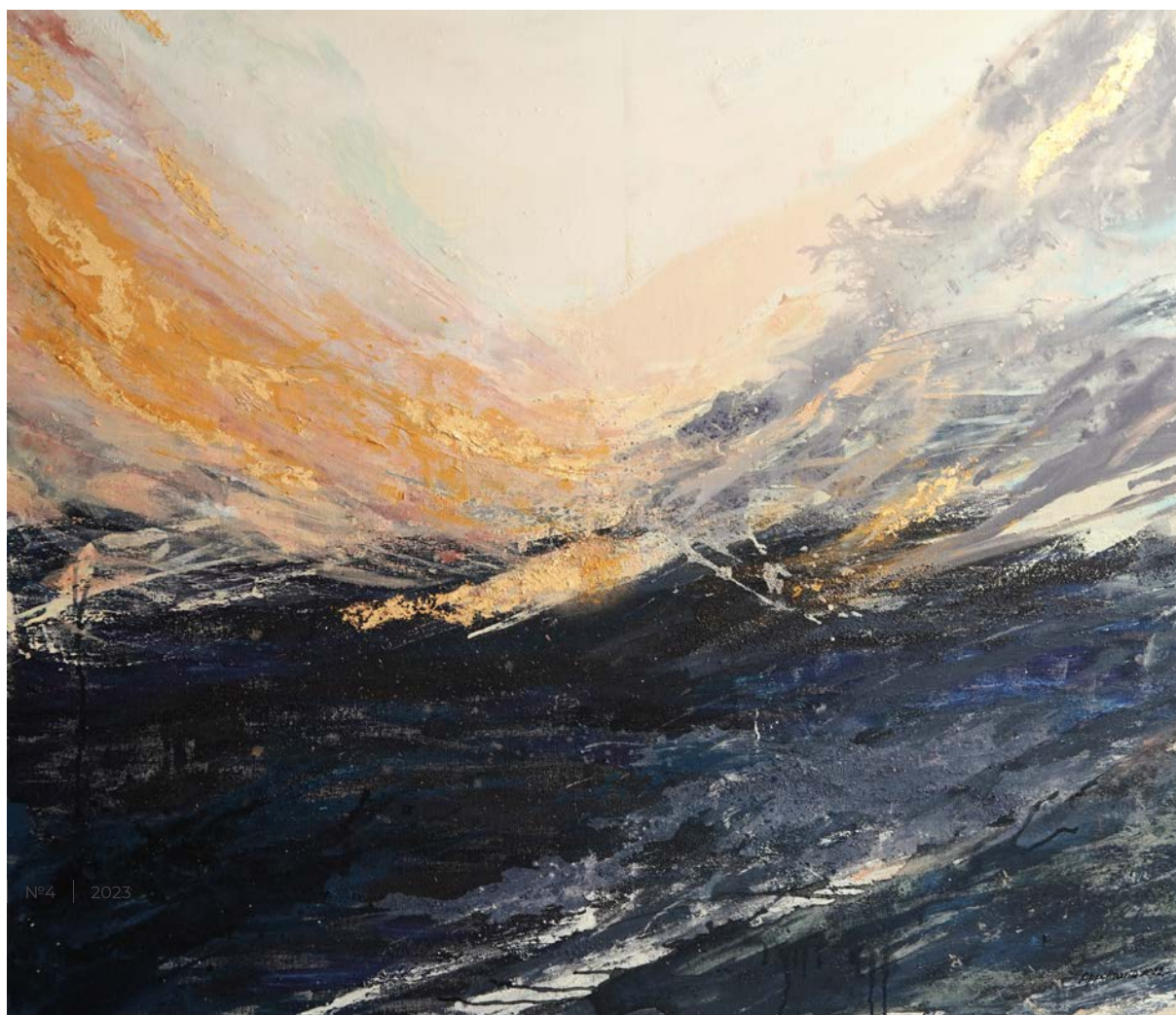
20. Javier, R.A. Barroso, F. & Mufioz, M. A. (1993). Autobiographical memory in bilinguals. *Journal of Psycholinguistic Research*, 22, pp. 319-338.
21. Kokaliari E., Catanzarite G. & Berzoff J. (2013). It Is Called a Mother Tongue for a Reason: A Qualitative Study of Therapists' Perspectives on Bilingual Psychotherapy—Treatment Implications, *Smith College Studies in Social Work*, 83 (1), pp. 97-118.
22. Kolers, P. A. (1963). Interlingual word associations. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*, 2: 291-300.
23. Marcos, L. R. (1976). Linguistic Dimensions in the Bilingual Patient. *American Journal of Psychoanalysis*, 36, pp. 347-354.
24. Pavlenko A. (2006). Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation. (*Bilingual Education and Bilingualism*, 56). *Multilingual Matters*.
25. Pérez Foster, R-M. (1992). Psychoanalysis and the bilingual patient: Some observations on the influence of language choice in the transference. *Psychoanalytic Psychology*, 9, pp. 61-76.
26. Pérez Foster R-M. (1996). The bilingual self duet in two voices. *Psychoanalytic Dialogues*, 6 (1), pp. 99-121.
27. Preston P. (1998). *Mother Father Deaf: Living between Sound and Silence*. Harvard University Press; Revised edition (July 21, 1998).
28. Rolland L., Dewaele J-M. & Costa B. (2017). Multilingualism and psychotherapy: exploring multilingual clients' experiences of language practices in psychotherapy, *International Journal of Multilingualism*, 14 (1), pp. 69-85.
29. Schrauf R. (2000). Bilingual Autobiographical Memory: Experimental Studies and Clinical Cases. *Culture & Psychology*, 6 (4), pp. 387-417.
30. Tsatsas N. & Hewison D. (2011). Living in Two Languages: a Bilingual Couple Therapist's Experience of Working in the Mother Tongue, *Couple and Family Psychoanalysis* 1 (1) pp. 97-116.
31. Walsh S. (2014). The Bilingual Therapist and Transference to Language: Language use in Therapy and its Relationship to Object Relational Context, *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*, 24 (1), pp. 56-71.
32. Wilson A. & Weinstein, L. (1990). Language, thought and interiorization. *Contemporary Psychoanalysis*, 26, pp. 24-40.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«ГРАНИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО. ФЕНОМЕН СОПРОТИВЛЕНИЯ СЕГОДНЯ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2-3 сентября 2023 года в Санкт-Петербурге прошла международная научно-практическая конференция «Грани бессознательного. Феномен сопротивления сегодня». В пленарных и секционных докладах были рассмотрены различные аспекты одного из ведущих понятий психоанализа – сопротивления. Доклады клинической секции в основном были посвящены особенностям работы с доэдипальными пациентами (в индивидуальной и групповой терапии) – ведущему вектору развития научной мысли Санкт-Петербургского регионального отделения ЕАРПП. Пленарные доклады представили ведущие отечественные (Е.П. Савичева, С.А. Аулкина) и зарубежные аналитики (Ж. Спикёр, У. Шарп).

Грани сопротивления аналитика

Аулкина Светлана Автономовна

- Клинический психолог, психоаналитик
- Сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ECPP (Vienna, Austria)
- Вице-президент ЕАРПП
- Председатель РО-Самара ЕАРПП
- Руководитель и преподаватель программы «Аналитическая психология. Психоанализ» Института Аналитической Психологии

С увеличением в практике доэдипальных пациентов увеличивается и напряжение аналитика для сохранения аналитической позиции.

Приглашаю вас поразмышлять о сопротивлении аналитика и посмотреть, какие психодинамические процессы и переживания аналитика стоят за этим явлением в ходе длительных отношений с пациентом.

В последнее время в аналитической практике нам всё чаще приходится работать с пограничными и нарциссическими пациентами, т.е. мы всё чаще сталкиваемся с доэдипальной областью, которая имеет свои определённые характеристики и определённое воздействие на психику аналитика.

Профессиональная аналитическая позиция предполагает некоторые усилия – постоянное сдерживание влечений, поддержание технической нейтральности, свободно парящего внимания, собственного нарциссического баланса. С увеличением в практике доэдипальных пациентов увеличивается и напряжение аналитика для сохранения аналитической позиции.

Несмотря на то, что мы верим в эффективность психоаналитического лечения, а также, несмотря на наше терпение и усилия в поддержании профессиональной позиции, со временем происходит

усиление напряжения в психическом функционировании аналитика, что может вызывать дополнительное сопротивление.

Рассмотрим некоторые аспекты, влияющие на нашу аналитическую работу сегодня, а также грани проявления сопротивления в собственной практике, супервизиях и в профессиональном сообществе.

Сопротивление принято рассматривать в рамках психоаналитического лечения. Сопротивление препятствует как аналитической процедуре и всем действиям аналитика, так и психологическому росту пациента и проявляется в виде защитных процессов. Термин «сопротивление» относится ко всем защитным операциям психического аппарата и ко всем их проявлениям. В психоаналитической ситуации сопротивление проявляет себя в виде защитных процессов. Психика аналитика также может активизировать собственные защиты, проявлять сопротивление психоаналитической процедуре и подлинному эмоциональному контакту с пациентом. Собственно, зона и сфера, где наше сопротивление может максимально себя проявлять и выражаться, – это сопротивление эмпатическому контакту. Например, мы можем потерять «эмоциональную чувствительность» и дистанцироваться от пациента, ограничиваясь рациональным контактом. Или утратить эмпатию к полюсам конфликта анализанда и выйти из технической нейтральности.

Как пациент, начинающий психоаналитическую терапию, так и психоаналитик, приносит с собой свои способы обращения с тревожностью и другими неприятными чувствами и состояниями (депрессия, стыд, вина, зависть), а также с глубинными психическими конфликтами и «слепыми пятнами». Очевидно, что прохождение собственного анализа и успешное его завершение не делают нашу психику, как аналитиков, совершенно исключительной в этом смысле. Предполагается, что, учитывая проработанные травматические зоны, разрешённые конфликты, Эго аналитика, укрепившееся во время собственной терапии, способно более осознанно и гибко реагировать, чем у пациента, который только начал анализ. Но, тем не менее, этот факт не делает нас абсолютно осознанными, свободными от ответного сопротивления в процессе работы с пациентом, не прибегающими к бессознательным или к «частично осознаваемым» защитным процессам.

«Сопротивление сопровождает лечение шаг за шагом. Каждая ассоциация, каждое действие личности при лечении должны расплачиваться сопротивлением, и представляют собой компромисс между силами, которые стремятся к выздоровлению, и силами, которые противодействуют этому» (Фрейд З., 1912).

Перефразируя З. Фрейда, можно сказать, что сопротивление сопровождает аналитическое лечение шаг за шагом не только со стороны пациента, но и со стороны аналитика. Поддержание аналитической позиции, усилия по сохранению нарциссического баланса (это нам приходится делать часто, особенно если мы подвергаемся постоянному

Зона и сфера, где наше
сопротивление может
максимально себя проявлять
и выражаться, – это
сопротивление эмпатическому
контакту.

обесцениванию), состояние свободно падающего внимания – это всегда компромисс между силами Эго, которые поддерживают эту позицию, и силами, которые этому противодействуют в психике аналитика.

Для успешной работы сопротивление должно быть проанализировано и разрешено. Это справедливо и в отношении сопротивления аналитика. Оно должно быть осмыслено и преодолено. Это – залог не только качественного ведения практики, но и профилактики профессионального выгорания.

Остановимся на некоторых проявлениях сопротивления аналитика, список которых может быть расширен:

- сонливость на сессиях. Чаще всего это может быть связано с «заражением» аналитика защитными процессами пациента, психика которого бессознательно стремится избежать контакта с определённым опытом или чувствами. Пациент как бы «закрывает нам глаза» с помощью примитивных процессов – отрицания, расщепления, проективной идентификации. Также это может быть связано с регрессией пациента, его соприкосновением с ранними, агрессивными, разрушающими чувствами, и аналитику совсем не хочется сейчас, например, быть объектом, на который проецируются эти чувства. При этом свою сонливость мы можем объяснять чем угодно (усталостью, плохим сном или погодой);
- стойкое желание избавиться от определённого пациента. Конечно, здесь важно различать его с истинной контртрансферной реакцией. Или, например, затянувшийся бесполезный анализ, в котором ничего не происходит, теряются чувствительность и живость реакций;
- бессознательное, полусознательное избегание обсуждения определённых тем совместно с пациентом или упорное игнорирование определённых тем;
- ригидность реакций аналитика на сессиях с конкретным пациентом. Иногда нас что-то побуждает повторять одни и те же вопросы, ответа на которые нет, задавать вопросы вместо присоединения, конфронтировать с сопротивлением в лоб и т.д. Неожиданно мы можем обнаружить, что мы «неживые» с конкретным пациентом и всё время повторяем всплывающие вопросы из книг или фразы из супервизий;
- различного рода отыгрывания (опоздания, пропуски сеанса со стороны аналитика, забывание предупредить пациента об отмене сессии). Отыгрывание вовне со стороны аналитика – это, например, обсуждение материала сессий с коллегами и домашними. Оно всегда служит функциям сопротивления вне зависимости от того, что ещё может означать, так как помогает аналитику снять напряжение. Упорное нежелание «нести» конкретно этого пациента на супервизию;
- потеря интереса к тем или иным пациентам чаще может усиливаться в конце рабочего сезона. Это может быть связано с сопротивлением признать, что мы – люди и наш контейнер тоже имеет определённые пределы и возможности. В таком случае – это

Сопротивление сопровождает аналитическое лечение шаг за шагом не только со стороны пациента, но и со стороны аналитика.

сопротивление признанию ограниченности наших скромных возможностей и отказа от всемогущества. Если мы это признаём, то вовремя едем в отпуск или устраиваем себе перерыв. Или, как минимум, понимаем, что наша практика предполагает наличие более серьёзных перерывов или организации рабочего дня таким образом, чтобы перерывы давали возможность восстановиться, потому что важно освободить себя от «остатков» материала пациента с прошлой сессии. В итоге возникает перегруз, который сказывается, допустим, в конце сезона. Иногда этот перегруз может не компенсироваться 1,5-месячным отпуском. Каждый для себя решает, какой ритм отпусков ему лучше использовать для того, чтобы оставаться «живым» в аналитической позиции.

Этот список сопротивлений можно продолжать, но мне хотелось бы остановиться на конкретном аспекте. Сегодня невозможно игнорировать тот факт, что невротический пациент стал редким гостем в наших кабинетах. В основном, мы имеем дело с пограничным или нарциссическим функционированием наших пациентов. Это требует переосмысления нашей работы, нашей аналитической техники, а также расширения понимания возможных форм сопротивления со стороны аналитика.

Мы говорим о работе с доэдипальными пациентами, которые характеризуются ослабленными функциями эго и преобладанием первичных защит, основанных на расщеплении: всемогущий контроль, проекция/проективная идентификация, отрицание, расщепление, идеализация/обесценивание (Кернберг). Воздействие этих особенностей доэдипального пациента на психику аналитика может вызывать ответные специфические формы сопротивления.

Для успешной работы
сопротивление должно быть
проанализировано и разрешено.
Это справедливо и в отношении
сопротивления аналитика.

Психоанализ меняется. Мы говорим об этом на конференциях, на страницах журнала ЕАРПП, в наших проектах для начинающих коллег и на мастерских для профессионалов. Всё больше дефицитарных пациентов, требующих именно «дорастивания», всё меньше невротиков, которые эффективно реагируют на классические психоаналитические техники, к которым мы привыкли.

В своих размышлениях я опираюсь на статьи наших коллег, с которыми вы можете ознакомиться на страницах журнала ЕАРПП: Я.И. Корякова «Психоаналитический подход к выгоранию», Е.П. Савичевой «Природа глупости», интервью с М.Д. Машовец «О нарциссической регуляции и её нарушениях», О.Н. Яковлевой «Профилактика выгорания аналитика: в поисках ресурса – смысла, группы, знания о себе». А также на статью Б.А. Ерёмкина «Выгорание аналитика — провал депрессивной позиции».

Психоанализ трансформируется от искусства толкования к искусству бытия с пациентом. Важнее не толковать, а быть с пациентом. Это гораздо сложнее. Обобщая слова А. Ферро о современной технике психоанализа, речь идёт, скорее, об искусстве создания среды, в которой «слабые ненасыщенные интерпретации вплетаются в оживлённый

Всё больше дефицитарных пациентов, требующих именно «доращивания», всё меньше невротиков, которые эффективно реагируют на классические психоаналитические техники, к которым мы привыкли.

диалог с пациентом». Происходит что-то вроде постоянной совместной интерпретации, расширяющей возможности самовыражения пациента. Такая техника работы эффективна для лечения детей, подростков, а главное, пациентов с тяжёлыми личностными проблемами и дефицитом символизации.

За этими словами стоит огромный труд души аналитика, который контактирует с более ранними довербальными

слоями психики, которые ассоциированы с проективными идентификациями и насыщены мощнейшими разрушающими аффектами зависти и ненависти, зонами нарциссического дефицита и пустоты. В переносе у доэдипальных пациентов разыгрываются примитивные объектные отношения, но переживаются они как сильные аффекты, отделённые от когнитивной составляющей (О. Кернберг), метаболизировать которые, порой, крайне сложно.

Рабочее аналитическое расщепление предполагает разделение эго на наблюдающую анализирующую часть и эмпатически чувствующую. Эта чувствующая эмпатичная часть может сканировать переживания пациента и, соответственно, эмпатично отвечать. Мы чувствуем все части пациента: и его боль, и его отвращение, и агрессию и т.д.

Одно из определений аналитической позиции состоит в следующем – это сохранение наблюдающей части эго и исследование различных чувств пациента как положительных, так и отрицательных. Х. Кохут писал, что эмпатия – это способ познания, при котором человек особым образом настроен на восприятие сложных психологических конфигураций. В оптимальных условиях эго будет использовать эмпатическое наблюдение, сталкиваясь с задачей сбора психологической информации. Эту информацию, связанную с доэдипальными областями, которые насыщены пустотой, болью, отчаянием, невозможными переживаниями нам нужно эмпатически прочувствовать и назвать для себя.

Дж. Гротштейн пишет: «первые сто лет развития психоанализа прошли под знаком подавления и вытеснения. В течение его второго столетия в качестве основного механизма будут выступать расщепление и проективная идентификация». В норме расщепление и проективная идентификация у невротически организованного пациента существует с другими более зрелыми формами переработки опыта и коммуникации. «Преобладание проективной идентификации и расщепления проистекают из детской психической катастрофы – разочарования, краха и отчаяния. Проективная идентификация в своей базовой коммуникативной форме – это крик, агония младенца, который должен поместить в мать свой опыт так, чтобы мать знала, что чувствует младенец, и знала, что с этим делать» (Гротштейн). Поэтому терапевт, признающий важность этого канала коммуникации должен позволить себе как бы забеременеть материалом пациента, впустить его в себя. Эмпатировать нужно не только для того, чтобы воспринять коммуникацию пациента, но и для того, чтобы дать опыт нормальной симбиотической

связи с матерью-средой (Винникотт) или первичным объектом самости (Кохут). По существу, младенческая психика даёт запрос материнской психике, и та на него откликается, удовлетворяет. Речь идёт не о вербальном вопросе и ответе, а о специфических реакциях. Мать для младенца – божественная, опорная, идеальная фигура. Она осуществляет как физиологическую заботу, удовлетворяя потребности в питании и гигиене, так и психическую заботу.

Далее Гротштейн пишет: «И младенец, и пациент хотят, чтобы мать или терапевт, с которыми они связаны, были фоновыми объектами, которые стали бы доской для отражения их мыслей и одновременно трансформирующими объектами, которые могли бы “поймать”, рассортировать и осмыслить проекции так, чтобы появились значение и смысл». Также и младенец, и пациент очень чувствительны к проекции на своих родителей и на терапевта, таким образом, пространство проективных идентификаций – это сеть, которая действует в обоих направлениях. Следовательно, наши приятные фантазии и мечтания о пациенте, желание видеть его светлое будущее, равно как и негативные фантазии (отвращение, желание избавиться от него), равносильно влияют на развитие пациента в анализе. Это требует качественно иного контакта, большего напряжения со стороны аналитика, его огромного труда и проработанности в собственном анализе.

Психоанализ трансформируется
от искусства толкования
к искусству бытия с пациентом.

Мы можем наблюдать сопротивление аналитика такому контакту. Одно из сопротивлений Оно со стороны аналитика – сопротивление коммуникации с пациентом поверх проективной идентификации, приводит анализ в тупик. Чаще это можно отследить на супервизии, а также найти слова для состояния, которое вкладывает пациент в аналитика.

Также можно отметить увеличение первертных способов коммуникации, которые воссоздают в аналитическом поле некоторые нарциссические пациенты. В современной психоаналитической литературе принято разделять непосредственно сексуальные перверсии и первертные объектные отношения (О. Кернберг). Такие отношения могут не включать элементы девиантной сексуальности, а предполагают циничное использование другого человека, разрушение его автономности, обесценивание основных человеческих идеалов и ценностей. «Это отношения, в которых потребности одного участника могут односторонне навязываться другому. Этот другой застигается врасплох и психически держится в заложниках посредством использования специального рода транзактных манёвров (часто через проективную идентификацию). Тактика власти нарциссической перверсии включает попытку заставить другого оказаться в невыгодном положении, лишив его присутствия духа, необходимого для участия в качестве равного партнёра, в совместном создании разворачивающихся событий. В таком случае появляется ощущение, что ваша подлинная сущность как человека, имеющего некоторый опыт и искренне пытающегося помочь, совершенно подавляется и обесценивается» (R.Tach). Эти пациенты вызывают мощнейшие контртрансферные переживания или защитное сопротивление этим переживаниям.

В работе с нарциссическим пациентом мы фактически имеем дело с ощущением того, что нас вычеркнули и игнорируют как реальную личность, это является диагностическим показателем нарциссической динамики, но эта мысль очень тяжело и сложно допускается до сознания, особенно у начинающих терапевтов. Порой, начинающие аналитики «расшибают лоб» об это, чувствуя себя ненужными и обесцененными, и такой анализ часто заходит в тупик на 50 – 60 сессиях, или заканчивается через 10-12 сессий.

Технически аналитик становится внутренним контейнером для поддержания самооценки и переживания того, что он всего лишь селф-объект, а не совершенно отдельная личность, это тоже может вызывать контртрансферное сопротивление, если мы не понимаем, с чем мы имеем дело.

Н. Мак-Вильямс писала, что не нужно ставить подряд трёх депрессивных пациентов и делилась своими переживаниями, что как-то раз она еле дошла до ординаторской и восстановилась не сразу. Но сейчас реальность такова, что мы весь рабочий день имеем дело с дефицитарными пациентами. Повседневный контакт с такими пациен-

Наши приятные фантазии и мечтания о пациенте, желание видеть его светлое будущее, равно как и негативные фантазии (отвращение, желание избавиться от него), равносильно влияют на развитие пациента в анализе. Это требует качественно иного контакта, большего напряжения со стороны аналитика, его огромного труда и проработанности в собственном анализе.

тами может влиять на нашу способность поддерживать собственный нарциссический баланс, способность восстанавливать аналитическую позицию. Очень сложно поддерживать такой баланс, когда мы довольно долго имеем дело с дефицитарными пациентами, которые постоянно говорят о том, что «ничего не происходит, ничего не меняется», «что делать?», «вот опять я не вышла замуж...» и т.д. и т.д...

В этом смысле наша профессия отличается от других профессий, в которых результат наступает быстро, и мы можем тогда ощущать себя хорошими, деятельными, эффективными. Сложно выдерживать подобную фрустрацию, не отыгрывая, это достигается за счёт проанализированности зон собственного нарциссического дефицита. Если этого не получилось в первом анализе, то обязательно нужно постараться сделать это во втором, отнестись к этому серьёзно, иначе это может привести к нарциссическому истощению. Например, Б.А. Ерёмин пишет: «Неспособный больше ограничивать свои нарциссические потребности в анализе, который его не вознаграждает, терапевт может оставить нейтральную позицию и все чаще будет прибегать к харизматическому поведению, чтобы спровоцировать явное восхищение пациента».

М.Д. Машовец отмечает, что «нарциссические пациенты часто защищаются, компенсируя зоны собственного дефицита интеллектом. Это способ их психики выжить».

Среди нарциссов немало интеллектуально продвинутых людей, поэтому на первых встречах такие пациенты могут производить впечатление невротически организованных, но при глубоко рассмотрении обнаруживается нарциссическая пустота. Поэтому с такими пациентами зачастую мы начинаем интеллектуализировать – что-то рассказывать, о чём-то расспрашивать, излишне побуждать активность пациента. Аналитик осознаёт, что в этот момент он сам себе не нравится, поскольку утрачивает способность чувствовать, идентифицируется с защитами пациента, но ничего сделать с этим не может. Как правило, осознание приходит в разгар пустой интеллектуальной беседы, или после сессии, или на супервизии.

Эмпатия – это способ познания, при котором человек особым образом настроен на восприятие сложных психологических конфигураций.

Аналитик осознаёт, что в этот момент он сам себе не нравится, поскольку утрачивает способность чувствовать, идентифицируется с защитами пациента, но ничего сделать с этим не может. Как правило, осознание приходит в разгар пустой интеллектуальной беседы, или после сессии, или на супервизии.

Также мы можем идентифицироваться с частями селф пациента и, например, чувствовать себя растерянными, тупыми, неспособными проводить аналитическую работу, ощущать беспомощность, ничтожность, замешательство.

Сопротивление аналитика также может стоять на пути осознания контрпереносных реакций, которые с доэдипальными пациентами могут иметь свои особенности (О.Кернберг). Они, как правило, характеризуются (с пограничными пациентами) быстрой сменяемостью, интенсивностью аффектов, трудностью контейнирования со стороны аналитика. Острота этих контрпереносных реакций может со временем перейти в хроническую форму и выражаться в устойчивом отношении со стороны аналитика, проявляться уже в виде характерной реакции аналитика на перенос как форму сопротивления.

Отсюда же вытекает ещё один вид сопротивления аналитика – защитное эмоциональное дистанцирование. Функционировать полноценно в том, чтобы постоянно считывать проективные идентификации невозможно, поэтому аналитик может прибегать к менее эмоционально нагруженным техникам, то есть пытаться избежать аналитического контакта, терять связь с бессознательным пациента.

Профессиональное сообщество много делает для становления аналитика и профилактики выгорания. Но, тем не менее, определённые традиции в профессиональном поле автоматически способствуют усилению сопротивления терапевта. Например,

В работе с нарциссическим пациентом мы фактически имеем дело с ощущением того, что нас вычеркнули и игнорируют как реальную личность, это является диагностическим показателем нарциссической динамики, но эта мысль очень тяжело и сложно допускается до сознания, особенно у начинающих терапевтов.

Сейчас реальность такова, что мы весь рабочий день имеем дело с дефицитарными пациентами. Повседневный контакт с такими пациентами может влиять на нашу способность поддерживать собственный нарциссический баланс, способность восстанавливать аналитическую позицию.

идеализация образа успешного психоаналитика. Этому, безусловно, способствуют рассказы опытных терапевтов на супервизиях, в докладах на конференциях о блестяще проведённом анализе сложного пациента. Конференции и выступление коллег с докладами, демонстрация успешных кейсов являются неотъемлемой частью осмысления и передачи опыта, играют важную роль в подготовке аналитика и консолидации психоаналитической практики в целом, восстанавливают нарциссический баланс. С другой стороны, для части молодых коллег это не способствует процессу выхода из-под магии всемогущества и грандиозности аналитического идеала, а также принятию простого факта, что за каждым успехом всегда стоит опыт «набитых шишек» и серьёзных ошибок. В профессиональных сообществах мы очень мало говорим об ошибках. Никто не приводит в докладах примеров неудачных работ. Хотя очень важно говорить о том, как мы ошибаемся, не только для начинающих коллег, но и для себя, освобождаясь от собственного всемогущества.

Стыд, который связан с несоответствием этому аналитическому идеалу, приводит к сопротивлению обсуждать эти проблемы в собственном анализе, с коллегами и на супервизиях. Так образуются «тайные комнаты», инкапсуляция своих неудач и поражений, как ещё одна форма сопротивления аналитика. Эти «тайные комнаты» есть у всех, они хранят, например, такие тяжёлые виды сопротивлений со стороны аналитика, когда мазохистические и нарциссические защиты самого аналитика не позволяли продвинуться дальше в анализе с тем или иным пациентом, и этот анализ превращался в долгую схватку между садомазохистическими частями аналитика и пациента. Как правило, такой анализ останавливался или мог длиться годами. Каждый опытный аналитик, у которого достаточно большая практика, может перечислить как минимум несколько работ, которые зашли в тупик и ни к чему не привели. Также как у врачей есть своё «кладбище пациентов», у аналитиков есть своё «кладбище бесполезных анализов». Если мы будем об этом говорить в докладах на конференциях и осмыслять этот опыт, возможно, он поможет в какой-то степени излечиться нам самим, а также поможет начинающим аналитикам демонтировать собственные грандиозные ожидания и идеалы.

Что со всем этим делать аналитику? Первое – это работать над возможностью

Нарциссические пациенты
часто защищаются, компенсируя
зоны собственного дефицита
интеллектом. Это способ их
психики выжить.

репарации, восстанавливать себя и таким образом противостоять выгоранию. Б.Ерёмин называет это провалом депрессивной позиции. По сути, это застревание в собственных нарциссических защитах, где зависть и ненависть не позволяют скомпенсировать нам нашу работу. Если аналитик чувствует, что такие симптомы повторяются, то необходимо вернуться в анализ. Если вы уже в анализе, то говорить о своих тяжёлых чувствах, возникающих с некоторыми пациентами. Также необходимо изучать функционирование доэдипальных областей, осмыслять полученные знания. Чаще отдыхать, возможно, чаще, чем мы привыкли это делать, делать перерывы в течение дня.

Задачей для тренинговых аналитиков будет являться более тщательная и детальная проработка параноидно-шизоидных защит и движений в сторону репараций – умений анализанта – будущего аналитика восстанавливать депрессивную позицию, возможности говорить в анализе о чувствах, связанных с пациентом, и в целом об аналитической работе, особенно в начале становления практики и формирования идентичности аналитика, прорабатывать сопротивление анализанда говорить о неудачах в собственной практике и негативных чувствах по отношению к пациентам.

Для супервизора с методической точки зрения также важно учитывать эти аспекты и уделять внимание на супервизиях контрпереносным чувствам и проективной идентификации, помогать выйти из контрпереносных чувств и прояснять способы функционирования доэдипального пациента, а также помочь ответить на вопрос: есть ли у самого аналитика внутренний ресурс работать с этим конкретным пациентом?

Начинающие коллеги часто спрашивают, что нам может дать организация? Очевидно, что такой комплексный и систематический анализ общества, актуальной ситуации, аналитической работы в целом, заботы о профессиональном здоровье, организация площадок для осмысления опыта и поддержку начинающих специалистов невозможно получить вне профессиональной организации. Один аналитик в поле – не воин. Именно организация со своей иерархией и структурой, обучающими проектами, этическими нормами, сертификационными требованиями и ограничениями, с различными возможностями контейнирования специалистов (а не спонтанно организованная группа специалистов) как раз выполняет эти задачи. Разумные ограничения и развивающая среда позволяют нам расти и осмыслять свою профессиональную жизнь, в том числе и осмыслять и преодолевать собственное сопротивление.

В заключении хотелось бы сказать, что в безграничном пространстве вне профессиональной организации представить эффективную практику аналитика очень трудно. Нэнси Мак-Вильямс говорит о том, что «безграничность – слишком обширная рамка для того, чтобы наладить жизнь, наполненную смыслом».

В профессиональных сообществах мы очень мало говорим об ошибках. Никто не приводит в докладах примеров неудачных работ. Хотя очень важно говорить о том, как мы ошибаемся, не только для начинающих коллег, но и для себя, освобождаясь от собственного всемогущества.

Властелин колец

Савичева Елена Петровна

- PhD, психоаналитический психотерапевт
- Сертифицированный специалист, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления и Председатель РО Москва (ЕАРПП)
- Автор программ Дополнительного образования (ЕАРПП)
- Групповой супервизор IGA
- Преподаватель Московских вузов дополнительного образования

Боги полагали, что на свете нет ничего ужасней, чем тяжёлая и бесполезная работа.

«КРЕСЛО ВЛАСТИ СРАБОТАНО
НЕ ПО МЕРКЕ ГОЛОВЫ».

Станислав Ежи Лец

Анонс: знаете ли вы символику власти? А откуда она к нам пришла и почему такая? Подумаем вместе. В докладе, начиная с социо-культурологического слоя, мы постепенно перейдем в поле групп-аналитического дискурса. И посмотрим, через призму мифа как некоего символического пространства, как размещает свою власть групповой ведущий и как, через параллельные процессы и резонансы, группа ему это отражает. И поразмышляем, как это влияет на динамику рабочей группы с учетом базовых допущений.

Почему я считаю сегодня необходимым говорить сначала о символике власти? На мой взгляд, в наше время эта ментальная функция — символизация очень обеднена. Да, остаются традиционные символы как часть истории, но, к сожалению, они часто становятся просто атрибутикой — декорацией — означаемым без означающего. Как говорил академик Иван Павлов, анализируя мышление современной ему интеллигенции начала XX века, «ум играет словами, а не задумывается об их содержании». Так происходит, когда предложения, состоящие из слов, имеют мало смысла. Нам же, психоаналитикам, как раз необходимо видеть

то, что неявно, и слышать то, что не сказано словом. И символическое пространство здесь дает большое подспорье для расшифровки в манифестной речи, а психоанализ вырос на разговорном жанре скрытых — латентных смыслов

На протяжении всей истории правители окружали себя символами власти, чтобы утвердить свою власть. Термин *авторитет* происходит от латинского *auctoritas*, и впервые был применен к римским императорам, предполагая, что они заслуживают уважения и повиновения. В XVI–XVIII веках в Европе монархи обосновывали свое право на правление верой в то, что король или королева получают свою власть от Бога.

Концепция божественных царей была также очевидна среди самых ранних цивилизаций, особенно в Древнем Египте, где божества и фараоны носили головные украшения и короны. Поэтому самый узнаваемый символ правления и власти — это эмблема монархии, корона. Это одна из регалий, связанных с коронацией — официальной церемонией признания нового короля, королевы или императора. Термин регалии происходит от латинского слова Рекс, это значит достойный короля. Во время коронации государь получает на свою голову корону как символ царской власти.

В психоаналитических кругах именно начало негативного переноса считается началом психоанализа как такового, так как в аналитической паре начинает проявляться амбивалентность отношений.

И так мы до сих пор сохраняем в языке эту символику власти. Т. е., говоря об авторитетной фигуре, мы обязательно дополняем к лицу регалии, которые выделяют его среди прочих членов группы, сообщества, организации и государства. Нам важно видеть вертикаль власти как структурообразующий элемент закона и управления обществом.

Если говорить в целом, то существует множество символов власти, от короны до молотка. Мне сегодня хочется остановиться на символе кольца. К этому меня подтолкнула трилогия Джона Толкина «Властелин Колец», она стала отправной точкой к моим размышлений на тему конференции «Вожаки стаи: судьба власти в группе». Я — не фанат этого произведения, но знаю, что кольцо там имело магические надписи, дававшие владельцу бесконечную разрушительную силу. И это кольцо необходимо было уничтожить. С уничтожением кольца уничтожалась и власть Тьмы.

Продолжая исследовать символизм кольца, спросим: что вкладывали в значение кольца древние? Кольцо во все времена было отличительным знаком владельца, символом власти. Оно указывало на принадлежность хозяина к определенным слоям населения, выделяло его среди других. Кольца нередко фигурируют в легендах различных стран и времен, именно они становятся неизменным спутником и помощником жрецов, магов и чародеев, а позднее императоров и королей. Замкнутая окружность, не имеющая ни начала, ни конца, — это целостность и единство, вечность и бесконечность. Круг — самая совершенная геометрическая фигура, стоящая выше остальных, именно эта форма и выбрана в качестве символа власти.

Уилфред Бион хотел понять природу мышления. В своей теории познания он предлагает рассматривать культурный миф в качестве модели К-связи. Он использовал древнегреческий миф об Эдипе и мифы из Библии о Райском саде и Вавилонской башне для исследования феномена всезнания и всемогущества — модель умственного развития, обусловленного любопытством и вызывающим поведением, и наказание, связанное с запретом на любопытство и поиск истины.

Я предлагаю в качестве исследования матрицы аффективных переживаний ведущего в групп — аналитическом процессе миф о кольце царя Соломона. Ведь это история авторитета со всеми перипетиями на Пути правления. Давайте, опираясь на миф, проследим связь с ситуациями в группе, отталкиваясь от переживаний ведущего, который создал эту группу, вложил в нее свое реверси и одновременно стал частью нового единства отношений и перспектив.

Пролог. Царю Соломону в юности было подарено кольцо со словами, что, когда ему будет очень трудно, грустно или страшно — пусть вспомнит о кольце и поддержит его в руках. Богатства Соломона были немерены, еще одно кольцо — сильно ли увеличит их?

Ситуация первая. Состояние незнания. Итак, мы говорим о юном вожде. Он еще не испытан временем, не знает побед и поражений. В нашей перспективе это — начало практики. Конечно, для начинающих групп-аналитиков таким напутствием становится личный тренинг: участие в группе под руководством опытного ведущего, идентификация с которым становится первым опорным элементом групп-аналитической идентичности. И конечно психоаналитическая теория сопровождает групповой опыт нужными элементами исследований групповых феноменов. Для нас с вами это работы Фрейда «Психология масс и анализ человеческого Я», «Тотем и табу», работы известных групп-аналитиков. Интересно, что эта ветвь психоанализа начала о себе громко заявлять как раз в годы второй мировой войны. В те годы Фулкс и Бион заложили краеугольные камни для обучения групп-аналитической практике. Итак, для власти характерна преемственность поколений. Наследники всегда чувствуют себя уверенней, чем самозванцы.

Мотивация — ключевой фактор при прохождении терапии, поскольку пациент не просто получает лечение, а активно участвует в терапевтическом процессе.

Мы задаем для аналитической пары время и пространство, в котором будет разворачиваться повседневность во всем её многообразии.

С 2022 года в ЕАРПП стали сертифицировать групповых аналитиков, как и индивидуальных аналитиков. Подхватывая элемент общего поля, мы тоже отражаем в своем развитии историю ПА движения. Вывод: в таком символическом напутствии — возьми с собой и посмотри, если будет трудно, страшно, грустно — заложен потенциал поддерживающего

родителя, контакт с которым (подержи его в руках — я буду с тобой) снижает тревогу от потерь, усталости или перевозбуждения.

Кольцо первое. Как-то раз в царстве Соломона случился неурожай. Начался мор и голод: умирали не только дети и женщины, истощены были даже воины. Царь открыл все свои закрома. Он послал купцов продавать ценности из своей сокровищницы, чтобы купить хлеб и накормить людей. Соломон был в смятении — и вдруг он вспомнил о кольце. Царь достал кольцо, подержал в руках... Ничего не произошло. Вдруг он заметил, что на кольце есть надпись. Что это? Древние знаки.... Соломон знал этот забытый язык. «ВСЕ ПРОХОДИТ», — прочел он.

Ситуация вторая. Итак, мы видим состояние ведущего — СМЯТЕНИЕ — оно возникает на фоне базовых допущений зависимости — исчерпан позитивный потенциал группы (как туман начинают рассеиваться фантазии, что в группе все будет идти, как по маслу, что в ней не будет боли и негатива), для нее как раз характерны оральные первичные защиты — на место идеализации приходит обесценивание, запасы хороших объектных историй исчерпываются в коммуникациях, а ведущий использовал максимум своих внутренних запасов. Группа зависимости бессознательно придерживается убеждения, что некто, на кого она полностью полагается, должен удовлетворять все ее потребности. Т. е. обеспечивать 100% безопасность, как защищающее Божество, чья доброта, сила и мудрость не подвергаются сомнению. Вот вам и символическая корона. Что мы делаем в таких ситуациях — вспоминаем о СУПЕРВИЗИИ. Ведущий приходит растерянным, опустошенным, боящимся, что потеряет группу, не видящим возможных инструментов. Значит, Супервизор должен показать ему, что происходит, принять его аффекты и переработать их в игру или сновидение. Таким образом, трансформируя сырые эмоциональные переживания (бета — элементы) в альфа — элементы. Такая супервизия возвращает ощущение времени, как динамического параметра группового процесса, и реальности. Позволяет ведущему вернуть доверие к себе и к группе.

Желания аналитика — это тоже
энергия движения.

Группа продолжается и у нее уже есть опыт преодоления голода и недифференцированной агрессии.

Кольцо второе. Прошло много лет... Царь Соломон стал известен как мудрый правитель. Он женился и жил счастливо. Жена стала самым чутким и близким его помощником и советчиком. И вдруг она умерла. Горе и тоска охватили царя. Не веселили его ни танцовщицы и певуны, ни состязания борцов... Печаль и одиночество. Приближающаяся старость. Как с этим жить? Он взял кольцо: «Все проходит»? Тоска сдавила его сердце. Царь не хотел мириться с этими словами: с досады бросил кольцо, оно покатилося и на внутренней поверхности что-то мелькнуло. Царь поднял кольцо, подержал в руках. Почему-то раньше он не видел такой надписи: «ПРОЙДЕТ И ЭТО».

Итак, группа идет, в ней радостно и спокойно, однако, по закону жанра, скрытые процессы тоже набирают свою антигрупповую динамику и могут заявить о себе досрочным выходом участника или серией таких выходов (один за другим). А также многим уже знаком опыт, когда участник группы заболевает и умирает. Причины не видны, в группе становится опасно — где-то появляется невидимый враг. Его нужно атаковать или избегать. Другими словами, плохой объект является внешним и его нужно разрушить или убежать от встречи с ним. Появление пустых мест в группе не может не переживаться группой и, конечно, ведущим. Состояние печали и одиночества — естественный отклик — так хорошо знакомый каждому, начиная с травмы рождения, отлучения от груди и переживаний «исключенного третьего». Все элементы сепарации становятся ощутимы. С точки зрения групповой психики, именно такие потери заставляют группу и ведущего страдать, проходя стадии горевания. А депрессия может затянуть группу в самобичевание и апатию — когда все равно. Мотивы хождения в группу истощаются. Начинаются отыгрышания на сессинге, авторитет ведущего падает — ведь это

Реальность бессознательного
существует за гранью
тестирования реальности.

он не удержал группу в сытости и спокойствии. Нападение на авторитет помогает группе получить собственную активность и ощутить силу. Но это — сила подростка, который стащил отцовский инструмент и полагает, что уже может им пользоваться. В такой ситуации возникает анти-лидер со своей программой

к действию, группа может расщепиться на два лагеря. Ведущему необходимо сменить вектор своих интервенций, потому что кажется опорный миф «Все проходит» уже не работает, опорная родительская фигура как будто исчерпала свой поддерживающий потенциал, и ведущий в параллельном процессе и резонансе с группой нападает на родителя; тоска, как токсичная зависть, овладевает им, и он может засомневаться в методе, решить, что все это — полная фигня. Так работает проективная идентификация. (Это разочарование испытал сам Бион, когда понял, что лечить нужно не группу, а систему здравоохранения Объединенного Королевства, и он оставил свою работу с группами). Состояние отчаяния просит разрядки — хочется от чего-то непереносимого избавиться. И тогда может появиться другое базовое допущение — поиск мессии — так рождается акцент на будущее, а не на решение проблем в настоящем. В качестве восполнения хороших объектов для ведущего опять появляется потребность во внешнем третьем. В такой ситуации Групповой супервизор помогает контейнировать прорвавшуюся агрессию и канализировать ее в следующее движение. Заложенный потенциал в групп-аналитическом процессе позволяет справиться и с такими тяжелыми ситуациями. Здесь может быть, как на испытательном полигоне: какие-то части образца обязательно покажут свою несостоятельность и потребуют доработки или даже замены. В этом суть научения на опыте переживаний. Переполненная аффектом группа будет выходить из состояния борьбы-бегства и искать новые возможности, создавая в базовых допущениях образования пар, поиск мессии. Для понимания происходящего необходимо исследовать примитивные защиты от психотической тревоги, вызванной

дилеммой, с которой сталкивается индивидуум в группе, в том числе и ведущий, и регрессией, которую эта дилемма в нем вызывает.

Кольцо третье. Прошло еще много лет. Соломон превратился в древнего старца. Царь понимал, что дни его сочтены и, пока

есть еще какие-то силы, нужно отдать последние распоряжения, успеть со всеми попрощаться, благословить преемников и детей. «Все проходит», «Пройдет и это», — вспомнил он, усмехнулся: вот и все прошло. Теперь царь не расставался с кольцом. Оно уже истерлось, пропали прежние надписи. Слабеющими глазами он заметил: на ребре кольца что-то проступило. Что это, снова какие-то буквы? Царь подставил ребро кольца заходящим лучам солнца — блеснули буквы на грани: «НИЧТО НЕ ПРОХОДИТ» — прочел Соломон...

Группа опытная, имеет хороший потенциал, но ограничена по времени. Скоро расставание. Ведущий начинает готовиться к завершению: намечает пространство для прощания. На этом этапе могут обостриться ушедшие под защиты хронические проблемы, закономерно, что на переработку потребуется время. Ведущий поэтому периодически направляет внимание на будущую дату окончания, как на реальную перспективу разлуки. За годы совместной работы группа становится родной, любимой, ожидаемой, совместный опыт позволяет каждому опираться на группу как на целое. Есть целая история группы, в которой есть и «все пройдет» и «пройдет и это». Такой опыт, конечно, подготавливает к окончанию с опорой на принятие реальности. Но даже сама фантазия о будущем расставании для группы болезненна, участники хотят еще большей близости, они мечтают об объятиях. Таких табуированных, но таких желанных.

Приходит понимание того, что с расставанием не проходит опыт отношений, что история группы будет жить в каждом участнике, что группа дала возможность встречи со своим внутренним театром, который стал доступным для осознания смыслов коммуникаций. Так, к ведущему по мере групповой практики приходит мудрость — то, что позволяло его супервизору выдерживать и перерабатывать все его переживания по мере развития клинической групповой практики. Триединство становления групп-аналитической идентичности — личный тренинг, теоретическая подготовка и практика под супервизорским сопровождением дает прочную основу для профессионального развития с опорой на организацию.

Вот он тот, социокультурный слой, который когда-то дал кольцо Соломону и напутствовал его обращаться к заботящемуся родителю в минуты эмоциональных катастроф и потери ориентиров.

Резюме: миф о кольце царя Соломона дает описательное представление проблемы взаимоотношений ведущего (власти) с группой, направленных на поиск ради самопознания.

Мифология является важной частью культуры человечества, она близка к сновидениям и обладает силой метафорического языка. Группа функционирует как целое,

Аналитик, как археолог,
восстанавливая картину
прошлого, помогает увидеть
влияние на выбор в настоящем.

несмотря на то, что ее члены могут и не подозревать об этом. Этот факт приводит к гипотезе о существовании группового мышления. Групповое мышление формируется единодушным мнением, волевым решением или желанием группы в данный момент. В каждый момент форма организации группы рассматривается как результат взаимодействия группового мышления и желаний отдельных членов. И эта организация называется групповой культурой, которая может быть, как примитивной и рудиментарной, так и зрелой и творческой. Сегодня мы говорили о групповой культуре через наблюдение переживаний и поведения лидера группы — ее ведущего.

В зависимых группах, где поддерживается миф о божественности ведущего, ему приходится выдерживать идеализацию, проявляемую через отсутствие критических суждений и пассивность, ожидание инструкций, советов, объяснений. Или группа найдет другого лидера (часто это так называемый «козел отпущения»), который вызывает много эмоций своим поведением. Он узурпирует внимание группы.

Когда группа в базовом допущении борьбы — бегства, ведущий находится в параноидной среде, где ищется враг, и может стать как участником заговора, так и, собственно, врагом. При поисках мессии ведущий может стать частью мессианской надежды группы и утратить качество наблюдателя.

Тут самое время вспомнить насмешку Ежи Леца «Кресло власти сработано не по мерке головы». Место ведущего предопределяется качествами лидера в его собственной психике, желанием собирать людей в группы, направлять их, регулировать движение и получать результаты. Поэтому не стоит удивляться, что место ведущего — это место Отца, даже если на нем женщина.

Рабочие метафоры мифа о мудром царе Соломоне, правление которого длилось сотни лет, и он считался одним из самых справедливых властителей, мудрым и терпеливым (обладающим негативной способностью личности, как бы мы сегодня сказали, способностью выдерживать неопределенность). Эти, возникающие во время переработки (переваривания) аффективных состояний, девизы — Все пройдет, Пройдет и это, Ничто не проходит — это 3 поверхности кольца в одном пространстве. Они помогают выдерживать эхо и отражения динамики архаичных групповых процессов, дают возможность оставаться в аналитической позиции, регулировать свой эмоциональный резонанс с группами базовых допущений. Т. е. выравнивать внутренний дисбаланс и продолжать мыслить «под обстрелом». Такие группы как раз отличаются тем, с чего я начала доклад: неспособностью развивать язык символов, который мог бы использоваться как прелюдия к действию — это язык достижений, которым обладает рабочая группа. Поэтому ведущему необходимо обеспечивать условия для организации групповой культуры, способствующей росту и созреванию группы и ее членов. В такой рабочей группе диалог является не средством эвакуации болезненных эмоций, а рабочей функцией, позволяющей выдерживать фрустрацию и развиваться новым идеям.

А в нашей общечеловеческой культуре продолжает жить легенда о справедливой власти, как об идеальном контейнере — это миф о магическом кольце еврейского царя Соломона, благодаря которому вождь может повелевать природными стихиями, потусторонними духами, ангелами и даже демонами.

Сопротивление аналитика здоровому слиянию с пациентом

Баракат Зинаида Викторовна

- психоаналитик,
- групповой аналитик,
- руководитель инклюзивного реабилитационного проекта «mir-milie»,
- художник,
- член ЕАРПП.

Трагическая реальность в том, что далеко не всем повезло иметь здоровое слияние с матерью.

«Сепарация», «несепарированный» — клеймящие ярлыки современности.

Напомню о том, что до сепарации должно быть слияние, чтобы было от чего сепарироваться. В жизненно важном слиянии с матерью младенец познает себя, свои потребности, чувства, реакции на этот мир и постепенно этап за этапом отделяется от нее, идя в жизнь отдельной личностью.

То, о чем я сейчас говорю, касается и наших пациентов, и нас самих — психоаналитиков. И те, и другие — люди, родившиеся от мамы. И те, и другие — пациенты, исследующие какие-то исторические события своей жизни, повлиявшие на формирование психики.

Трагическая реальность в том, что далеко не всем повезло иметь здоровое слияние с матерью. С некоторыми матерями слияние оказалось опасным для жизни, мать, как уничтожающая убийца, постоянно критиковала, отбирала и присваивала себе достижения ребенка, выстраивала немислимые преграды на пути его развития. С некоторыми матерями

происходило не слияние, а склейка — одно тело на двоих. Приклеенность и слияние — разные вещи. Отклеивание рвет связь, в то время как постепенная сепарация происходит без обрыва связи.

Не случившееся в младенчестве слияние — это травма. Травма всегда создает полную (чаще частичную) диссоциацию с телом и чувствами. Чтобы как-то выживать, такой человек, в соответствии с инстинктом самосохранения, наращивает экзоскелет (искусственный каркас, опору в виде достижений, образования, построения суперидеальной семьи и т.д.), формирует ложную самость. Но рано или поздно травма постучится в дверь через телесные симптомы, болезнь или безумие, через неразрешимые проблемы в отношениях с собой и другими. Некоторые люди доходят до наших кабинетов и тут начинается разворачиваться особый процесс.

Многие наши пациенты умные, интеллектуальные, прочитавшие много психологической и аналитической литературы. Поэтому часто, они приходят к нам с запросом на сепарацию.

Особенность работы аналитика заключается не только в том, чтобы помогать другим исследовать себя и исцелять травмы. Мы всегда начинаем свой профессиональный путь с опыта исцеления собственных травм, с опыта преодоления собственного сопротивления в личной терапии.

Отклеивание рвет связь, в то время как постепенная сепарация происходит без обрыва связи.

Если работа по преодолению собственных сопротивлений была успешной, тогда бессознательное пациента сможет резонировать с нашим бессознательным. Так как аналитический процесс обоюдный, то пациенты провоцируют нас снова и снова обнаруживать в себе сопротивление — белые пятна, слепые зоны (которые мы никогда не обнаружили бы в себе в обыденной жизни, или даже в своем личном анализе). Поэтому главное сопротивление, с которым нужно работать в процессе анализа — это наше собственное сопротивление (сопротивление аналитика). Бессознательное пациента при выборе подходящего себе специалиста реагирует на его бессознательное и считывает «мое — не мое». Проще говоря, человек хочет, чтобы его поняли и приняли. Об этом говорил Гарольд Штерн: «сможет ли мне кто-то, как достаточно хорошая мама, рассказать кто я?».

Продолжая тему терапевтического слияния, приведу слова израильской коллеги Офры Эшель из ее книги «Возникновение аналитического единения: путь к сердцу психоанализа»: «Опираясь на поздние труды Биона и посмертные работы Винникотта, я подчеркиваю радикальный онтологический опыт бытия-в-единстве пациента-и-аналитика в изначальной точке происхождения, который даёт возможность достичь и трансформировать самые диссоциированные, неизвестные, нерепрезентированные состояния пациента — в основном, состояния безымянного ужаса и катастрофы (Бидон) и невыносимого, не пережитого распада и безумия (Винникотт). Из своего

аналитического опыта я пришла к выводу, что только этот радикальный вид аналитического единения позволяет достичь самых травмирующих темных глубин, в которых немислимый, неизведанный распад и исчезнувший последний крик могут обрести своё бытие».

Мне очень близка идея о том, что достаточно сложно назвать словами то, в чем много невербального, — «радикальный онтологический опыт бытия-в-единстве пациента-и-аналитика в изначальной точке происхождения».

В моей практике есть пациенты, с которыми сразу возникало чувство, что человек «пришел за слиянием», в ответ шла и я, необходимо было только исследовать все любовные проявления этой истории. Был опыт, когда я сильно запаниковала (работала в ПНД), когда почувствовала, что пациент словно пробирается внутрь меня. Коллега-соратница успокоила, сказав «не переживай, сольётесь, потом отделитесь». Есть пациентка, которая требовала у меня — «хочу слияния!». А я ей в ответ «какое слияние?».

Думаю, что у моего сопротивления слиянию с пациентом было несколько причин.

1) Недостаточная грамотность: обучаясь 10 лет психоанализу, я нигде не получала четкого руководства по этой теме (к счастью, прошедший год учебы весь посвятила этой теме у Татьяны Гунар).

2) Личная пренатальная травма, породившая во мне панический ужас перед слиянием. Травму я достаточно успешно (насколько это возможно) проработала в личной терапии (параллельно 11 лет индивидуального и группового анализа).

3) Контрсопротивление — не с каждым человеком хочется становиться ближе. Также неприязнь может быть на каком-то этапе терапии.

СЛУЧАЙ РАБОТЫ С ПАЦИЕНТОМ «СЕМЬ ЛЕТ СЛИЯНИЯ»

Работаем семь лет. Последние два года на одной волне.

Спросила его: «кажется, мы стали лучше понимать друг друга?». Ответ: «Да, раньше ты меня не понимала, сейчас понимаешь».

На седьмом году терапии он шепечет, а не вымучивает речь. У меня появилось трепетное чувство к нему. Мне стало интересно, как можно назвать предыдущие пять лет наших встреч? Я пришла на супервизию с запросом проанализировать наши отношения с пациентом, а именно процесс слияния. Оказалось, что все это время слияние было, его можно назвать «тотальное вынашивание». Будто мы находились в слиянии фактически, и одновременно присутствовало сильное отвержение процесса «слияния с уродом». Отмечу, что на седьмом году терапии я узнала, что, когда его мать была беременной, врачи ей сказали, что у неё родится больной ребенок, с дефектами. Ребенок появился на свет совершенно здоровым. Я поняла, что, в частности, благодаря контрпереносу, мы проиграли эту историю — враждебного слияния матери с нежеланным младенцем, который

Если работа по преодолению собственных сопротивлений была успешной, тогда бессознательное пациента сможет резонировать с нашим бессознательным.

Главное сопротивление, с которым нужно работать в процессе анализа – это наше собственное сопротивление (сопротивление аналитика).

после рождения принесет только стыд. Сейчас мы проживаем «обычное слияние» младенца с достаточно хорошей матерью.

Однажды на супервизии я столкнулась с хейтом от коллег, подобно мамочке, которая пришла к врачу с ребенком и жалуется: «мы плохо кушаем, мы не любим купаться», так как я, рассказывая об отношениях с пациентом, использовала именно это местоимение. Последовал любимый вопрос психологов — «сепараторов»: «кто «МЫ»? (намек на нездоровость нашего слияния). Да — МЫ!

Для некоторых пациентов это — невероятная желанная удача разместиться в безопасной матке аналитика и не спеша доразвиться в ней, чтобы потом родиться, войти в слияние, пройти его, и поэтапно сепарироваться. А аналитик возьмёт ответственность на себя за это: уберёжёт от выкидыша и не спровоцирует аборт преждевременными интерпретациями. В разговор введёт слово «МЫ»: «Мы с вами...», «мы вместе...». Это очень хороший прием, помогающий алекситимичному, диссоциированному пациенту получать зернышки, которые прорастут попозже.

На этом этапе отца как бы не существует. Пациент-ребёнок пребывает только в ментальном пространстве матери. Только-только закладывается основание для возможности прохождения эдипа, формируется альянс, в котором аналитик-мать сможет позже сконтейнировать и переработать драгоценную и необходимую для сепарации ярость пациента.

Голос аналитика как один из инструментов разрешения сопротивления

Антонова Марина Юрьевна

- психолог,
- психоаналитик,
- член ЕАРПП (РО-СПб)

Я хотела бы рассказать о клиническом случае работы с анализантом, где на разрешения сопротивлений Сверх-Я и Оно значительно повлиял голос аналитика.

В процессе нашей с ним работы сессии проводились по аудиосвязи. На первую онлайн-сессию он позвонил без видео. Формат работы его устроил, поэтому далее была только онлайн-связь с выключенным видео. Через год терапии выяснилось, что ему проще общаться с людьми, когда он их видит, поэтому у меня возник вопрос, почему же мы с ним не встретились в кабинете и почему для связи он не использует камеру? Наша следующая встреча была назначена в кабинете.

На этой встрече «лицом к лицу» наш разговор отличался от предыдущих. Я чувствовала, что качество нашего контакта снизилось, ощущалась даже некоторая потеря связи. Тогда я предложила ему лечь на кушетку. Он сразу же принял мое предложение и через несколько минут

Если анализанты не видят аналитика, то терапевтический регресс усиливается, Я начинает стремиться к ранним фиксациям, а фокусировка на голосе в этом помогает.

Крик ребенка очень важен, так как ухо становится эрогенной зоной для того, чтобы слышать голос матери. Ответ на крик заставляет его прекратить, чтобы можно было услышать речь Другого.

вернулось прежнее терапевтическое взаимодействие. Я спросила его, как ему больше нравится разговаривать: сидя или лежа? Он сказал, что ему без разницы, но, если считается, что лежать эффективнее, то готов лечь. Я же, в свою очередь, чувствовала эту разницу. Когда в процессе разговора мы смотрели друг на друга, то из нашего взаимодействия будто что-то уходило. И это «что-то» вернулось через несколько минут после того, как он лег на кушетку и снова только слышал голос аналитика, не видя его самого.

После окончания сессии меня очень сильно заинтересовал вопрос: что есть голос аналитика для пациента и какова роль кушетки в этой связи?

Первое упоминание о голосе в психоанализе приводит З. Фрейд в своей книге «К трактовке афазии» (1891 г.). Он пишет, что любое слово – это комплексное представление, включающее визуальные, акустические и кинестетические элементы. Он проводит различие между словесным представлением и объектным. В первом – замкнутая сеть представлений, во втором – открытая. Словесное содержит читаемый образ, письменный, двигательный и образ звучания. Объектное – визуальные, тактильные и акустические элементы. И между собой они связаны не всеми компонентами, а только образом звучания. Объект замещается образом, слово же замещает голос (у Фрейда образ звучания). «Ведь слово, собственно говоря, — это остаток воспоминания об услышанном слове» - позднее напишет Фрейд.

Далее Фрейд упоминает голос в некоторых других работах. Важно то, что упоминаемый им голос не имеет акустического компонента. В работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» 1905 года написано о внутреннем голосе, который восстает против требований морали. В работе «Тотем и Табу» 1912 года речь заходит о внутреннем голосе совести, удерживающем от нарушения табу. Он также пишет, что «факт существования совести остается необъясним». В 1915 году в работе «Введение в понятие нарцизм» он расшифровывает этот внутренний голос. «Голос совести» постоянно наблюдает за фактическим Я и сверяет его с Я-идеалом. Таким образом, все наши намерения подвергаются внутренней критике. Институт совести – это первоначально родительская критика, затем влияние учителей, наставников и общества.

Гарольд Штерн в книге «Кушетка» (1974) делает интересные замечания касательно кушетки и голоса аналитика. Кушетка рассматривается им как основной фактор регресса. Он подчеркивает, что Фрейд открыто возражал тому, чтобы анализанты смотрели на него. Поскольку, если анализанты не видят аналитика, то терапевтический регресс усиливается, Я начинает стремиться к ранним фиксациям, а фокусировка на голосе в этом помогает. Фокус смещается – со зрения переходит на слух, это стимулирует инфантильные фантазии, как будто анализант находится не на кушетке, а на постели матери, слова аналитика становятся эквивалентами звуков вокруг этого маленького ребенка. В конце своей книги Г. Штерн пишет, что «кушетка – единственный инструмент

аналитика, помимо его психики и голоса». Таким образом, он выделил голос как особый инструмент.

Наиболее полно тема голоса рассмотрена у Жака Лакана, когда он говорит, что наряду с оральной, анальной и фаллическими фазами развития, есть еще скопическая (взгляд) и голосовая. Голосовой объект введен Лаканом в 1963 году в 10 семинаре «Тревога» - голоса родителей с помощью механизма инкорпорации преобразуются в Сверх-Я.

Маленький человек, находясь в утробе матери, уже может различать материнский и отцовский голоса. Отцовский голос лучше слышен через водную среду. До момента рождения для него уже существует акустическая купель, хотя физически, отделенного от матери, его еще нет. А когда ребенок рождается, то вокруг него много разных шумов. И также сам он издает свой первый звук, сообщая о своем рождении и устанавливая связь со значимым Другим. На его крик приходит ответ в виде голоса от Другого. Таким образом начинает формироваться психика ребенка.

Гарольд Штерн упоминает метод родов французского акушера Лебуайера, когда ребенок появляется в полутьме и с ним тихонько разговаривают, стараясь уменьшить количество посторонних шумов. Матери утверждали, что такие дети более спокойные и меньше боятся. Жак Лакан утверждает, что крик ребенка очень важен, так как ухо становится эрогенной зоной для того, чтобы слышать голос матери. Ответ на крик заставляет его прекратить, чтобы можно было услышать речь Другого.

Голос Другого проводит
нарциссическую сборку ребенка.

Франсуаза Дольто делает акцент на том, что ухо анатомически устроено так, что ребенку его не закрыть, он призван слушать речь Другого и звучания вокруг. Несмотря на то, что речь для ребенка непонятна, она дает ему место бытия и закладывает основы его мышления. Лакан утверждает, что голос Другого проводит нарциссическую сборку ребенка. Слышать Другого – элементарная форма нарциссизма, необходимая для создания минимального себя. Когда этого не происходит, ребенок может стать аутистом. Также голос должен обязательно звучать из тела живого человека, а не из гаджетов.

И психоаналитический, и лингвистический интерес вызывал детский лепет как до-символическая форма языка. Ребенок подражает речи взрослых неосознанно, имитируя то, что слышит. В период детского лепета ребенок производит разнообразные звуки, но часть уже произносимых ребенком звуков будет утрачена, как только он начнет произносить слова. Некоторые из звуков исчезнут, вероятно оттого, что не употребляются окружающими, другие звуки ждет иная судьба – они будут заново осваиваться путем долгих усилий. Окончание периода детского лепета связано с разграничением гласных и согласных звуков.

В теме объекта «голос» Лакан рассматривает йязык (лялянг). Йязык - это нечто, что ребенок изобретает как особую форму языка, оно предшествует языку. Смысла еще нет, но есть телесное удовольствие от произносимых букв, фонем, слогов, фраз. На нем нельзя общаться с Другими со смыслом. В последующем свою знаменитую фразу, что «бессознательное структурировано как язык» он меняет на «бессознательное

структурировано языком». Ребенку необходимо забыть лялянг и утратить звуки нематеринского языка, то есть те фонемы, что не использовала мать или значимый другой для общения с ним. Таким образом, речевой аппарат упрощается. Во взрослой жизни следы йазыка проявляются в том, что мы называем аффектами. Например, трепетание голоса на какой-то фразе, заикание, кашель.

Тема акустического голоса также важна в пубертатный период. В это время у мальчиков вторичные половые признаки сопровождаются ломкой голоса. Теряется прежняя идентификация с детским голосом и возникает новая с мужским голосом.

Объект «голос» у взрослого человека преобразуется в Сверх-Я, которое не имеет акустического компонента. Голос Сверх-Я, с одной стороны, призывает к наслаждению, а с другой терзает, напоминая о запретах. Психотики не забывают йазык, они продолжают в нем находиться и получать наслаждение. По каким-то причинам у них в голове звучит голос Сверх-Я и иное многоголосье. Акустического компонента в этих голосах уже нет, их невозможно записать.

Таким образом, ребенок проходит путь утрат: от крика, который нужно прекратить, чтобы услышать зов значимого Другого; далее – лепет, который дети издают, подражая голосам и фонемам взрослых; потом – потеря йазыка для возникновения языка; затем – становление Сверх-Я.

Голос Сверх-Я, с одной стороны, призывает к наслаждению, а с другой терзает, напоминая о запретах.

В анализе невротически организованных анализантов мы встречаемся с голосами родителей или значимых Других в виде Сверх-Я. Поэтому, работая с сопротивлением Сверх-Я, мы помогаем анализантам вербализовать то, что вызывает чувство вины и потребность в самонаказании из-за нарушения правил значимых фигур.

Теперь я бы хотела вернуться к случаю со своим анализатом. Основное сопротивление, которое он мне демонстрировал, это – сопротивление Сверх-Я, то есть как раз критические голоса значимых Других – родителей. У него присутствует огромное количество таких установок, он демонстрирует их частое повторение.

На первом сеансе самой первой темой для терапии он обозначил отношения с родителями. С папой так строятся отношения, что он всю свою жизнь полностью ему противоречит. Папа очень часто его критикует. Анализант логически все понимает, но чувствует дискомфорт, поэтому в словах возникает спор, а в чувствах согласие со словами отца. Маме он часто на что-то жаловался, но когда она задавала вопросы, говорила, как лучше, или пыталась решить вопрос, то он это отвергал и считал вторжением. После того, как мы обсудили особенности его общения с мамой, постоянную критику его действий папой и еще воспоминание, где папа обидел маму при нем, на следующей сессии он с восхищением говорил о некоторых успехах отца в социальном плане. Возможно, значительное влияние на нашу терапию оказало то, что, когда он мне демонстрировал

различную критику самого себя, происходили две вещи. Во-первых, он вербализовал свои чувства, отчего их давление становилось меньше. А во-вторых, он слышал другой голос – мой голос – который не сливался с его внутренними критическими голосами, а помогал увидеть картину ситуаций по-другому, где сила критики отступала. И через месяц после этого произошла наша встреча в кабинете.

В целом, он очень часто опаздывал на сессию, платил невовремя, забывал о сессии. Правда, всегда был готов обсуждать и после этого сессии шли какое-то время гладко. Анализант старается быть удобным для других, и я обсуждаю его удобство для меня.

Встреча в кабинете была одна. Так как после нее, в связи с мобилизацией, он переехал в другую страну. И тут оказалось, что, когда он жил в России, то многие проблемы помогали решать родители, теперь их пришлось решать самому. После переезда мы стали обсуждать тему секса. Он часто испытывал стыд, касаясь темы секса, и говорил мне об этом. Мой голос поощрял эти темы, стараясь донести,

что в его словах нет ничего, за что он может себя винить. У него также было сильное чувство стыда, когда я спросила: за что можно покритиковать меня. Далее ему приснился очень интересный сон, где он целовался с мамой и собирался с ней заниматься сексом. При обсуждении этого сна большое место в сессии занял разговор о влечениях к женщинам постарше и тема инцеста. Скорее всего, этот сон был про эдипальный конфликт. Благодаря его обсуждению, многое стало понятнее. А его мама неожиданно поделилась с ним чувством вины за давнишнее событие, когда после ругани с отцом она ушла из дома и ненадолго оставила его одного. Он тогда подумал, что мама его бросила.

Также в процессе терапии он стал больше проявлять чувство злости, иногда он стал рассказывать о чём-то со злостью, также в жизни он смог прямо высказать человеку свое недовольство.

Таким образом, мы видим, что на жизнь анализанта очень сильно влияют критические голоса родителей, проявляющиеся в сопротивлении Сверх-Я. При помощи голоса аналитика создавалась определенная атмосфера регресса в ранние состояния, которая помогла освободиться от посланий Сверх-Я и в результате, анализант стал более самостоятельным и менее критичным к себе.

При помощи голоса аналитика создавалась определенная атмосфера регресса в ранние состояния, которая помогла освободиться от посланий Сверх-Я и в результате, анализант стал более самостоятельным и менее критичным к себе.

Соппротивление группы гореванию после открытого конфликта

Куликова Мария Геннадьевна

- клинический психолог,
- групповой аналитик,
- специалист ЕАРПП, Москва

Миф содержит описание того,
что хочет группа и кто ее враги.

Соппротивление – феномен терапевтического процесса. Соппротивление возникает там, где есть фигура терапевта и, следовательно, тень супер-эго, родительской фигуры. То есть там, где влечение сталкивается с запретом. Соппротивление также исследуется как процесс – антипод выздоровлению в групповом и индивидуальном процессе. С соппротивлением мы встречаемся, когда группа переходит от одного процесса к другому, например, в открытом конфликте к процессам мира и мирным переговорам, или к гореванию после потери.

Можно обобщить, что с соппротивлением мы сталкиваемся в процессе отказа от старого варианта поведения, от старых защит, симптомов или способов проживания внутреннего психического конфликта.

Соппротивление присутствует там, где идет какой-либо процесс обработки или вытеснения влечения. Рассмотрим на примере большой группы динамику открытого конфликта.

ИДЕНТИЧНОСТЬ БОЛЬШОЙ ГРУППЫ.

Вамик Волкан пишет в нескольких работах о формировании идентичности большой группы и принадлежности индивида к большой группе. Он использует метафору палатки. Это – тент или полотно, натянутое на большой шест, которое дает кров членам большой группы. Являясь частью большой группы, каждый член ощущает себя более защищенным, чем тот, что исключен из группы. Нападки на идентичность группы воспринимаются каждым членом лично.

Группа готова умирать и убивать за вопросы, касающиеся своей идентичности. Вопросы идентичности включают в себя вопросы истории, исторической славы и исторических потерь. Память группы актуализируется в определенные моменты времени, «снимается с полки» и становится топливом для нового конфликта, в особенности, когда идентичность группы находится под угрозой. Смена идентичности большой группой – всегда событие драматичное (война, революция, захват территории, потеря территории, потеря вождя и т.д.). Группа чувствительна к малым отличиям, можно сказать, что она страдает нарциссизмом малых отличий и создает свой отдельный уникальный портрет, основанный на этих отличиях. Это мифология группы.

Нарциссизм маленьких отличий становится зерном динамического конфликта «свой-чужой».

МИФ ГРУППЫ

Идентичность формируется преданиями группы или мифом – следами памяти и пониманием «кто я такой», мечтами группы о себе самой, о своем будущем. Можно сказать, что миф группы – это процесс постоянной переработки группой самой себя.

Миф, прежде всего, формируется историей: реальными моментами горя и славы большой группы – то есть важными историческими событиями, а также рассказами, которые претерпевают разного рода искажения. Владимир Пропп пишет о мифе в контексте формирования идентичности группы – миф содержит описание того, что хочет группа и кто ее враги. Пропп также указывает на рождение мифа снизу и сверху: как в дружине князя, где рождаются героические песни о подвиге, так и в народе. Группа также создает трансгрессионные мифы (сатира в ответ на официальный запрос сверху): частушки, сказки и всякого рода караванно-балаганные сказания. О такой трансгрессии мы можем найти у антрополога Светланы Адоньевой (Традиция-Трансгрессия-компромисс).

УГРОЗА ПОТЕРИ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНФЛИКТЫ

Конфликт в группах и между группами влечет угрозу утраты идентичности большой группой. Здесь можно вспомнить слова Фрейда о нарциссизме маленьких отличий – группа за них цепляется и хранит их. Именно нарциссизм маленьких отличий становится зерном динамического конфликта «свой-чужой», этот же конфликт является основным групповым процессом между группами.

Второй момент – накопленный агрессивный потенциал внутри группы. Если нет частей группы, которые могли бы принять и контейнировать агрессию группы и ее

Если позиция жертвы будет взывать в будущем к реваншу, то позиция победителя помешает увидеть собственное причиненное зло.

«плохие» части, а это может быть оппозиция и как крайнее ее выражение, фигура «козла отпущения», то группа ищет цель вовне. «Козел отпущения» и оппозиция – это также что-то, что угрожает идентичности группы, это те иные, которые не «мы», которые обладают иными признаками или конфликтуют с супер-эго группы или ее групповым идеалом. «Козел отпущения» приходит извне или рождается внутри группы. Здесь полезно вспомнить миф об Эдипе, который был пришельцем в том городе, в котором стал царем, он же имел признак инаковости – хромоту, и позже стал изгнанником в этом городе вновь, принеся наказание городу богами (эпидемия). То есть «козел отпущения» – это герой группы, который конфликтует с идентичностью членов группы или групповым идеалом (мы здесь так себя не ведем).

Забегая вперед к Рене Жирару, отмечу, что группа находит того, кто отличается от нее в вопросах идентичности, как она это понимает, того, у кого косный язык, большие уши, рыжие волосы или кто хром на одну ногу, как об этом говорит Рене Жирар, приводя примеры с Эдипом, Моисеем или Христом. Обязательно ли это чужак? Или это тот, кто в настоящий момент выглядит чужаком или делается таковым по заказу группы? Свою последнюю книгу «Человек Моисей и единобожие» Зигмунд Фрейд написал, доказывая, что, вероятно, Моисей был египтянином, а не евреем. Он сделал попытку понять вопрос инаковости евреев в той среде, которая, очевидно, накапливала свой агрессивный групповой потенциал и, как мы знаем, смогла его разрешить только во второй мировой войне. Сейчас можно было бы сказать, что совершенно не важно, был ли автор десяти заповедей, по которым еврейский народ идентифицировал себя самих в начале своего творения, истинным евреем или косноязычным египтянином (то есть, говоря русским языком, немцем для евреев – (немец = немой, говорящий на непонятном языке), но важно, что таковым он не являлся для своих сородичей, когда они все же убили его до входа в обещанные им палестинские земли).

БАЗОВОЕ ДОПУЩЕНИЕ

Соппротивление начинает сопровождать создание здоровой рабочей группы, вернее ему противостоять, то есть работать на откат в позицию, где большая группа будет искать и находить виноватых в собственном напряжении. Как сказала мне одна участница в терапевтической группе: «Если мне давят на ногу, я давлю в ответ. Если со мной не разговаривают, я тоже не разговариваю. И так я буду поступать всегда, как поступала впредь».

ОБНАРУЖЕНИЕ СЕБЯ В КОНФЛИКТЕ

Здесь группу сопровождает минимальная рефлексия, максимальная защита группового идеала, доверие вождю, выбор вождя, который способен провозгласить максимально нарциссические чаяния группы, устранение не-нарциссических отличий внутри группы (процесс очищения вплоть до геноцида) и отказ от индивидуальности в пользу

группы. В зависимости от того, окажется ли группа победителем или побежденным в конфликте, ее ждет два дискурса и два мифа для переработки: миф победителя и миф побежденного (жертва), оба несут в себе ядро будущего антагонизма и нового конфликта. Как сказал в недавней нашумевшей речи на открытии книжной ярмарки во Франкфурте (пространство свободы слова) Славой Жижек об израильско-палестинском конфликте – «жертва также развращена» (Октябрь 2023). Если позиция жертвы будет взывать в будущем к реваншу, то позиция победителя помешает увидеть собственное причиненное зло.

МОЛЧАНИЕ КАК СОПРОТИВЛЕНИЕ

Рано или поздно воцаряется мир и группа начинает оглядываться вокруг себя, находя себя на развалинах того, что сделано, в наступающем дне процесса выстраивания новой идентичности, залечивания ран, присоединения к себе новых частей, оплакивания утраты старых. Эта тема уже исследовалась психоаналитиками, историками, культурологами, освещалась подробнее в контексте, так называемой, «немецкой вины», в том числе феномена молчания немецкого народа о войне и холокосте. Минувло целое поколение, прежде чем немцы смогли говорить о своей вине. Это были дети отцов, которые воевали во второй мировой, и которые, собственно, начали говорить, что, конечно,

Инвестирование в идентичность большой группы происходит в возрасте подростка, когда индивид осуществляет вторую сепарацию из семьи и начинает поиск «своих».

можно рассматривать и как эдипальный бунт детей против воевавших отцов.

Также интересно, что тема утраты отцов в первой мировой войне (униженные и искалеченные отцы, вернувшиеся после первой мировой), утрата территорий Германией, унижительный для страны Версальский договор, завершивший первую мировую, утрата идентичности большой группой были теми маркерами, которые Вамик Волкан в своем исследовании тоталитарных групп и обществ называет динамическими причинами усиления власти национал-демократической партии, выбора поколения, поддержавшего фашистскую доктрину и фюрера в Германии в 30-40-е, и окончательного перехода власти в руки паранойяльного и нарциссического лидера.

Предположение Волкана в том, что утрата и унижение позволили инвестировать в фигуру фюрера, основано на необходимости индивидуума инвестировать в группу в подростковый период. Инвестирование в идентичность большой группы происходит в возрасте подростка, когда индивид осуществляет вторую сепарацию из семьи и начинает поиск «своих», тогда инвестирует в малые и большие коллективы, к идентичности которых примыкает, завершая выстраивание своей идентичности (от «я как мать-отец», к «я как индивид большой группы» (я русский, я немец, я профессионал, бизнесмен или военный и так далее)).

Нам по силам предложить лишь одно целительное средство —
не проглатывать молча ложь, а пытаться смотреть на факты,

БОЛЬШАЯ ГРУППА – МОЛЧАНИЕ И ОПЛАКИВАНИЕ УТРАТ ПОСЛЕ КОНФЛИКТОВ

Большие группы говорят памятниками и мифами о своих потерях или моментах своей славы. Они также создают мифы о своей истории и именно здесь проявляют сопротивление молчанием в процессах горевания и переживания собственной вины. О мифах истинных и ложных пишет Рене Жирар в своей книге «Козел отпущения». В одном мифе группа помнит о принесенной жертве, в другом мифе группа скрывает следы этого жертвоприношения. Рене Жирар разводит понятия культуры и цивилизации, культуры как оплакивания и обработки совершенного группой жертвоприношения и культуры замалчивания в большой группе. Есть два мифа в группе: сверху и снизу. Миф цивилизации и миф культуры. Цель одного мифа – сохранить правду о жертвоприношении, которое совершила группа; цель другого мифа – скрыть эту правду. Цикл жизни группы – от жертвоприношения к жертвоприношению. Пока группа помнит истинный миф, она удерживается от нового колеса насилия, которое может совершить.

Парфразирова Жирара, можно сказать, что пока группа помнит о жертве, которую она совершила, она является рабочей и не скатывается в группу базового допущения, в которой возможно новое насилие.

МОЛЧАНИЕ ПОСЛЕ ТРАВМ В БОЛЬШИХ ГРУППАХ

Эта тема освещалась психоаналитиками, например, Ханной Сегал: молчание в большой группе приводит к витку нового насилия и новой жертве. 11 сентября было «ответкой» за «Бурю в пустыне», а та, в свою очередь, за Вьетнам (статья «Хиросима — Персидский залив и далее: психоаналитическая перспектива»).

Разговор о травме и конфликте способствует переработке вины группы. Переработка не дает новому насилию возникнуть, пока есть миф о жертвоприношении и вине группы, и пока он передается из уст в уста – пока есть дискурс о жертве в группе.

Пока группа помнит о жертве,
которую она совершила,
она является рабочей
и не скатывается в группу
базового допущения, в которой
возможно новое насилие.

Жильбер Дяткин в статье «Хорватский Галстук» объясняет, почему мы не можем смотреть на преступления группы: это может нас привести к психозу. Индивидуально сложно пережить горевание и утрату, но еще сложнее это пережить в большой группе, если вообще возможно.

Одним из факторов неуспеха работы горевания названы экономический успех и процветание (как это было в истории

Непережитое горевание приводит к молчанию в попытках поиска новой идентичности, оно же, молчание, может привести к провалу этой работы горя.

большой группы – Германии после второй мировой войны). Процветающая группа труднее разворачивается в сторону переживания горя. Таким же фактором, вероятно, является победа в конфликте. Тогда как сторона, потерпевшая поражение, также испытывает затруднения в работе горя и вины (идеи реванша и возмездия).

Группы сопротивляются. И особенно большие. Как уложить нацию на кушетку?

Александр Митчерлих в своей работе «Психоанализ и агрессия больших групп» рассуждает, может ли психоанализ индивидуума и малой группы объяснить агрессию большой группы?

Вамик Волкан, участвовавший в большом количестве переговоров между воюющими группами, описывает это сопротивление между переговорщиками: сопротивление процессам мира, тяга к нарциссизму малых различий и обида мешают его заключить. Группа сопротивляется истине и разговору о ней, так же как и процессам мира, будучи уязвленной в своих нарциссических отличиях. Она хранит свой симптом в молчании. Она сохраняет свою симптоматическую ложную идентичность.

ДИНАМИЧЕСКИЙ УЗЕЛ КОНФЛИКТА

Рене Жирар в своей книге «Козел отпущения» выдвигает идею мимезиса как основы конфликта группы. Мимезис, то есть сходство – вот проблема для группы, вот динамический узел (Жирар). Обнаружение и сохранение нарциссических отличий – это то, за что группа готова умирать и убивать. Я такой же как он, но другой.

Другой, несомненно, – проблема для субъекта желания, потому что он может себе позволить то, что не положено мне: ругать, пить, гадить, быть грязным или вонючим (что мы распространяем на чужую группу). Но это и есть мое желание. Я его обнаруживаю через Другого. Желание изначально принадлежит Другому (Лакан).

То есть Другой – это обнаружение своего желания. Субъект и желание – это всегда треугольник, в котором есть Другой, через которого обнаруживается желание субъекта. Это тезисы Жирара. Динамический конфликт в группах всегда был, есть и будет, мимезис – его основа, его динамический узел.

МИМЕЗИС – СХОДСТВО – РАЗЛИЧИЕ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

Проблема мимезиса по Рене Жирару – это проблема групп. Мимезис – сходство. Различие – вот проблема. Нахождение разницы с Другим и обнаружение своего желания

Обнаружение и сохранение нарциссических отличий – это то, за что группа готова умирать и убивать.

Субъект и желание – это всегда треугольник, в котором есть Другой, через которого обнаруживается желание субъекта.

через Другого становится основной конфликтов с точки зрения групповой динамики в большой группе.

Рене Жирар, как будто оспаривая Фрейда и теорию либидо, на самом деле говорит об идентичности как о динамическом узле, приводящем к психозу больших групп – войнам.

Подводя итог всему сказанному: проблема и основа динамического конфликта больших групп – вопросы идентичности, за идентичность группа готова убивать и умирать. Идентичность включает в себя артикуляцию желаний. Группа создает мифы, которые описывают ее идентичность и в работе этой мифологии скрыты вопросы сопротивления. Есть мифы, открывающие и есть мифы покрывающие, истории истинные и ложные, идентичность истинная и ложная. Ложная мифология и мифы, говорящие, но не рассказывающие – это процессы сопротивления больших групп, где говорят, но умалчивают.

РУССКИЙ КЕЙС

В качестве последней я хотела бы привести цитату режиссера, который глубоко исследовал русскую идентичность. Это Алексей Балабанов. Его культовые фильмы 2000-х Брат-1 и Брат-2, которые посмотрели все, кто помнит себя в 90-х, и кто застал потерю идентичности нашей большой группы на постсоветском пространстве.

Герой Балабанова Данила Багров – хороший человек в плохих обстоятельствах, везде чужой и никому не нужный. В его истории можно увидеть следы русского мифа о том, какие мы и чего мы хотим, кто наши враги и где наше счастье (в чем наше желание). 90-е – это драматический узел нашей большой группы в момент развала большой группы СССР и потери этой групповой идентичности.

Последний фильм Балабанова «Я тоже хочу» – о поиске ускользающего счастья и исполнения желания. Балабанов говорит, что это – точка или место, куда не всех возьмут, и куда его, самого режиссера, вероятно, не примут, потому что он обременен какой-то тайной, грехом и виной. Это очень по-достоевски.

Потеря идентичности русского общества случалась в драматических событиях революции 1917 г., сталинских репрессий, разворота Хрущева, перестройки, эпохи Ельцина. Государство, теряющее целостность и территорию, всегда сталкивается с драматическим переживанием утраты или угрозы своей идентичности, и непережитое горевание приводит к молчанию в попытках поиска новой

Нахождение разницы с Другим и обнаружение своего желания через Другого становится основной конфликтов с точки зрения групповой динамики в большой группе.

идентичности, оно же, молчание, может привести к провалу этой работы горя, поиску группой козла отпущения и к психозу большой группы – развернутому ею насилию.

Нам есть, что поисследовать о «говорении» русского народа и о его молчании в своей собственной культуре, и я надеюсь, что психоанализ приложит к этому усилия. У нас есть Толстой с его идеей «непротивления злу насилием» и Достоевский с его идеей покаяния. У нас есть Алексей Балабанов, с его попыткой говорить о том, что болит. Есть трансгрессионные балаганные истории про «русскую национальную охоту и рыбалку», есть русская фантастика «Кин-дза-дза», есть «Трудно быть богом» и, конечно, русский рок – все то, то, что, несомненно, принадлежит мифологии нашей большой группы.

Этот доклад резюмирует цикл семинаров, посвященных теме «Человек и группа», прошедших за 8 месяцев на открытой лекционной площадке в 2022-2023. Он состоял из восьми 1,5 часовых теоретических семинаров и отдельных рефлексивных групп, на которых единственным условием контракта было включить камеру и говорить. Но даже эти три рефлексивные группы запустили процесс сопротивления и молчания.

Я бы хотела закончить словами Ханны Сегал: «Что в подобной ситуации (продолжение витка насилия) могут предложить психоаналитики? Нам по силам предложить лишь одно целительное средство — не проглатывать молча ложь, а пытаться смотреть на факты в той степени, в какой мы понимаем лежащие в их основе психологические мотивации, так мы способствуем проблескам разумности и здоровья».

Мы можем поговорить о сексе?

Сопротивления и запретные темы

Шарп Уильям

- Ph.D., современный психоаналитик,
- групповой аналитик,
- директор магистерской программы Бостонской Высшей школы психоанализа (BGSP), Бостон, США

Психоанализ заключается в том, чтобы говорить обо всем.

О чем обычно вы говорите на ваших сессиях и в группах?

О каких вещах вы почти не говорите? Что является запретной темой в групповой терапии?

Как много вы говорите о сексе?

Однажды у меня была пациентка, которая рассказывала об истории свиданий своей дочери. Она была обеспокоена тем, каких мужчин выбирала ее дочь. Это было нечто большее, чем типичное беспокойство матери о том, какие объекты выбирают ее дети. Эта мать заявила, что ее дочь продолжает выбирать трудных и жестоких партнеров. Однажды родителям пришлось спасти дочь из дома мужчины, когда он держал ее под дулом пистолета.

“Да, - согласился я, - похоже, она делает плохой выбор”.

На этот раз мать была обеспокоена тем, каким сексом занималась ее дочь. В этом было что-то садомазохистское. Однако, мать попала в ловушку, поскольку

Отклоняющийся участник
выражает сопротивление открыто,
потворствующие участники
скрыто.

не хотела казаться осуждающей или консервативной относительно сексуальной жизни своей дочери.

Так случилось, что я как раз читал книгу Аленки Зупанчич (Alenka Zupančič) под названием «Что такое секс?» И благодаря тому, что книга лежала рядом со мной на столе, у меня возник вопрос: «Что

это за секс, по мнению вашей дочери, которым она занимается?». (Я никогда не думал, что наличие книг и названий на полке может так помочь, но я был благодарен этому!).

Это совсем не было похоже на секс, и мать восприняла вопрос именно таким образом. Мама решила, что поговорит со своей дочерью о том, что, по ее мнению, является сексом, а что, по ее мнению, сексом не является. В этом моя пациентка нашла способ обсудить эту тему со своей дочерью. Вопрос о том, что ее дочь определяет как удовольствие и секс, помог преодолеть первоначальное сопротивление матери, которое было представлено как страх пристыдить или осудить свою дочь.

Проблема, конечно, в том, что бессознательно мать хотела именно пристыдить и осудить. Мать, как терапевт дочери, столкнулась с контрпереносным сопротивлением. Я включаю это сюда не для того, чтобы придать изюминку тому, что звучит как хорошая интервенция, а, скорее, для того, чтобы указать на то, что сопротивление всегда присутствует и продолжается на разных уровнях этой работы.

Психоанализ заключается в том, чтобы говорить обо всем. Однако множество сопротивлений делают эту работу порой невозможной как для пациента, так и для ведущего группы. Сопротивление может быть еще сильнее, когда мы подходим к таким запретным темам, как секс. Как мы можем понять чувства нашего пациента по поводу секса? Как мы понимаем наши собственные чувства? И самое главное, как нам преодолевать сопротивления, особенно собственное контрпереносное сопротивление, чтобы использовать эти чувства ради прогресса в коммуникации пациента?

Я начал с вопросов, которые помогли нам выявить табу и сопротивления разговорам о сексе в групповой психотерапии.

Далее, я хочу, чтобы мы исследовали роль терапевта и пациента в обсуждении таких тем, как секс. Затем предлагаю подумать о сопротивлениях разговорам о сексе, сосредоточившись на поднимающихся чувствах. И, наконец, поговорить о способах преодоления сопротивлений, особенно наших собственных, мешающих нам проводить интервенции, которые помогали бы нашим группам разговаривать в прогрессивном ключе.

РОЛЬ ТЕРАПЕВТА И ПАЦИЕНТА В ОБСУЖДЕНИИ ТАКИХ ТЕМ КАК СЕКС

Сопротивление – это «все в словах и действиях анализанта, что препятствует получению им доступа к своему бессознательному» (стр. 394, Лапланш и Понталис, 1973). Оно, наряду с переносом, считается краеугольным камнем психоанализа.

Лесли Розенталь (2005) отмечает, что группы удивительно эффективны в обращении с явлениями сопротивления. Например, молчаливая группа находится в состоянии

сопротивления. Группа, которая заикливается на обыденных темах, также пребывает в сопротивлении. Другое сопротивление возникает, когда группа говорит только об одной эмоциональной сфере.

Розенталь пишет: «Распространенным групповым сопротивлением является то, что члены группы сосредотачиваются только на терапевте, игнорируют друг друга и последовательно сводят к минимуму вклад друг друга. Обратное – постоянное игнорирование терапевта – также представляло бы собой общее сопротивление» (стр. 9).

Групповой договор – это то, к чему мы прибегаем, когда застреваем. Мы можем напомнить участникам, что они могут говорить о прошлом, настоящем, будущем, чувствах друг к другу, терапевту и группе в целом и, кроме того, помогать друг другу делать то же самое.

Грамотный групповой терапевт не ожидает, что участники смогут выполнять условия договора, и он (она) ожидает отклонений и готов(а) к ним. Он(а) осознает неизбежность индивидуального, подгруппового и группового сопротивления и вероятность того, что отклоняющийся член группы будет проявлять сопротивление всей группе, когда такое его или ее отклонение от условий договора не обсуждается и допускается без вопросов. Как метко выразился Ормонт (1968), «отклоняющийся участник выражает сопротивление открыто, потворствующие участники скрыто. Отклоняющемуся участнику разрешается беспрепятственно продолжать свое нарушающее условия договора поведение, потому что он открыто демонстрирует завуалированное отношение за остальных участников».

Терапевт должен выяснять, о чем говорят члены группы, но также и о чем они умалчивают.

В своих группах я видел, как участники сосредотачивались исключительно на пьянстве одного участника, его частной жизни или поиске работы, исключая других участников и любую прогрессивную коммуникацию. Мои безмолвные заметки, которые я веду, звучат примерно так: «Ну вот, мы снова начинаем это... люди пытаются исправить кого-то, вместо того, чтобы понять его».

Спотниц пишет о сопротивлениях, которые возникают по мере развития группы. Он говорит о сопротивлениях, разрушающих терапию или отношения, то есть тех, которые угрожают текущей работе группы.

За сопротивлениями, разрушающими терапию, следуют сопротивления «статус-кво», при которых пациенты довольствуются тем, что просто остаются там, где они есть. За ними следуют несколько иные «сопротивления прогрессу», затем «сопротивление сотрудничеству» и, наконец, сопротивления окончанию терапии. Различия здесь не столь важны, но работа терапевта имеет первостепенное значение. И здесь я хотел бы сосредоточиться на первых двух типах группового сопротивления.

Подразумевается, что вначале терапевт должен разбираться с «сопротивлением, разрушающим терапию», которое угрожает жизни группы. Приходить вовремя, разговаривать и платить – это то, над чем терапевт должен работать с самого начала и всякий раз, когда возникает это сопротивление.

Прогрессивная коммуникация заключается в том, что в конце взаимодействия вы узнаете о члене группы или о группе в целом нечто большее, чем вы знали раньше.

Ко мне в группу пришел новый участник, Брюс, который написал мне СМС за 30 минут до начала группы, сказав, что он пьет кофе по соседству и с нетерпением ждет начала группы в тот день. Через пятнадцать минут после начала группы, когда этот новый участник все еще отсутствовал, я позвонил ему только для того, чтобы обнаружить, что он потерял счет времени. Это случается. Но ког-

да на следующей неделе он заблудился в здании, пытаясь найти мой офис, мы говорили о том, что происходит, и добрались до чувства страха, который присутствовал наряду с уже известным высказанным им «возбуждением» от мысли об участии в группе. Я вернусь к Брюсу позже.

Терапевт должен выяснять, о чем говорят члены группы, но также и о чем они умалчивают.

По мере того, как группа развивается, темы и повестки дня начинают обретать форму, и мы можем начать входить в поток работы группы. Однако, со временем мы вступаем в сопротивление «статус-кво». Здесь мы можем быть убаюканы самодовольством, чувствовать себя комфортно и быть готовыми к тому, что участники принесут в группу, и к тому, какие интервенции мы будем предлагать. Но мы должны остерегаться того, что можем забыть, что наша роль заключается в содействии прогрессивной коммуникации. Нам не следует расслабляться. Говоря простым языком, прогрессивная коммуникация заключается в том, что в конце взаимодействия вы узнаете о члене группы или о группе в целом нечто большее, чем вы знали раньше. Мы находимся в состоянии сопротивления «статус-кво», когда ловим себя на том, что говорим: «О, снова это происходит, я могу отключиться на время (или это просто Стэн, какой он есть). Наша задача – выяснить, «кем еще Стэн хотел бы стать, что сказать или о чем поговорить?».

СОПРОТИВЛЕНИЯ РАЗГОВОРАМ О СЕКСЕ: КАКИЕ ЧУВСТВА?

Если здесь немного упростить, то, когда на любом этапе возникает сопротивление прогрессивной коммуникации, я подозреваю, что возникает чувство, которого пытаются избежать. Я могу задать следующий вопрос: «Каково сейчас настроение в комнате?». Если члены группы испытывают трудности или называют когнитивные состояния, такие как скука, замешательство или потерянности, я пробую снова. Чтобы помочь определить это чувство, я иногда задаю свой вопрос группе или участнику и предлагаю чувства на выбор. Мои варианты перехода к чувству позаимствованы у Джеффа Хадсона из Остина, штат Техас. Я прошу группу или участника «определить чувство» и предлагаю следующие варианты: «Я злюсь, я грущу, я доволен или я испуган?». (Первые три рифмуются по-английски.)

Когда мы объединяем тот факт, что сопротивление всегда имеет место, с такой запретной темой, как секс, мы понимаем, почему Бийон говорит, что ни одному аналитику или анализанту не может понравиться эта работа.

Пока может показаться, что работа ведется с участниками нашей группы. Но я хочу подчеркнуть, что наибольшие успехи в прогрессивной коммуникации достигаются тогда, когда мы работаем с нашими собственными контрпереносными сопротивлениями.

ПРЕОДОЛЕВАЯ КОНТРПЕРЕНОСНЫЕ (И ДРУГИЕ) СОПРОТИВЛЕНИЯ

Я вел группу, костяк которой состоял из 5 пациентов, в течение примерно трех с половиной лет. Некоторые участники также проходили со мной индивидуальную терапию. У троих мужчин были проблемы со свиданиями. Несмотря на успех в карьере и привлекательную внешность, они не могли завязать отношения с понравившимися им женщинами в приложениях для знакомств, которыми пользовались.

Из двух женщин одна была помолвлена, а другая вела более успешную личную жизнь, по крайней мере, по сравнению с мужчинами. В настоящее время вторая женщина состоит в длительных отношениях с мужчиной, с которым она путешествует. Группа прогрессировала, но я начал думать, что мы застряли в сопротивлении «статус-кво». Один из участников играл роль молчаливого пациента. Это было сопротивление. Другая играла роль «терапевта», задавая великолепные вопросы другим участникам, но не рассказывая о себе. Это было сопротивление, и оно достигло апогея, когда она рассказала о своих суицидальных мыслях, которые усилились за последние три месяца, но о которых она никогда не упоминала в группе. Я заметил, что у группы вошло в привычку просто пытаться помочь одному из мужчин вести свою страницу на сайте знакомств.

Третий участник, Брюс, появился совсем недавно, и был тем человеком, о котором я упоминал ранее, который «пребывал в радостном возбуждении от вхождения в группу», но опоздал на первые две сессии. Он идентифицировал себя как бисексуала и искал знакомств с людьми. Он действительно хотел встречаться и общаться с людьми из группы, и был явно озадачен, когда более опытные члены группы сказали, что это запрещено. Он хотел завести друзей или романтических партнеров, но не интересовался, почему у него этого не происходит, и группу можно было бы использовать для этого. Для Брюса это было сопротивлением, разрушающим терапию, что имеет смысл, поскольку он был новичком в группе. Группа в целом находилась в состоянии сопротивления «статус-кво». Отдельные участники группы, так же как и вся группа, могут переходить от одного вида сопротивления к другому.

Брюс также еженедельно упоминал о своих «проблемах со здоровьем», но не хотел говорить, в чем именно они заключались. Это привело к тому, что группа была очень взволнована услышанным и задавалась вопросом о том, в чем заключались его «проблемы со здоровьем», но мы все были фрустрированы тем, что Брюс нам упорно ничего не говорил по существу.

Здесь может быть любопытно узнать, в чем заключалось это сопротивление.

Когда мы объединяем тот факт, что сопротивление всегда имеет место, с такой запретной темой, как секс, мы понимаем, почему Бион говорит, что ни одному аналитику или анализанту не может понравиться эта работа.

Наибольшие успехи в прогрессивной коммуникации достигаются тогда, когда мы работаем с нашими собственными контрпереносными сопротивлениями.

Я подозревал, что это был процесс, аналогичный опыту Брюса, когда он сам сталкивался со стеной молчания. Я задавался вопросом, дразнили ли его и флиртовали ли с ним без последующего продолжения общения, когда он выходил в свет. Его идентификация как бисексуала означает, что он потенциально мог заинтересоваться практически любым, кого увидит на улице, и, как следствие, постоянно испытывать такое же разочарование, как и члены группы из-за его упоминаний о своем сексуальном здоровье без конкретики.

Вот почему наблюдение за сопротивлениями может быть так полезно при лечении. Мы получаем возможность испытать в параллельном процессе то, что испытывает сам пациент. Это, наряду с первоначальным опозданием на его первое групповое занятие, которому, по его словам, он был так рад, указывает на то, что ничто не является поверхностным или неважным.

Содержание групповых встреч – свидания, общение, а также сам групповой процесс – люди движутся навстречу друг другу, но все держатся отчужденно, вызвали у меня чувство, за которым последовала мысль о сексе. Я задал вопрос. «Мы можем поговорить о сексе в этой группе?». Это был легитимизирующий вопрос, который прозвучал как разрешение участникам, необходимое для обсуждения запретной темы.

Это звучит так просто. Просто поговорим о сексе. Но в чем состояло мое сопротивление, помешавшее мне задать этот волшебный вопрос раньше? Здесь снова вспоминается случай матери, разговаривающей со своей дочерью о сексуальном здоровье. Что мешало задать этот вопрос ранее? Я должен сделать вывод, что это было трудно, потому что это была запретная тема не только для группы, но и для меня самого. Что, если бы они спросили о моей сексуальной жизни? Как бы я защищался или уклонялся? Было бы это правильным? Должен ли я был бы что-то раскрывать о себе? Я думаю, что во многом из этого можно разобраться только на супервизии и в личном анализе, поскольку ответы будут варьировать в зависимости от конкретной группы, но, благодаря этому вопросу, группа смогла продвинуться вперед, и впервые примерно за три месяца включиться в какую-то прогрессивную коммуникацию, в ходе которой я узнал новую информацию и испытал новые чувства.

Брюс, наконец, назвал свои «проблемы со здоровьем» – он повредил свой пенис во время секса, и, хотя врачи сказали, что со временем это, скорее всего, пройдет, он боялся (и, возможно, желал), что этого не произойдет. Он был не в состоянии достичь и поддерживать эрекцию. Это также помогло Джейсону рассказать о своей эректильной дисфункции и о том, что это заставляло его чувствовать — грусть, злость и страх, что у него может не быть удовлетворительной сексуальной жизни.

Хизер поделилась тем, что ее страх перед собственной сексуальностью — она и ее муж были «свингерсами» и у них были свободные отношения, - возможно, происходит

из истории использования секса с другими целями нежели для установления связи и взаимоотношений. Он использовался для обеспечения себя жильем, а иногда и под давлением представления о том, какой, по ее мнению, женщина ее поколения должна была быть – «просвещенной и открытой» для экспериментов с ненормативными половыми актами.

Наше бессознательное всегда присутствует и воздействует на нас так, что мы этого не замечаем. Даже когда мы хорошо проанализированы, мы не можем сохранить все паттерны ясными в нашем сознании. Когда мы перестаем обращать внимание на какую-то одну область, бессознательное может снова встать у нас на пути.

Моррис Ницун пересказывает историю о том, как Фукс покупал шторы для своего офиса. Повесив их, Фукс понял, что на них изображены агрессивные и жестокие сцены из жизни персидских династий – обезглавливания, изнасилования и т.д. Он рассказывает это, чтобы подчеркнуть, что группы – даже пациенты, которые приходят «за помощью», – испытывают сопротивление. Ницун называет эти силы «антигрупповыми». С этими силами необходимо работать на всех уровнях. Например, работать с новым пациентом, который опаздывает или теряется, или, как мне пришлось, переживать и разбираться со своими собственными страхами перед вопросом, можем ли мы поговорить о сексе, чтобы члены группы могли поговорить о сексе.

Разговор помогает. Говорить в прогрессивном ключе и обозначать словами трудные вещи в рабочем пространстве группы – это наша работа как групп-лидеров. Когда мы подходим к запретным темам, мы должны быть бдительны в отношении сопротивлений, которые угрожают группе и прогрессивной коммуникации.

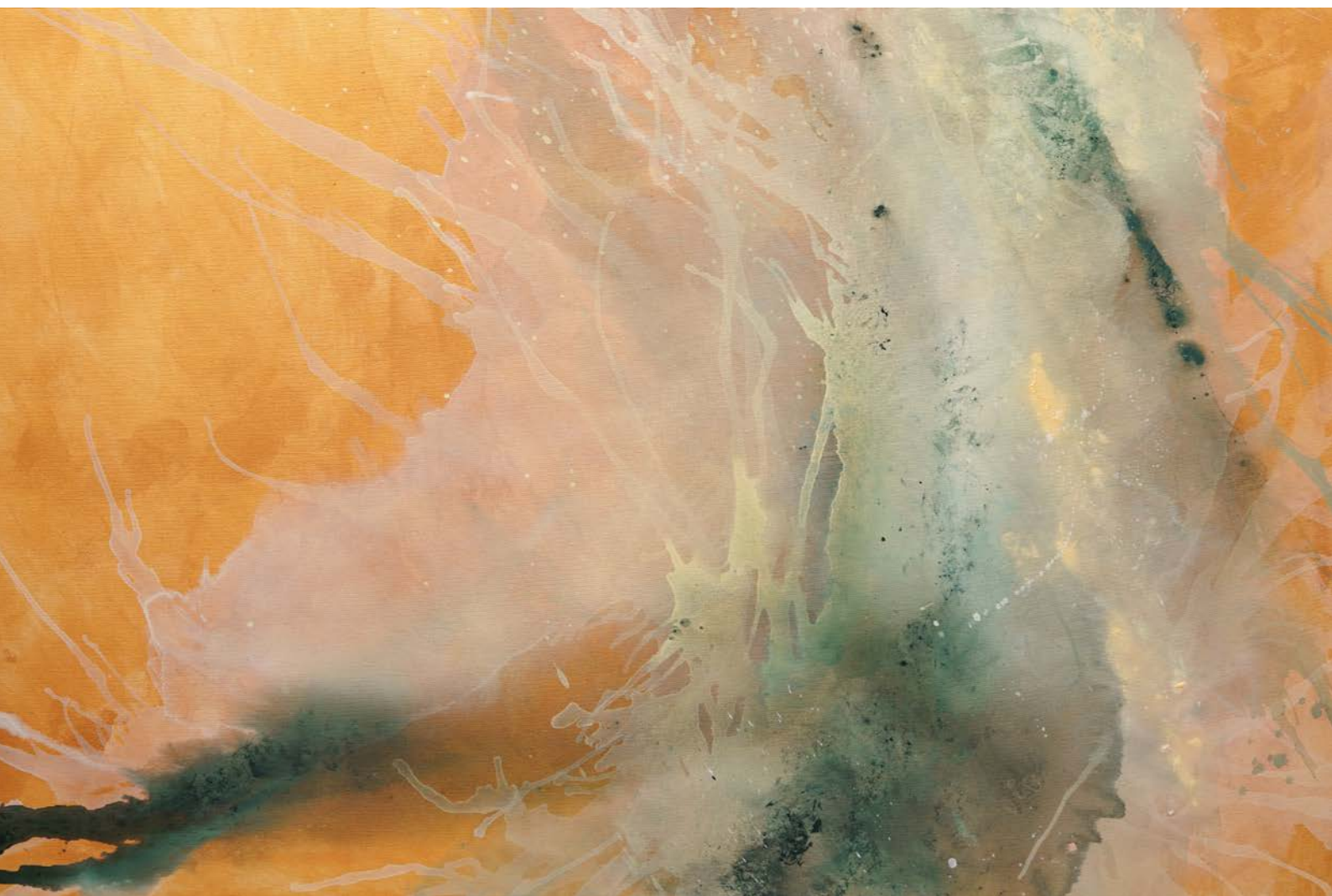
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Laplanche, J. & Pontalis, J. B. (1973) R. The Language of Psycho-Analysis 94:375-400
2. Nitsun, M. (2000) The Future of the Group, International Journal of Group Psychotherapy, 50:4, 455-472, DOI: 10.1080/00207284.2000.11491024(<https://doi.org/10.1080/00207284.2000.11491024>)
3. Nitsun, M. (2009). Authority and Revolt: The Challenges of Group Leadership. Group Analysis. 42(4): 325–348; DOI: 10.1177/0533316409346949
4. Nitsun, M. (2016). Group Psychotherapy on the Edge: The View From the United Kingdom. Group, 40(1): 37-43. (<https://www.jstor.org/stable/10.13186/group.40.1.0037>)
5. Ormont, L. (1968) Group Resistance and the Therapeutic Contract, International Journal of Group Psychotherapy, 18:2, 147-154, DOI:10.1080/00207284.1968.11508352
6. (To link to this article: <https://doi.org/10.1080/00207284.1968.11508352>)
7. Rosenthal, L. (2005) Resistances in group therapy: The interrelationship and group resistance. Modern Psychoanalysis, 30B:7-25
8. Rosenthal, L. (2006) THE FULL CIRCLE: THE ART OF MODERN ANALYTIC GROUP THERAPY
9. Group, 30(30): 185-204. (URL: <https://www.jstor.org/stable/41719125>)
10. Spotnitz, H. (1989) Therapeutic Countertransference: Interventions with the Schizophrenic Patient. Modern Psychoanalysis 14:3-20

СОЧИ

«МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ: ТРАДИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ»

II МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ПСИХОАНАЛИЗУ

Профессиональное поле

Скилкова Ирина Валентиновна

- Психолог, практикующий психоаналитический психотерапевт
- Сертифицированный групп-аналитик (COIRAG, EGATIN, ECPP)

31 сентября-1 октября 2023 года в городе Сочи прошла II Межрегиональная научно-практическая конференция по психоанализу «Мужское и женское: традиции и реальность».

Участие в конференции приняли в основном психоаналитически ориентированные специалисты из разных регионов и городов нашей огромной страны: Карачаево-Черкесии, Башкирии, Екатеринбурга, Минвод, Краснодара, Новороссийска, Ставрополя, Нефтекамска, Москвы, Петербурга, ЛНР, Нальчика и др.

С большим теплом вспоминаются наши профессиональные конференции в Вене, Баку, надеюсь, они вернутся в наше поле. Мне не удалось посетить I сочинскую конференцию «Психоанализ соблазна» в 2022 году, поэтому я была особенно счастлива, что вторая конференция не прошла мимо меня.

Сочинская конференция началась за две недели до её официального открытия, с 13 сентября, когда её организаторы Жанна Николаевна Валеева и Мана-на Нодировна Лепсверидзе на платформе Телеграм создали чат для будущих участников и это было увлекательно, очень быстро началось заочное знакомство. Организаторы успевали оперативно отвечать на множество совершенно разнообразных вопросов, до сих пор не понимаю, как им это удавалось. Они сопровождали участников и параллельно знакомили с программой конференции, официальной и неофициальной, предлагали обсудить возможные мероприятия после официальной части: знакомство с достопримечательностями Сочи, с возможными экскурсиями как на суше, так и на море, было предложено много мест для комфортного размещения рядом со зданием проведения конференции, предоставлен широкий список кафе и ресторанов: Сибас, Барабуля, Дель Мар, Феттуччини, Синдикат, Бисквит, ресторан у устья реки в Навалишинском ущелье и много-много других. Такая забота была очень приятна.

Огромная благодарность организаторам за предложение ознакомиться со

статьёй нашего коллеги из Лондона Андреа Саббадини, которую разместили в чате Телеграм, и в полёте было время с ней ознакомиться, что в дальнейшем позволило глубже понять точку зрения автора и задать вопросы в онлайн формате при на его докладе на конференции. Для нас, практикующих психоаналитиков, конференции являются неотъемлемой частью профессионального и образовательного пространства, так необходимого для ощущения причастности к нашему общему делу.

Открытие конференция началось с приветственного слова и, благословения Фрейдом, Паст-Президента Татьяны Владимировны Мизиновой и действующего Президента ЕАРПП Тимошкиной Алины Алексеевны.

Спикеры конференции представили новые форматы выступлений в различных направлениях психоанализа и группанализа, это было интересно, познавательно и инновационно. Хочу выразить свою искреннюю признательность и благодарность организаторам конференции за их умение создать профессионально насыщенное поле, докладчикам за их интересные доклады, мастер классы и представленный для дискуссий и обсуждения материал. Доброжелательная рабочая атмосфера и отличная организация мероприятия способствовали легкому дружескому обмену опытом. Спасибо всем, кто поделился щедро и открыто своим мастерством, спасибо за возможность прикоснуться к новым знаниям, за возможность наполниться новыми идеями и смыслами.

Отдельное спасибо прекрасной и очаровательной фотографу Екатерине, которая с неизменной улыбкой на устах, находила для всех время и силы, запечатлевая мгновения, ловя взгляды, улыбки, удивление, радость, грусть и порой слёзы в глазах участников конференции.

Спасибо за чудесную прогулку на яхте, спасибо всем, кто обменивался фотографиями, видео роликами, теплом и радостью.

До встречи в новом 2024 году на III Международной Психодинамической Конференции ЕАРПП в г.Сочи.

Впервые осуществиться самому

Барминов Иван Алексеевич

- Врач, психоаналитический психотерапевт
- Член ЕАРПП
- Родился в г. Калуга, всегда интересовался тем, как устроен внутренний мир людей. Иногда из удивительных историй, наполненных сложными противоречивыми чувствами, рождаются сюжеты книг

Для меня прошедшая в Сочи конференция была наполнена эротическими смыслами, но слово «эротика» я здесь употребляю в несколько непривычном значении.

Лу Саломе — русско-немецкий психоаналитик писала, что жизненная ценность эротического в том, что оно может брать силы из любого «грунта», служа жизни, приспособляясь к любым условиям. Источниками эротического, т.е. упомянутыми «грунтами», могут быть телесные причины, психические и социальные. Наиболее глубоким смыслом возникновения эротического чувства является стремление приблизиться к другому «Я», чтобы во взаимодействии с ним впервые осуществиться самому.

И я всю конференцию наблюдал попытки реализации влечения быть, существовать.

Например, Елена Леонидовна Коробова в своём докладе рассказала о случае братьев-близнецов Раймеров. У одного из них удалили пенис и по рекомендации не стали говорить, решив воспитывать его полностью, как девочку, используя гормональную терапию. В итоге, несмотря на гормоны и полоролевые идентификации, он всё равно ощущал себя мальчиком. В 15 лет ему сказали, кто он. Впоследствии его стали переделывать обратно в мужчину, а в 38 он совершил самоубийство. Честно говоря, услышав эту историю и представив себя на месте этого мужчины, я подумал, что было бы лучше убить самого Мани, а не себя.

Коллеги из Екатеринбурга — Колосовская Авелина и Мельникова Лидия представили аудитории историю об Андрогинах — третьем поле в мифологии. Они были настолько сильны, что Зевс решил их ослабить, разделив, но с тех пор их части постоянно стремятся друг к другу, чтобы снова обрести силу. Здесь я вижу

Наиболее глубоким смыслом возникновения эротического чувства является стремление приблизиться к другому «Я», чтобы во взаимодействии с ним впервые осуществиться самому.

общее с историей о Раймере — есть человек, который хочет понять, кто он, какой, обрести своё истинное значение, однако некая внешняя сила противодействует, и её требуется преодолеть. К счастью, в отличие от Раймера, зачастую многим счастливицам всё же удаётся «перебороть Зевса», создавая продуктивную пару мужчины и женщины.

Появление ребёнка знаменует и рождение группы из трёх человек. В совместном докладе Алины Алексеевны Тимошкиной и Полины Олеговны Черкас были приведены примеры функционирования разных групп — женской, с одним мужчиной, с двумя и более. Мне запомнился опыт, когда группа, составленная только из участниц-женщин, не принимала мужчин — они уходили после нескольких сессий, и какое-то время чувствовала своё слияние и удовольствие. Однако через некоторое время участницам стало скучно, они стали задаваться вопросами, что сделать, чтобы мужчины перестали уходить от них. Тогда было решено посадить в группу наблюдателя-мужчину, который во время сеансов ничего не говорил, только наблюдал и сообщал о своих наблюдениях ведущей вне работы группы. В итоге такой трюк позволил прорвать блокаду страха всего мужского, группа раскрылась для участников с новой стороны. А через некоторое время в ней появились и мужчины.

Психоаналитик подобен писателю-призраку, который постоянно «перезаписывает» личную историю пациента, помогая тому обрести свою идентичность.

Мне очень запомнилась вовлечённость аудитории во время доклада Бориса Кордича из Белграда. Он говорил о том, что психоаналитическая интерпретация необязательно является символической пенетрацией, но может быть и «эякуляцией» в случаях, когда она что-то создаёт в психике пациента или в терапевтических отношениях. Осуществление женской функции тесно связано с прорастанием в Другом истинного «Я». У меня возникла мысль, почему так популярен фильм «Чужой» и его продолжения — потому что это история про страх прорастания внутри чужого «Я» и фантазия, что оно разрушит собственную личность.

Представленный Кордичем клинический случай вызвал бурную дискуссию о том, какие элементы психики мужчины в представленном случае можно отнести к условно «мужской» области, а какие — к «женской». Наблюдая со стороны, я отметил для себя, что примерно в половине анализируемых аудиторией паттернов поведения мнения разделялись, получается, часто человеческое поведение является полем перекреста мужского и женского, несёт сдвоенные смыслы. Например, та же эякуляция — вроде бы «мужское» действие, сперма проникает глубоко в женское тело. Но с другой стороны, пенис рождает, ведь миллионы живых существ начинают свою короткую жизнь.

Андреа Саббадини, аналитик IPA из Лондона, рассказал о том, что в Великобритании всё больше молодых людей выбирают себе гендер вне бинарной традиции, что вызывает определённое беспокойство у специалистов. С другой стороны,

он считает, что психоаналитик подобен писателю-призраку, который постоянно «перезаписывает» личную историю пациента, помогая тому обрести свою идентичность. В этом плане психоаналитик не должен влиять на выбор человека, кем ему быть, а может лишь задокументировать этот выбор, и изменения в предпочтениях общества. Получается, что и мы, как специалисты, не должны становиться узниками собственных или навязанных годами чужого опыта представлений, а имеем право искать свой путь, своё осмысление этой профессии.

Юрий Бобовский и Манана Лепсверидзе рассказали нам о поиске маскулинного в женских персонажах и феминного в мужских в сказках и мифах. Я запомнил мысль, что любой человек, независимо от того, кто он, мужчина или женщина, в разные периоды жизни попадает в ситуации, которые требуют участия противоположной своему полу части психики. При наличии хорошо развитых феминных и маскулинных черт личности, человек находит выходы в, казалось бы, не имеющих решения ситуациях.

После завершения официальной части программы желание исследовать тему мужского и женского вышло на новый уровень, и мы с коллегами продолжили обсуждение. Меняя прибрежные кафешки и острые темы для столкновения мнений, мы, как я полагаю, смогли сделать самое главное — ответили себе на вопрос, кто мы такие в психоанализе, как специалисты, и как пациенты тоже. Большое количество тёплых эмоций и ярких впечатлений не оставляют сомнений, что мы соберёмся снова уже через год!

При наличии хорошо развитых феминных и маскулинных черт личности, человек находит выходы в, казалось бы, не имеющих решения ситуациях.

Андрогинность и образ идеального «Я»

Колосовская Авелина Сергеевна

- Психолог, психоаналитик, групповой аналитик
- Член Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии, ECPDP (Vienna, Austria)

Мельникова Лидия Викторовна

- Клинический психолог, психоаналитик, групповой терапевт
- Член Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии, ECPDP (Vienna, Austria)

Вопрос об андрогинной сущности человека особенно актуален в современном мире в свете остроты переживаемых многими людьми гендерных противоречий. Впрочем, тема андрогинности интересовала философов и мыслителей на протяжении всей истории развития человечества. Образ андрогина часто описан в философии, как символ нераздельной целостности или же как репрезентация динамического единства противоположностей.

Начать разговор об андрогинности можно с упоминания «Пира» Платона, где произносятся хвалебные речи богу Эроту, в числе которых Аристофан и рассказывает миф об андрогинах. Отдельно можно отметить, что, согласно Жаку Лакану, Платон доверяет лучшие слова о любви именно Аристофану, а сам диалог «Пир» стоит у истоков объяснения функции любви и развития этой функции, являющейся самой глубокой, радикальной и таинственной стороной человеческих отношений [2].

Суть мифа заключается в следующем: прежде существовал еще третий

пол, который соединял в себе признаки мужского и женского – «страшные своей силой и мощью, андрогины питали великие замыслы и посягали даже на власть богов» [4]. Перед богами встала дилемма: истреблять андрогинов нельзя, ведь тогда боги лишатся почестей и приношений, но и мириться с таким положением вещей тоже недопустимо. Наконец, Зевс (в свойственной ему манере) придумал решение: разрезать каждого из них пополам, чтобы сделать людей слабее и полезнее для богов (потому что число их увеличится). Голова после разделения поворачивалась в сторону разреза, чтобы, глядя на свое увечье, человек становился скромней. Когда тела были рассечены пополам, каждая половина с вождением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, страстно желая срастись, а затем умирали от голода и бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь. Массовая гибель людей в планы богов не входила, поэтому Зевс в итоге переставил вперед «срамные их части» (которые изначально были обращены в другую сторону). С тех пор людям стало свойственно любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, «пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу» [4].

Такая последовательность с самого начала похожа на процесс психологического развития ребенка: 1) начальная доэдипальная фаза (когда люди жили во всемогуществе, обладая едиными телами); 2) последующее разрезание как эквивалент кастрации; 3)

Любовью является жажда целостности и стремление к ней,
а образ андрогина – это метафора полноты и идеала человеческого
существования.

финальное разрешение реализации сексуального влечения в результате трансформации. Перенесение половых органов может быть рассмотрено в качестве метафоры полового созревания [11].

Таким образом, можно сказать, что любовью является жажда целостности и стремление к ней, а образ андрогина – это метафора полноты и идеала человеческого существования. На практике движение к этому идеалу может лежать в разных плоскостях.

В словаре по аналитической психологии содержится следующее определение: «андрогин – это метафорическое существо, психическая персонификация, в которой мужское и женское начала удерживаются в сознательном равновесии. В образе андрогина, в отличие от нераздельного и нерасчленимого гермафродита, принципы мужского и женского сочетаются без слияния их характерных свойств» [1].

Карл Густав Юнг сосредоточил внимание в своей теории об аниме и анимусе на взаимодействии компонентов феминности и маскулинности в человеческой психике. Анима – бессознательная, женская сторона личности мужчины. «Коллективное бессознательное в мужчине, как целое, представлено в женской форме» [9]. И подобным образом у женщины есть ее мужская часть – Анимус. Особенность данного подхода к андрогинии заключается в том, что ядро явления составляет процесс сочетания характерных

Мы говорим об андрогинности как о некоем психическом конструкте, свойстве психики, органично объединяющем мужские и женские черты.

свойств двух полярностей, а не их взаимопоглощение и растворение. То есть, мужское и женское в любой момент можно расчленить и разделить, предоставив автономию. Однако в условиях единства и взаимодополнения в психике мужского и женского человек способен достичь гармонии.

Говоря об андрогинности, необходимо упомянуть понятие гендерной идентичности. Согласно Лапланшу, пол двоичен. Он является таковым в силу полового размножения, а также в силу его символизации человеком. Тогда как гендер имеет множественное число. Присвоение гендера – это сложный комплекс актов, распространяющихся на язык и на значимое поведение окружения, то есть, первичное идентификационное движение исходит от Другого, которым является уже не отец (поскольку ребенок еще не делает различий между полами), а набор семейных фигур, включенных в социальный контекст [12].

Эрик Эриксон исследует идентичность как свойство индивида, осознающего собственную целостность во временной протяженности своего существования. Идентичность является продуктом взаимодействия самоидентификации и идентификации с другими, а также отождествления с ожиданиями социума. Гендерная идентичность является основополагающей структурой социальной идентичности [8].

Представители современного психоанализа Филлис и Роберт Тайсон делают акцент на том, что биологический пол ребенка побуждает семью (родителей, сиблингов) к определенному стилю обращения с ним, в котором прослеживается позиция семьи по отношению к определенному полу, а также отражаются различные сознательные и бессознательные фантазии [5].

На базе ядра половой идентичности возникает полоролевая идентичность. По мере развития ребенка его идентификация с ранними объектами претерпевает изменения, в том числе и под воздействием культурных и социальных идеалов.

Развитие гендерной идентичности происходит поэтапно, по мере взросления ребенка. Интеграция маскулинности и феминности возможна только в случае, если есть разочарование в отношениях и социальном успехе – понимании, что это попытка обрести внутреннее принятие собственной идентичности через внешние объекты. Принятие собственного гендера (с его возможностями и ограничениями) и глубокий интерес к противоположному полу облегчает процесс интеграции.

В исследованиях современных аналитиков также можно найти идеи о том, что зрелая гендерная идентичность должна включать в себя и мужские и женские идентификации, а монолитный гендер – это устаревшее понятие. Следовательно,

Андрогин – это метафорическое существо, психическая персонификация, в которой мужское и женское начала удерживаются в сознательном равновесии.

Интеграция маскулинности и феминности возможна только в случае, если есть разочарование в отношениях и социальном успехе – понимании, что это попытка обрести внутреннее принятие собственной идентичности через внешние объекты.

гендерная идентичность должна рассматриваться как многоуровневое динамически изменяемое образование.

Так, например, Розмари Балсам (доктор медицины, профессор клинической психиатрии Йельского университета) писала, что для создания зрелой гендерной идентичности может быть необходимо переплетение отцовских идентификаций и репрезентаций мужского тела вместе с репрезентациями женского тела и женскими идентификациями. При этом она высказывала критику теории женского развития, подчеркивая, что идея о возможности женщины претендовать на женственность через отвержение и «преодоление» мужских тенденций является неточной [9].

Исходя из этого, андрогинность может быть рассмотрена как свойство психики человека, которое выступает в качестве составляющей структуры зрелой личности и начинается с осознанного узнавания маскулинного и феминного в каждой личности.

При этом нужно упомянуть, что сексуальная ориентация – это отдельная характеристика, которая напрямую не зависит от гендерной идентичности. По сути, существуют три инстанции: гендер, пол и сексуальность. Важно подчеркнуть, что андрогинность и бисексуальность – не идентичные понятия. Андрогинность затрагивает внутриспсихические процессы, а бисексуальность находится в поле межличностного взаимодействия. Хотя, можно допустить и возможность существования вариантов, в которых бисексуальность может свидетельствовать о неосознанном стремлении к андрогинности.

В своем труде «Три очерка по теории сексуальности», размышляя о гипотезе биологической предрасположенности к гомосексуализму, Зигмунд Фрейд упоминает о «конституционной бисексуальности» (то есть органической двуполости) людей: «известная степень анатомического гермафродитизма принадлежит норме; у каждого нормально устроенного мужского и женского индивида имеются зачатки аппарата другого пола, сохранившиеся как рудиментарные органы без функции или преобразовавшиеся и взявшие на себя другие функции». Фрейд указывает, что весьма естественно было перенести этот взгляд на психическую область и говорит о психическом гермафродитизме, но дальнейшие его рассуждения фокусируются именно на вопросе гомосексуальности.

Джун Сингер в своем труде об андрогинах пишет: «Мои исследования привели

Андрогинность может быть рассмотрена как свойство психики человека, которое выступает в качестве составляющей структуры зрелой личности и начинается с осознанного узнавания маскулинного и феминного в каждой личности.

меня к неизбежному выводу, что феномен бисексуальности – вне зависимости от того, выражается ли она открыто или лишь интуитивно и скрыто ощущается одним человеком – служил тоннелем, который ведет к более фундаментальным проблемам. Этой проблемой является, конечно же, желание психологической реализации явственной андрогинной природы каждого человеческого существа. Но как бы то ни было, путь от бисексуальности до андрогинности довольно долг» [6].

В восточной философии концепт андрогина отсылает к образу тотальной целостности за пределами мирского существования человека. Эта целостность сочетает и уравнивает в гармонии не только мужское и женское начала, но и все аспекты бытия, охватывая все потенциально возможные состояния и представляя собой идеал совершенства. Например, в священных писаниях индуизма можно найти упоминание, что до сотворения мира представлено Единое существо, которое было, когда «не было ни сущего, ни несущего», «ни воздуха, ни небосвода за его пределами», «ни смерти, ни бессмертия», т. е. не было никаких разделений, и всё представляло собой лежащее

в основе мира единство [3].

Также можно провести параллель между концепцией андрогина и «сверхчеловеком» Ницше. Но это будут совершенно разные подходы – преодоление раскола между полами посредством любви и путь к сверхчеловеку Ницше, путь одиночества. Его сверхчеловек – это, скорее, не гармония между полами, а выход за пределы пола.

Целостность подразумевает сочетание не только буквально мужского и женского, но и прочих противоположностей. Этот идеал не является достижимым в буквальном смысле.

Таким образом, целостность подразуме-

вает сочетание не только буквально мужского и женского, но и прочих противоположностей. Этот идеал не является достижимым в буквальном смысле. В философии он указывает человеку вектор духовных устремлений. А в рамках психоаналитической работы концепция интересна, как и любая модель – она позволяет посмотреть на те или иные феномены под разными углами.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что мы говорим об андрогинности как о некоем психическом конструкте, свойстве психики, органично объединяющем мужские и женские черты. Речь не идет о внешних проявлениях, будь то физический облик человека, гендерная идентичность и уж тем более сексуальная ориентация. Аналитик уже в силу своей профессии во многих вопросах выходит за рамки бытового понимания того или иного явления. Делая упор на психологическом аспекте, мы признаем динамическую природу андрогинности в глубинах человеческого бессознательного. Кроме того, решающее значение в формировании концепции «Я» можно приписать некоторому балансу в отношениях между реальностью и фантазиями. Этот баланс зависит от одновременного принятия своего физического пола и признания андрогинных элементов в психике. Более того, образ андрогина может выступать и в качестве метафоры единства любых противоположностей и нераздельной целостности.

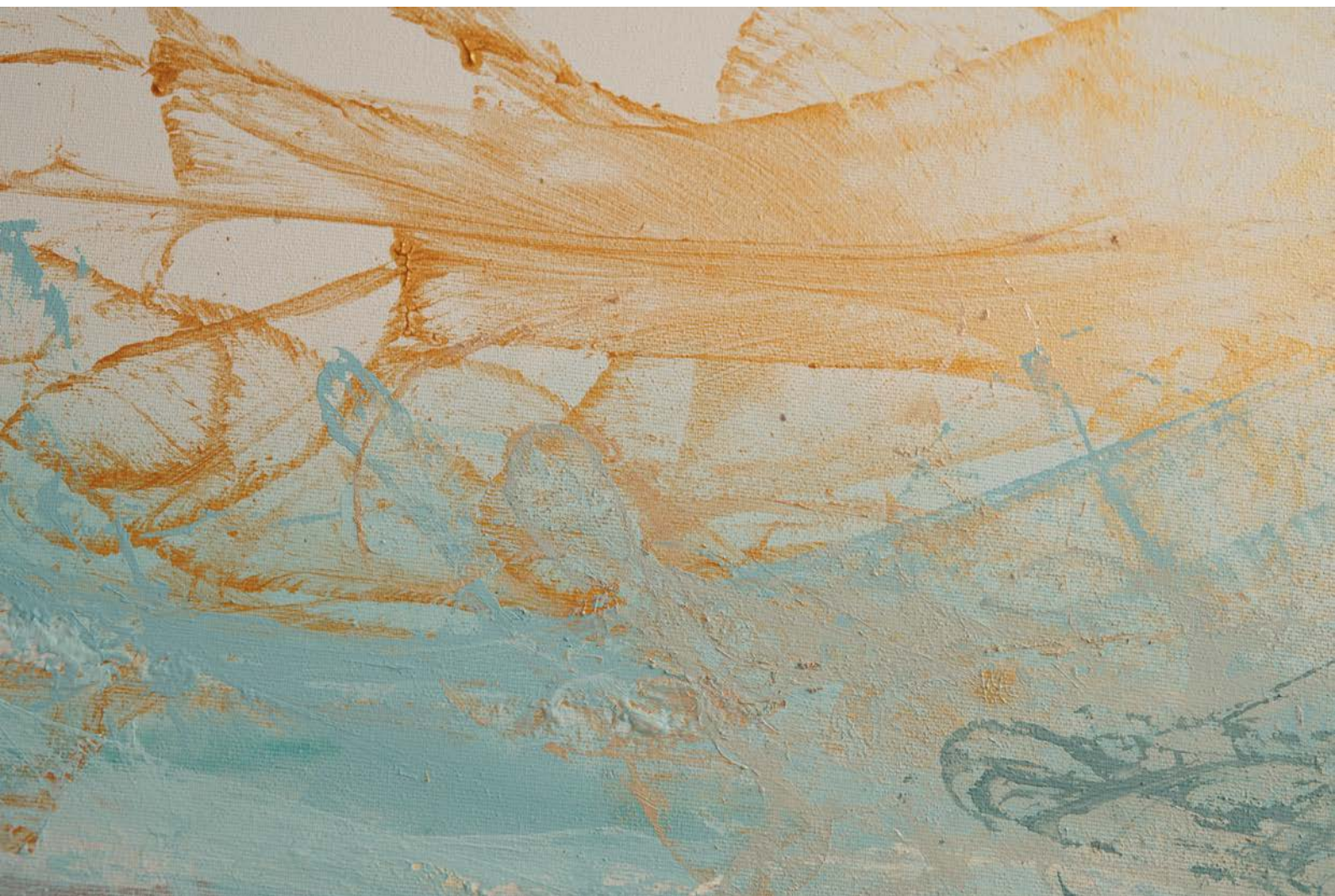
ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленский В.В. Толковый словарь по аналитической психологии. – М.: Когито-Центр, 2008. – 336 с.
2. Лакан Ж. Семинары. Т. VIII. Перенос / Ж. Лакан. – М.: «Гнозис», «Логос», 2019. – 432 с.
3. Мешков В. М. Десятая мандала «Ригведы» – конец архаики в древнеиндийской культуре // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 94–103.
4. Платон. Диалоги: [перевод с древнегреческого] / Платон. – М.: Эксмо, 2022. – 464 с.
5. Тайсон Ф., Тайсон Роберт Л. Психоаналитические теории развития. – М.: Когито-Центр, 2006. – 600 с.
6. Сингер Дж. Андрогини. – М.: Клуб Касталия, 2017. – 294 с.
7. Фрейд З. Большая книга психоанализа. Введение в психоанализ. Лекции. Три очерка по теории сексуальности. Я и Оно. – М.: «Издательство АСТ», 2015. – 970 с.
8. Эриксон Э. Идентичность и цикл жизни. – М.: «Прогресс книга», 2023. – 250 с.
9. Юнг К. Г. Аналитическая психология: теория и практика. Тавистокские лекции. – М.: ИОИ, 2020. – 268 с.
10. Balsam R. Integrating male and female elements in a woman's gender identity // Journal of the American Psychoanalytic Association. 2001. № 49. P. 1335-1360.
11. El Nemr A. L'androgynie et l'origine de l'identité de genre // Cahiers de psychologie Clinique. 2019. №1. P. 79-91.
12. Laplanche J. IX. Le genre, le sexe, le sexual / Sexual. La sexualité élargie au sens freudien. 2014. P.153-193.

МОСКВА – ЕКАТЕРИНБУРГ

«ВОЖАКИ СТАИ: СУДЬБА ВЛАСТИ В ГРУППЕ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ГРУППОВОМУ АНАЛИЗУ

В ноябре и декабре 2023 года в ЕАРПП успешно прошли две конференции в дружелюбном пространстве для смелых, свободных и вдохновленных коллег, которые искренне увлечены исследованием коллективного бессознательного в групповых процессах.

Конференции, посвященные групповой психотерапии, организованы Национальным отделением ЕСРР (Vienna, Austria) в России при помощи секций групп-анализа в ЕАРПП:

- РО Москва во главе с Председателем Савичевой Е.П. и зам.руководителя секции ГА в РО МСК Черкас П.О.
- РО-Екатеринбург во главе с Председателем Фарафоновой Е.Г. и всем составом секции ГА в РО ЕКБ Селивёрстовой А. Г., Колосовской А.С., Мельниковой Л.В.
- МШГА — Международной Школы Группового Психоанализа (COIRAG, EGATIN, ЕСРР) под руководством Тимошкиной А.А., а также филиала МШГА в Екатеринбурге во главе с директором Шустовой В.В.

Обе Международные конференции по групп-анализу развернули уникальность каждой матрицы и групповой культуры на нашем общем научно-практическом поле, объединили общие ценности и смыслы, которые можно назвать — ПУТЬ ДОСТОИНСТВА.

Мы встречались в онлайн пространстве, которое дает возможность безболезненно погрузиться в большие и малые группы сэндвич-методом с чередованием докладов и круглых столов, создавая плодотворное поле для психоаналитического мышления. XI Московская конференция на тему: «Групп-анализ любовь отношения» собрала 80 человек и I Уральская конференция на тему «Вожаки стаи: судьба власти в группе» собрала 67 человек из России, Болгарии, Киргизии, из городов Москва, Бургас, Уфа, Бишкек, Самара, Екатеринбург, Казань.

Участники отметили особую атмосферу, высокий уровень организации и практическую направленность конференций. Коллеги в своих докладах делились размышлениями, идеями и разнообразным клиническим опытом. Были затронуты важные практические и теоретические вопросы группового психоанализа.

*Тимошкина А.А.,
Президент ЕАРПП*

Сизифов труд

Савичева Елена Петровна

- PhD, психоаналитический психотерапевт
- Сертифицированный специалист, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления и Председатель РО Москва (ЕАРПП)
- Автор программ Дополнительного образования (ЕАРПП)
- Групповой супервизор IGA
- Преподаватель Московских вузов дополнительного образования

На мой взгляд, в наше время эта ментальная функция – символизация – очень обеднена. Да, остаются традиционные символы как часть истории, но, к сожалению, они часто становятся просто атрибутикой – декорацией – означаемым без означающего.

Ситуация застоя в анализе — распространенный феномен, так как вероятность его возникновения в ходе длительного и болезненного процесса психоаналитической терапии, который, по определению, понимается как постоянное усилие по преодолению сопротивления, достаточно высока.

Зададимся вопросом, что конкретно способствует развитию этого явления в отношениях пациент – аналитик и как можно его использовать, чтобы понимать перспективы продолжительности анализа, особенно когда вдруг в поле возникает метафора «Сизифов труд».

МИФ О СИЗИФЕ

Сизиф бросил вызов Богам. Когда пришло время умирать, он попытался бежать из преисподней. За это Боги решили его наказать: он должен был вечно вкатывать огромный камень в гору, откуда тот неизменно скатывался вниз, и все нужно было начинать сначала. Боги полагали, что на свете нет ничего ужасней, чем тяжёлая и бесполезная работа.

Используя миф о Сизифе, мы так сформулируем направление нашей мысли: что способствует переживанию

«напрасных усилий» по отношению к достижению цели. Где и когда закладывается этот камень в аналитической ситуации?

Я полагаю, что уже на первых встречах в установлении правил отношений – психоаналитического сеттинга, который отличается, с одной стороны, заданностью границ – фиксированные дни недели и время встреч, обязательная оплата и при этом открытая дата окончания, т. е. точка финиша неопределенна – мы не знаем, сколько нам понадобится времени, чтобы достичь результата.

НЕЗНАНИЕ – его мы определим входящим в состав камня, который надо будет катить аналитической паре! Мы предлагаем постоянный и долгий совместный труд по достижению цели. И, конечно, поначалу он очень вдохновляет. А фундаментально мы задаем для аналитической пары время и пространство, в котором будет разворачиваться повседневность во всем её многообразии.

А на какой энергии работает такой механизм постоянства? Это – желание (мотивация). Этим параметром не стоит пренебрегать. И нужно в начальном интервью уделить этому должное внимание: исследовать мотивацию пациента прийти к аналитику получить аналитическую помощь.

Мотивация — ключевой фактор при прохождении терапии, поскольку пациент не просто получает лечение, а активно участвует в терапевтическом процессе (есть камень и есть труженик – Сизиф).

Вовлечение в лечение является логическим следствием наличия мотивации к лечению.

Отсутствие мотивации (снижение) – причина неудачи в вовлечении пациента в процесс и прерывания терапии.

Можно выделить 6 когнитивных и эмоциональных факторов – внутренние детерминанты – которые характеризуют силу мотивации:

1. Признание проблемы
2. Уровень страдания
3. Воспринимаемая плата за лечение
4. Воспринимаемая пригодность лечения
5. Ожидание результата
6. Внешнее давление

1 – Признание проблемы — осознание и готовность признать наличие проблемы и признание необходимости измениться, чтобы справиться с ней и предотвратить рецидивы ее появления.

2 – Уровень страдания — это степень дистресса, который возникает в результате непосредственного воздействия симптомов, а также социальных и экономических последствий имеющихся проблем или страха ухудшения состояния в любой из областей жизни.

Я предлагаю в качестве исследования матрицы аффективных переживаний ведущего в групп-аналитическом процессе миф о кольце царя Соломона. Ведь это история авторитета со всеми перипетиями на Пути правления.

3 – Воспринимаемая плата за лечение — это деньги и время, которые пациент тратит на лечение, а также психологическая плата, связанная с необходимостью переживания неприятных эмоций и осуществления изменений в своем стиле жизни.

4 – Воспринимаемая пригодность лечения включает 3 аспекта: восприятие пациентом уместности и эффективности лечения, согласие пациента с целями лечения и восприятие пациентом терапевтических отношений.

5 – Ожидание результата — это вера пациента в возможность изменения, ожидание им того, что он сможет завершить лечение, достичь успеха.

6 – Внешнее давление — это то давление, которое оказывает социальное окружение пациента, требуя прохождения лечения и изменений (супруги, родители, работодатели).

Эти 6 внутренних факторов детерминируют мотивацию к лечению и, кроме того, нельзя отрицать влияние внешних факторов, таких как жизненные обстоятельства и события в жизни пациента.

Итак, у нас есть форма – рамка для прохождения психоаналитической терапии и есть мотивация для этого. И именно в этом постоянном движении мы, через некоторое время, когда позитивный перенос исчерпывает свои «силы» надежды на быстрое излечение, когда проработка защит помогает формировать невроз переноса, сталкиваемся с усилением работы сопротивления, прорабатывая которое, мы движемся в сторону источников проблем. Но уже не через снижение боли (когда уходят поверхностные эго-дистонные симптомы и это поддерживает мотивацию), а через увеличение тревоги, растерянности, непонимания: «Что происходит?» и «Что Я тут делаю?», непринятие интерпретаций. Такие переживания снижают первоначальную мотивацию прохождения терапии именно снижением получения удовольствия.

Как известно, в психоаналитических кругах именно начало негативного переноса считается началом психоанализа как такового, так как в аналитической паре начинает проявляться амбивалентность отношений. Это говорит о возможности работать в спектре хороших и плохих объектов внутри аналитической сессии, уменьшая отыгрывания вовне. Это долгая и кропотливая работа. Порою она видится как «хождение по замкнутому кругу», поиск «выхода из лабиринта» – в такие периоды настойчивость аналитика продолжать путь помогает мотивации пациента. Мы движемся дальше и, конечно, снижение страданий пациента и появление у него изменений, рассматриваемых как критерий успеха – достижения цели терапии, вдохновляют аналитика. Однако, мы знаем, что для психоанализа важен элемент проработки, той необходимой рутинной работы, когда мы, найдя базовый элемент невротического конфликта, должны просмотреть весь спектр жизненных проявлений, в который он пустил свои корни. В такой период есть ощущение, что аналитическая пара лишена возможности переживать новизну, становится скучно, снижается мотивация – энергия движения психоаналитического процесса со стороны пациента.

Группа зависимости
бессознательно придерживается
убеждения, что некто, на кого
она полностью полагается,
должен удовлетворять все ее
потребности.

Состояние печали и одиночества – естественный отклик – так хорошо знакомый каждому, начиная с травмы рождения, отлучения от груди и переживаний «исключенного третьего».

Аналитик, вдохновленный психоаналитической теорией и наличием практики, может продолжать свой путь. Но так бывает не всегда.

Что именно нас в вас вдохновляет продолжать долго делать свою работу? Конечно, опыт наших авторитетов.

Впервые с отчаянием аналитика З. Фрейд столкнулся в работе с обсессивным пациентом – «человеком-волком»,

который бессознательно получал удовольствие от разрушения сделанного. Сергей Панкеев победил самоуверенного Фрейда тем, что «разрушил его идеал» успеха за короткое время.

Неспособность человека-волка справляться с проблемами взрослой жизни определялась его постоянными неудачами в эротических привязанностях.

Анализ человека-волка длился почти 4 года. Он мог бы продолжаться и дальше, но Фрейд перестал видеть перспективу и использовал для его завершения необычный прием. Первые годы лечения едва ли принесли заметные изменения. Пациент был — сама вежливость, но «оставался недоступным, окопавшимся за установкой послушной безучастности. Он внимательно слушал, понимал, но ничего не принимал близко к сердцу». Фрейд испытывал глубокое разочарование. «Его безупречная интеллигентность была, словно отрезана от сил влечений, господствующих над его поведением». Человеку-волку потребовалось много месяцев, чтобы, наконец, принять активное участие в анализе. Но, когда что-то начало меняться, пациент включил «внутренний саботаж». Он, очевидно, уже привык к своему душевному состоянию и не хотел ничего менять. И тогда Фрейд установил дату окончания анализа – через год. И твердо придерживался своего решения.

Стратегия оправдалась лишь отчасти. И к июню 1914 года Фрейд считал его более-менее излеченным, с чем соглашался и сам пациент.

Работа с пациентом, положенная в основу книги «Из истории одного детского невроза» — это не только клинический случай в современном смысле этого термина, это – глубинное метапсихологическое исследование, проведенное Фрейдом, во многом как раз благодаря крайней неэффективности лечения пациента, вошедшего в аналитическую традицию под псевдонимом «Человек-Волк». Как явствует из доступных нам материалов, сам Зигмунд Фрейд и его пациент, Сергей Панкеев, в рамках их многолетнего общения вообще не акцентировали внимание на чисто терапевтических задачах. В написанных позднее мемуарах Панкеев сообщает, что, «проходя психоанализ у Фрейда, я чувствовал себя не столько пациентом, сколько его сотрудником – молодым товарищем опытного исследователя, взявшегося за изучение новой, недавно открытой области». Сам же доктор Фрейд однозначно высказывается на эту тему в «Предварительных замечаниях» к посвященной анализу данного случая книге; он отмечает, что публикация размышлений, основанных на материале данного случая, никак не связана с его клинической эффективностью: «...анализы, приводящие в короткий срок

к благоприятному исходу, ценны для самочувствия терапевта...; для успехов научного познания они, по большей части, ничего не дают». «Новое», — отмечает он там же, «можно узнать только из анализов, представляющих особые трудности», где аналитик «в состоянии отказаться от близорукого терапевтического честолюбия».

Ни о каком «терапевтическом честолюбии» в данном случае речь и не шла. Для решения же чисто исследовательских задач, по признанию Фрейда, «описываемый здесь случай не оставляет желать ничего лучшего. Первые годы лечения не дали почти никакой перемены...». Те же позитивные изменения в состоянии пациента, которые можно было считать результатом аналитической терапии, были, по его собственным словам, вызваны исключительно эффектом перемены места проживания и эмоциональной открытостью к специалисту, который впервые выслушал его и одобрил его связь с любимой женщиной.

Только в таких, сложных и требующих углубленного анализа случаях, запутанность которых сопряжена с «бездной терпения, покорности, понимания и доверия, которые требуются от больного», считал доктор Фрейд, «удается добраться до самых глубоких и примитивных слоев душевного развития.... Начинаешь думать, что только тот анализ, который проник так далеко, заслуживает этого названия».

Мы видим, как психоаналитическая практика помогает открывать скрытые механизмы сопротивления аналитической пары – в этом движении важны перенос и контрперенос. Желания аналитика — это тоже энергия движения.

Феномен сопротивления указывает на работу бессознательного в нашей психике. А, как нам известно, в бессознательном действуют свои законы первичного процесса: там есть только ДА и там нет времени – нет конца – границ. Реальность бессознательного существует за гранью тестирования реальности. Как только появляется сознание – так появляются категории мышления опирающиеся на факты восприятия.

И вот вдруг наше восприятие психоаналитической работы начинает подкидывать ощущения «застоя», множество вещей, всплывающих на аналитической сессии, уже становятся «заезженными пластинками», неоднократные усилия по расширению – углублению поля отношений и исследования психики пациента наводят на мысль об отсутствии смысла.

Все, что снижает ощущение движения, переносится нашим Я очень болезненно, как будто мы действительно можем не двигаться во времени, что быстро приводит к ассоциативным картинкам отсутствия жизни.

В таких случаях очень важно: 1. Признать наличие «застоя»; 2. Назвать этот период застоя тем именем, которое, с точки зрения динамики аналитического процесса, будет давать ему характеристики времени и переживаний. Например: застой после года терапии, когда в основном пациент уже достаточно освоил территорию аналитических

Нападение на авторитет помогает
группе получить собственную
активность и ощутить силу.
Но это - сила подростка, который
стажил отцовский инструмент
и полагает, что уже может им
пользоваться.

отношений и мотивация освобождения от симптомов снижена за счет терапевтического эффекта аналитического исследования психики пациента, не сравнить с ощущением застоя после 3-5 лет совместной работы – когда есть неоднократный опыт преодоления.

Задумаемся, почему фантазия о том, что анализ никуда не движется, так явно атакует пространство отношений с аналитиком? Как будто есть в аналитической паре идеальная история, в которой отсутствуют разочарования, потеря смысла, обиды, внезапные изменения внешних условий (как со стороны пациента, так и аналитика). В условиях постоянного формирования естественного русла реки на ландшафте местности, по которой она течет, есть очень интересное явление – образование стариц. Мне понравилась эта метафора, с точки зрения потребности самого движения: образовывать застои, как наша память – она просто хранит информацию, оживляет ее только наше ежеминутное использование на потребу дня.

В общем, я полагаю, если не замечать повседневности, как поступательного естественного движения ткани жизни, то проживание элементов застоя будет в аналитической паре очень болезненным, иногда даже разрушительным.

Состояние отчаяния просит разрядки – хочется от чего-то непереносимого избавиться. И тогда может появиться другое базовое допущение – поиск мессии – так рождается акцент на будущее, а не на решение проблем в настоящем.

Метафора Сизифова труда звучит очень уместно в случае бессознательной борьбы аналитической пары с реальностью смерти – боли расставания и потери. Именно несогласие Сизифа с конечностью своего бытия сделало его жизнь бессмысленной и наполненной бесконечной рутинной. Это —нарциссическое восстание против закона отца. Принятие смертности — это важный этап развития Эго, обычно формирующийся в латентный и подростковый период.

Именно введение Фрейдом срока окончания терапии внесло элемент смертности – реальности в отношения с Панкеевым. И, как видно, это вдохновило, в первую очередь, Фрейда, придало ему сил. Сам Панкеев и был движим влечением к смерти (которое проявлялось нападением на либидинозные связи), как постоянной игрой в обнуление сделанного. Это, как раз, мнимая смерть объекта зависимости.

В мифе о Сизифе это —момент, когда Сизиф не может держать связь с камнем, отпускает руки и камень свободно катится с горы, а Сизиф получает долгожданную свободу от связи. За время возвращения Сизифа к подножию горы он опять получает доступ к мотивации работать. Но скрытая суть в том, что он не сможет закончить работу, не признав смерть – как естественный фактор реальности и закон.

Мы видим, что в мифе о Сизифе его пугает момент окончания и достижения цели, поэтому он готов переживать бесконечную череду маленьких переносимых потерь, после которых мир останется прежним, а не новым. Помните, с чем не смог справиться

Панкеев у Фрейда – пациент не мог отказаться от привычной жизни.

Поэтому, предполагая такую бессознательную фантазию в аналитической работе, нам необходимо проверить, где и как мы избегаем встречи с символикой смерти.

Это могут быть не до конца проработанные эмоциональные переживания пациента об утрате связи с аналитиком между сессиями или в перерывах и отпусках; избегание воспоминаний о разного рода потерях, в чем бы они ни проявлялись.

Смерть неизбежна. В своё время американский психолог Элизабет Кюблер-Росс на основе собственных наблюдений вывела 5 этапов принятия смерти (новости о смерти): отрицание, гнев, переговоры, депрессия и смирение.

Каждому человеку свойственно особенное переживание этих стадий, а бывает, что этапы проходят не в указанной последовательности. Какой-то период может занять лишь полчаса, вовсе исчезнуть или прорабатываться очень долгое время. Такие вещи происходят сугубо индивидуально. Далеко не каждый человек способен пройти все пять стадий принятия неизбежного.

5 этапов принятия неизбежного – это сугубо личные переживания и опыт, который преобразовывает личность: либо ломает ее, оставляя навсегда в одном из этапов, либо делает сильнее.

Помните, как маленький Сережа Панкеев был воодушевлен идеей бессмертия, как наполнялся жизнью – энергией при мысли о Христе, но потом он узнал, что человек Христос умер и вся его патетика ушла – обесценилась вся жизнь.

Этот очень важный механизм принятия реальности описан в Кляйнианском анализе как динамика параноидно-шизоидной и депрессивной позиций, которые постоянно сменяют друг друга, переписывая старый опыт через новые истории в другие смыслы.

В нашем аналитическом понимании работа Сизифа заключалась в том, чтобы принять неизбежность смерти – боли потерь, против которой он восстал.

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕОДОЛЕНИЕ

Аналитику важно:

- учитывать на какую метапсихологическую платформу он опирается в своей практике;
- быть на сессии без памяти и желания (каждая сессия, как в первый раз);
- не стыдиться чувств несовершенства и безысходности;
- знать, что правда в пациенте;
- вместе оглядываться на пройденный путь – это совместная работа;
- признавать, что эти отношения добровольные и каждый вправе уйти;

Приходит понимание того, что с расставанием не проходит опыт отношений, что история группы будет жить в каждом участнике, что группа дала возможность встречи со своим внутренним театром, который стал доступным для осознания смыслов коммуникаций.

- признавать рост пациента, как обязательное условие потери своего могущества (профессионального и возрастного);
- принять, что пациенты могут не принимать то, что вы считаете важным, а также, что вы не сможете быть абсолютно толерантным ко всему, с чем встретитесь;
- думать об окончании анализа, как об объективной реальности, которая проигрывается в мини версиях в окончании каждой сессии и в миди версиях в перерывах на выходные и отпуска. Версия макси – готовность закончить анализ – вызревает как постепенный процесс сближения психик аналитика и пациента через процессы идентификации и адаптации.
- учитывать параметр силы Эго.

Человек приходит к аналитику, чтобы избавиться от страданий, но готов ли он для этого измениться? Симптомы и привычки — это видимая поверхностность когда-то созданных форм отношений с собой и миром других. Поэтому аналитик, как археолог, восстанавливая картину прошлого, помогает увидеть влияние на выбор в настоящем.

И, помня о важности исследования мотивации, мы с вами, признавая важность закладывания аналитического пути в начале терапии, обязательно говоря о том, что дата окончания открыта, должны так же обговорить, что, когда появится внезапное желание закончить, мы обязательно проводим 3–4 встречи, чтобы понять причину и сделать расставание более мягким. Таким образом, мы метафоре бесконечности, которая часто пугает, придаем реалистичность и это снижает напряжение в работе аналитической пары.

Вывод: нам необходимо не только обнаружить источники, необходимо расшифровать их и найти другие смыслы. Не может ранняя бессознательная детская фантазия (которую сегодня, благодаря доступности психоаналитической литературы, все цитируют на уровне знания желания «убить отца» или «инцеста с матерью»), если пациент ее чувственно не реконструировал в ходе отношений с аналитиком, перестать быть источником искажения реальности.

Поэтому нам нужен Путь и нам нужен Труд, иногда он может стать Сизифовым, если мы останемся в его инфантильной фантазии о бессмертии. На кольце Соломона было написано: «Все пройдет. Пройдет и это». Что может ярче отразить депрессивную позицию и возможность преобразовывать пережитый опыт в символическое и смысловое?

Триединство становления групп-аналитической идентичности – личный тренинг, теоретическая подготовка и практика под супервизорским сопровождением дает прочную основу для профессионального развития с опорой на организацию.

Ребус отношений

Тишкова Татьяна Олеговна

- Клинический психолог, сертифицированный тренинговый аналитик и супервизор ЕАРПП, групп-аналитик и тренинговый аналитик ЕСРР, IAGP.
- Руководитель секции детского анализа РО Москва ЕАРПП, член Президентского совета саморегулируемой организации Национальная Ассоциация «Союз психотерапевтов и психологов», Вице-президент Русского бабинтовского общества.

Групповая ситуация
дает возможность
иного, эмоционального
межличностного взаимодействия,
что в значительной степени
облегчает отказ от неадекватных
стереотипов поведения
и выработку навыков
полноценного общения, и все это
в режиме реального времени.

Группанализ — волнующее предчувствие и много ожиданий, фантазий. До прихода в группу мы не очень-то понимаем себя и другого, еще труднее договориться с этими другими. Каждый приходит со своей матрицей, и они не очень-то поначалу стыкуются, барахтаясь в общем водоеме группы. Группа может ощущаться как лужа, море, океан, пройдет достаточно времени, и потребуется огромное количество общих усилий группы, пока обточатся углы и можно будет, преодолев хаос, организовать общее пространство. Мы хотим сообщить свое послание другим, но буквы рассыпаны, как в известной игре «Эрудит», и надо по букве добавлять, чтобы получилось общее слово, догадаться, какое слово придумал другой, а какое хочешь составить ты сам. Наша цель — понять себя через другого и, в любом случае, слово это будет Сотрудничество в разных его модификациях: эмпатия, любовь, понимание — и сложится оно через страдания, конфликты. Все это — эмоциональный опыт или корректирующее эмоциональное переживание, которое включает несколько аспектов, и прежде всего — эмоциональную поддержку и принятие индивида группой, признание

его человеческой ценности и значимости, уникальности его внутреннего мира, готовность понимать его, исходя из него самого, его собственных отношений.

Группа — как модель реального поведения каждого участника, который проявляет типичные поведенческие стереотипы, и появляется возможность исследования собственной коммуникации, приносящей удовлетворение или вызывающей негативные переживания. Групповая ситуация дает возможность иного, эмоционального межличностного взаимодействия, что в значительной степени облегчает отказ от неадекватных стереотипов поведения и выработку навыков полноценного общения, и все это в режиме реального времени. Эти перемены подкрепляются в группе, участник пробует что-то изменить, и изменения приносят удовлетворение ему самому, позитивно воспринимаются другими.

Группа воспринимается как целое, когда сформирована групповая матрица, и когда она прошла все три позиции базовых допущений: «зависимость», «борьба-бегство» и «образование пар». Это обязательный фундамент для создания рабочей группы. Однако, обычно группа одновременно стремится и сплотиться (потому что участникам

Наша цель – понять себя через другого и, в любом случае, слово это будет Сотрудничество в разных его модификациях: эмпатия, любовь, понимание и сложится оно через страдания, конфликты.

хорошо вместе), и рассыпаться (участникам тревожно и страшно). Представить это процесс можно через борьбу либидо и танатоса.

Групповая ситуация в целом принуждает к повторению травматических событий, и в это время отдельные участники повторно переживают и/или повторяют в настоящем времени в переносе первоначальные травматические отношения со значимыми лицами. Например, в переносе повторяется роль карающего отца, холодной матери или требовательных родителей — и это нормальные явления переноса. С другой стороны, возможно, что участники, повторяя опыт, попытаются поместить других в соответствующие сцены или будут предлагать им разыгрывать четко очерченные, важные для себя роли. Это может быть роль наказанного, покинутого ребенка, или ребенка, к которому предъявлялись чрезмерные требования, — эта роль может предписываться другому, который окажется в позиции травмированного ребенка.

В текущем групповом процессе различные участники группы частично берут на себя роли, важные в биографическом отношении для каждого отдельного индивида. В группе готовность взять на себя роль (через передачу и прием бессознательных сигналов, по Дж. Сандлеру) является более высокой, чем в индивидуальной терапевтической ситуации, и, как правило, протекает спонтанно и без рефлексии через проективные, интроективные и зрелые идентификации.

Рефлексия и обработка этих процессов может привести к инсайту и коррективке старых, а также к интернализации новых образцов отношений. Бессознательный

материал, проявляющийся в повторном оживлении, является центральным для группового анализа. Если перефразировать рекомендацию Фрейда о воспоминании, повторении и проработке, то в отношении группы можно выработать новое определение – «повторение, коммуникация, проработка».

Таким образом, последовательно в группе создается основа для терапевтического сеттинга со многими участниками. В групповой ситуации, открываются возможности расширения и увеличения психологического опыта.

Лечебные факторы «корректирующего эмоционального опыта» и «новых интернализаций» могут быть доступны для участников в защищающих рамках группы.

Я хочу рассказать о подростковой группе 12-15 летних, которая начала работу в сентябре этого года. О том, как спотыкаясь и падая, мы идем к цели. Группа полуоткрытая.

Участники: Владимир — улыбчивый симпатяга, вежливый, конформист, обязательно подстроится под лидера, чтобы ему понравиться. Врунишка, он считает каждый раз, что «прокатит» и не заметят его ложь. Жульничает в играх сам, но контролирует других. Не агрессивен, достаточно терпелив, умен и инфантилен. Учится хорошо, но друзей практически нет, считает, что вокруг много предателей и доверять особенно не стоит окружающим. Живет с мамой и отчимом. Отца видит 2 раза в год.

Егор — выглядит немного недотепой, высокий не по годам, соображает очень хорошо, просчитывает несколько шагов наперед, но есть неравномерность в развитии. Он не агрессивен, старается решать проблемы мирным путем, но, если терпение лопнуло, спрашивает конкретно: «Можно я ему(обидчику) врежу?». Хорошо, что сначала спрашивает, он физически достаточно развит. Семья полная. Есть брат и сестры.

Степан — мечта учителей и бабушек. Опрятен, подтянут, вежлив. Культурная речь. Но глаза жесткие. Язвительен в комментариях и бывает агрессивен. Мгновенно, как вспышка, скажет тихо гадость и замолкает. Надеется, что не услышат. Напрямую не нападает. Родители разведены. Живет с мамой, выходные проводит в новой семье отца.

Никита — ладный, наглый, сытый и надменный, любитель похвастаться и задать 150 вопросов всем, особенно ведущему группы. Постоянно «качает права»: «почему я должен делать это? Докажите, расскажите». Отвлечение внимания на себя — любимое занятие. Родители разведены, живет в новой семье матери. Есть старший и младший братья.

Мила — неземное создание, вне реальности, витает в облаках, внимание рассеянное, но в окружении мальчиков чувствует себя вполне комфортно, ей прощают всякие «косяки» в игре, и она активно пользуется этим. Но бывает уверенной и беспощадной. Живет с мамой.

Ян — веселый, неконфликтный, похож на довольного медвежонка, любознательный и смешливый. Ищет защиты у сильных, в конфликты не вступает. Живет в полной семье, есть старший брат.

Почти все имеют серьезные проблемы с самооценкой и со способностью устанавливать настоящий контакт с другими людьми.

До прихода в группу мы не очень-то понимаем себя и другого, еще труднее договориться с этими другими.

Фоулкс с помощью понятия «феномен зеркала» обозначает возможность для отдельного участника видеть свои страхи, конфликты, желания и симптомы в других членах группы, как в зеркале, то есть, распознать себя в других. Зеркальное переживание является мощным средством освобождения от страха, посредством идентификации с другими членами группы и проекции своих переживаний оно сталкивает каждого участника с теми аспектами его социального, психического и телесного образа себя, которых он раньше боялся и избегал. Поэтому опыт зеркала является эффективным терапевтическим фактором, особенно важным для освобождения от чувств страха, стыда и вины. Распознавание отвергаемого в себе в других и обработка этого на примере участников группы, эффективно даже тогда, когда участник в основном только слушает.

Итак — главные инструменты: игра и обсуждение. Смысл игры — эмоции, азарт, стремление победить любой ценой, способы достижения целей. Все это проживается и обсуждается. Чем активнее игра, типа «Монополии», тем ярче проявляются паттерны поведения — и сразу всплывают жадность, зависть, агрессия. Увидеть зависть другого и сопоставить ее со своей — удивительное открытие. Сначала отрицание, потом осознание и принятие, которое заканчивается смехом, или продолжение отрицания, которое выражается обидой, хлопаньем дверью, отказом играть дальше, обвинениями, криками. А остальные наблюдают и понимают, что тоже ведут себя аналогично. Сначала группа смеется, потом ждет, когда обидевшийся придет в себя и вернется, если этого не происходит, продолжают игру без него. Я комментирую то, что произошло, что он сам эвакуировался и надо найти способ вернуться. Предлагаю ему найти способ или предлагаю группе помочь ему. Он возвращается, его принимают, он вытирает слезы и продолжает игру. Бывает, что благодарит всех потом. Бывает, что не хочет обсуждать произошедшее, и все дают возможность переварить случившееся. Потому что в прошлый раз на месте обидевшегося был другой участник, и он уже знает, каково это — обидеться на всех. Мы обсуждаем чувства тех, кто остался в игре и тех, кто выпал из нее.

В группе есть правило — не употреблять ругательств и слов, эквивалентных бранным. Сказал — иди отжимайся или приседай 10-20 раз, подумай. Не хочешь присесть — не употребляй такие слова. Обычно все адекватно воспринимают этот ритуал. Безропотно отжимаются, еще и соревнуются, у кого лучше получается. В одной из игр Никита засыпал всех «блинами» и его отправили 30 раз присесть. Он сказал — не буду. И играть не буду больше. Хорошо, сиди в кресле до конца сессии, наблюдай. Он был возмущен, он был удивлен, что никто не уговаривает, группа продолжила игру, но она уже поднадоела, и решили сообща выбрать следующую. Ведущим было поставлено условие: пока Никита не завершит миссию с отжиманиями, новую игру не начинаем, поскольку

Групповая ситуация в целом
принуждает к повторению
травматических событий, и в это
время отдельные участники
повторно переживают и/или
повторяют в настоящем времени
в переносе первоначальные
травматические отношения со
значимыми лицами.

надо стартовать всем вместе на равных условиях. Группа вяло строила империю прежней игры, пауза затянулась, но группа молчала и продолжала выкладывать карточки. Никита тоже явно скучал, и ему было стыдно, что все вынужденно застряли, наконец, он пересилил себя и спросил: сколько я там еще должен присесть? Присел и начали новую игру, бурно обсуждая происходящие по ходу действия. Через неделю позвонила его мама и рассказала о своей беседе со школьным психологом, которая отметила, что у Никиты улучшилась коммуникация в школе, конфликты еще есть, но их меньше, с ним удастся договориться в некоторых случаях.

Другая история произошла на безобидном «разогреве». По очереди читали карточки и группе надо было найти правильный ответ. Прочитать карточку с первого раза не удаётся практически никому. Ученики старшей и средней школы читать вслух не умеют. И это реальность. Сначала досталось Егору: ты что, прочитать не можешь? Посыпались эпитеты от Никиты и Степана про дебилов и прочих героев. Потом выяснилось, что никто не смог прочитать 3 строки без запинки. Я спрашиваю: как вам ситуация — на других нападаете, сами не можете прочитать? Перестали язвить и смеяться над Егором. На втором круге у всех уже немного лучше получалось читать, но не знали значения половины слов, пришлось разьяснять, спрашиваю: как у нас тут с интеллектом, кто теперь самый умный? И прорвало. Стали наперебой рассказывать, как им тяжело учиться, как им ничего не объясняют в школе, и только репетиторы разьясняют материал, как их обзывают учителя теми же дебилами и идиотами, и что они могут сделать? Разобрались, нашли виновных и стало понятно, что все одинаково плохо воспринимают учебный материал, что есть проблемы с концентрацией, запоминанием, и это проблемы, которые им предстоит решать. А обзывать друг друга и смеяться над таким же как ты — непродуктивно и нечестно. Решили в дальнейшем каждый раз 10-12 минут читать карточки и искать ответы на вопросы сообща, думать и сотрудничать.

А на следующей сессии Егор рассказал о том, как играли в подобную игру в школе на уроке литературы, какие были смешные ответы и весь класс не мог с некоторыми вопросами справиться, как злилась учительница, а ученики были растеряны. «Но в нашей группе оценок не ставят, — сказал он, — в группе мы учимся справляться с трудными проблемами». «Я был спокоен, — сказал Егор, — и мог наблюдать за происходящим вместо того, чтобы бояться, как это было раньше».

С точки зрения Фоулкса, еще одним действующим фактором является «процесс обмена» - объяснение и информирование, происходящие в группе и позволяющие вести оживленную беседу. Они часто приводят к изменениям эмоциональной ситуации в группе. Таким образом, структуры Я и Сверх-Я могут быть модифицированы посредством толерантности и согласия, в процессе того, как участники узнают, что другие разделяют или смягчают их чувства вины.

«Процесс обмена» - объяснение
и информирование,
происходящие
в группе и позволяющие
вести оживленную беседу,
часто приводят к изменениям
эмоциональной ситуации
в группе.

Чем сильнее переживается единение, то есть «сплоченность группы», тем сильнее становится ее способность переносить индивидуальные различия и межличностные конфликты без страха распада.

Через такую коммуникацию в группе осуществляется социальный процесс понимания собственной личности одновременно с пониманием других и пониманием себя другими. Этим достигается значительное расширение и дифференциация внутриспсихических и социальных функций. Фоулкс видит решающий фактор усиления Я в этой «прогрессивной коммуникации», означающей, что в соответствии с возросшим доверием в группе могут сообщаться все более сокровенные, вызывающие стыд содержания.

Чем сильнее переживается единение, то есть «сплоченность группы», тем сильнее становится ее способность переносить индивидуальные различия и межличностные конфликты без страха распада. Эта уверенность устанавливается, благодаря групповому аналитическому процессу, развитию отношений и опыту возрастающего доверия. По этой причине групповой анализ является особенно подходящим лечением для пациентов с так называемыми ранними травматическими нарушениями (дефекты Я, нарциссические расстройства), которые зачастую страдают от особо сильных страхов разлуки и потери.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГРУППЫ

Начальная стадия групп-анализа наиболее трудоемкая и сложная, так как связана с переживаниями первых трех месяцев «младенчества» — периода, когда происходит интеграция отдельных зон Эго. Общая неопределенность ситуации, слабость обычных психологических защит, отсутствие «особой», индивидуальной связи с ведущим погружают группу в сильную тревогу, при которой архаические процессы дезинтеграции и фрагментации переживаются как реальные, из-за чего участники могут испытывать переживания, ассоциирующиеся с ранними стадиями собственного развития. В работе Нитсана такая тревога называется психотической и рассматривается, прежде всего, как закрытость по отношению к групповому опыту.

Так, позитивные ожидания избавления от страданий, поддержки, установления эмоциональной близости в связи с этой тревогой исчезают или трансформируются в установки «защиты от нападения» со стороны других участников группы, воспринимаемых в качестве «странных» и «враждебных». Попытки обнаружить и понять собственную психодинамику сопровождаются страхом разоблачения (опять же связанным с риском «быть атакованным»).

Перед Хелоуином обычно проводится особенная группа — боремся со страхами. Закупаются небольшие тыквы, в них участники вырезают страшные рожицы, затем внутрь ставится маленькая свеча и в темноте участники группы рассказывают по очереди страшные истории, обсуждают эмоции, способы совладания со страхами в разные периоды жизни с раннего детства до настоящего момента. Боимся вместе и вместе выбираемся из «темной ямы». В темноте при свечах не стыдно рассказать о своих

страхах, вместе проживать не так страшно, обычно справляемся. В этом году все уложились в заданное время. Быстро вырезали страшные рожи и ждали, когда закончит свое произведение Степан. Через некоторое время группа предложила Степану оставить все, как есть: уже страшненький персонаж, начинаем. Но он упорствовал, то глаз недостаточно сделан, то уши не торчат. Время идет, все ждут, томятся, Степан режет тыкву. Все устали и стали предлагать помощь, хотелось уже начать рассказывать. И тут я понимаю, что он просто боится этих страшных историй. В прошлом году после тыквенной сессии в средней группе он признался, что боится «страшилок». Я спрашиваю: «Ты тянешь время, потому что не хочешь рассказывать и слушать истории? Можно не делать этого, если тебе дискомфортно». «Нет», — ответил Степан, он закончил наконец, и мы приступили. Его история была самой длинной, самой стройной и захватывающей. Оказалось, что все это время он сочинял свою историю, поэтому так долго не решался закончить резьбу по тыкве. Он сказал, что в этот раз уже не было страшно, только в самом начале, но потом он справился, зато остальные участники, говорили, как трудно было озвучивать свои страхи, они не предполагали, как это сложно, и именно рассказ Степана помог справиться с ситуацией, потому что в его истории все закончилось хорошо. Тыквы они утащили с собой — пугать родственников.

Следующий этап начальной стадии отсчитывается с того момента, когда у участников уже сформированы первые впечатления от группы, завязались определенные контакты с некоторыми участниками группы и дирижером, возникла (или усилилась) мотивация к продолжению такой психологической работы. Согласно законам «слоеных» моделей групп-анализа, чуть-чуть освоившись в группе, участники начинают бороться за ее «любовь» и власть в ней. Это может приводить, как к конфронтациям в группе (например, в форме инфантильного гнева на ведущего за то, что он собрал именно этих людей, что он не структурирует группу и т. п.), так и страху перед деструктивными тенденциями, что, в свою очередь, вызывает тревогу.

Одним из характерных признаков перехода на этот этап служит появление в общей коммуникации высказываний типа «ты должен» и оценок поведения других участников.

Для этой стадии характерна агрессия, но она никогда не бывает однородной. Так, в группе наряду с ярыми «противниками» всегда обнаруживаются и горячие «сторонники». Пропорция и пространственное расположение тех и других позволяют выявить характерологические особенности участников. «Лидеры» данной стадии, нападающие первыми и наиболее активно, чаще всего проявляют проблемы зависимости (контрзависимости), от которых они защищаются путем формирования реактивного образования. Напротив, участники, встающие «на защиту» ведущего, обычно имеют в своем жизненном опыте случаи привязанности к «ненадежным» объектам. Их защита имеет под собой бессознательную фантазию об образовании вместе с ведущим альянса против других участников группы.

В какой-то мере можно говорить
о том, что, обозначив свои
границы, группа «объединяется»
против всего остального мира.

Это отдельная история — телефоны. Они жгут карман, руки постоянно тянутся проверить, что там внутри происходит. Звуки пришедших смс сообщений сверлят мозг всем, поэтому в группе существует правило: вошел в кабинет, положи выключенный телефон на полочку, на выходе заберешь. Большинство — понимает — правило надо соблюдать. Но оно не для всех. «Вы не имеете права забирать личное имущество, этот телефон мне купил папа и он мне разрешает везде с ним ходить. И мне должна позвонить мама вот прямо сейчас». Никакие доводы не помогают — Никита «качает права», все с интересом наблюдают. Я спрашиваю: «Ты чего добиваешься? Конкурируешь со мной? Хочешь быть главным и вести группу? Можем решить сообща, если группа выберет тебя ведущим, я согласна на эксперимент. Мой телефон, выключенный, лежит в сумке, могу положить его на полочку для соблюдения общего правила, но тебе тоже придется выключить телефон, пока ты будешь вести группу». Но остальные участники не признали в нем лидера, не согласились на эксперимент и пришлось Никите выключить телефон. Владимир, Егор, Ян предлагали разные варианты, как отобрать у Никиты телефон, как его самого удалить из группы,

Опыт зеркала является эффективным терапевтическим фактором, особенно важным для освобождения от чувств страха, стыда и вины.

было раздражение на ведущего: вы не можете справиться с ним? Было предложение помощи вплоть до стремления поддержать всем вместе Никиту, пока он не выпустит из рук телефон. Мила и Степан держали нейтралитет и предлагали позвонить его родителям. Никита, насладившись спектаклем, нехотя отдал телефон, но группа злилась из-за потерянного зря времени и на меня, и на Никиту. В следующий раз,

Никита снова хотел оставить телефон в кармане, но его возмущение: «а почему, а какое вы имеете право» потонуло в общем хохоте. Но Никита не сдался. На одну из сессий он пришел подготовленным и сказал, что в Конституции защищены права детей и я не имею права отнимать личное имущество у ребенка без его согласия. У меня есть Конституция в кабинете, я взяла ее с полки и протянула Никите: «Найди мне это место в Конституции, прочитай вслух и я подчинюсь закону». Он так испугался, что быстро убрал телефон на полку и смиренно поглядывал на всех. Никто не смеялся. И всем и ему стало понятно, что бунт ради бунта неинтересен, что соблюдать правила и законы, установленные в группе необходимо, равновесие и спокойствие восстановилось. Всю сессию Никита пытался задавать провокационные вопросы, но они гасли в пространстве группы. В дальнейшем такие провокации стали все реже и затем прекратились.

Начальный период формирования группы заканчивается тогда, когда группа объединяется путем определения собственных границ, подобно тому, как ребенок в условиях благоприятного окружения становится способен различать Я и «не-Я». З. Фоулкс считал понятие «границы группы» аналогичным коже человека, которая и отделяет, и объединяет человека с внешним миром.

На этой стадии развития групповой сплоченности (актуальной плоскости, по терминологии З. Фоулкса) и разворачивается основная психотерапевтическая работа. Рост внутренней раскрепощенности, самораскрытия, сближения между участниками, взаимной

поддержки приводит к тому, что непосредственно всплывающие проблемы или те, которые были вскрыты на предыдущей стадии, обсуждаются и прорабатываются более глубоко и эффективно. В какой-то мере можно говорить о том, что, обозначив свои границы, группа «объединяется» против всего остального мира.

В групповой ситуации
открываются возможности
расширения и увеличения
психологического опыта.

Про любовь. Пока еще рано говорить об этом, но уже проявляется любовь участников группы ко всей группе. Участники считают членов группы лучшими друзьями, родители отмечают, что они всю неделю фантазируют о группе и стремятся попасть в нее. Также можно наблюдать любовь участников группы друг к другу. Любовь в группе предстает в 2 основных проявлениях:

- в отношении к группе в целом
- в отношениях между ее участниками

Под словом любовь будем понимать всякую привязанность либидинозного характера. Либидо никогда не выступает в чистом виде. Всегда в амбивалентном единстве с агрессивностью.

Любовь участника группы к ведущему. Отношение к ведущему можно считать особой, формой привязанности. Ведущего считают центральной персоной в группе, отводят ему место первого среди равных. Любовное отношение отдельных участников группы к ведущему должно вызывать вопрос: является ли оно возможным откликом на ощущение и поведение самого аналитика?

Любовь ведущего к участнику группы часто отрицается. В виде нереализованных чувств в форме абстиненции эта любовь присутствует повсеместно. Участники группы ревностно следят за отношением ведущего ко всем участникам. Никита так и говорит: «конечно, это ваш любимчик», в тех случаях, когда я поддерживаю кого-то другого, но не его.

Пока наша группа прошла стадию знакомства участников друг с другом и ведущим. Еще не прошла стадию агрессии и на пути к устойчивой работоспособности: создаются правила деятельности; группа готовится к решению своих задач. Пока вопросов больше, чем ответов, и мы еще не сложили свое общее слово из рассыпанных букв. Ребус не решен.

Все члены группы проявляют себя каким-либо образом. Постепенно идет структурирование группы с учетом желаний участников, идет распределение ролей: лидера, наблюдателя, оппозиционера.

Впереди фаза конфликтов и протеста. Появляется тенденция к соперничеству, идет кристаллизация ролей. Преобладающие эмоции — тревога, напряженность, враждебность. Встречается открытая конфронтация с ведущим группы, иногда объект агрессии — один из участников группы. Но уже формируется чувство принадлежности к группе, осознание всеобщего «мы». Появляется искренность в выражении чувств, группа способна обеспечить развитие личности.

Продолжаем. Следующая буква пока рождается.

Мужчина как ценность в групповой психотерапии

Черкас Полина Олеговна

- Психоаналитический терапевт
- Преподаватель психологии
- Исполнительный директор Центра психотерапии и психоанализа МШГА
- Сертифицированный тренинговый групп-аналитик и специалист ЕАРПП
- Онлайн терапевт АСТО

Ведущий может брать на себя
«мужские функции»
вне зависимости от пола.

Мне хотелось бы порассуждать о мужчинах в группах. Я попытаюсь обозначить основные направления размышлений, когда я задумываюсь о роли мужских фигур в групп-аналитических процессах, и обозначить несколько важных особенностей наличия мужчины в группе:

- инаковость. Наличие в группе разных полов автоматически создает пространство для изучения «другого». Это «другое» может провоцировать различные чувства у участников, особенно если группа была гомогенной в начале.
- реальность вместо фантазии о мужчине. В группах, даже если там нет мужчины, всегда присутствует фантазия о мужчинах. Женские группы рано или поздно задаются вопросом: «Почему среди нас нет мужчин?».

Когда мы говорим о том, что группа без мужчин имеет свои особенности в динамике, это не значит, что она работает «хуже» или «лучше». Это всего лишь означает, что это — некое особое пространство, в котором нет буквальной телесной

Когда мы говорим о том, что группа без мужчин имеет свои особенности в динамике, это не значит, что она работает «хуже» или «лучше». Это, всего лишь, означает, что это – некое особое пространство, в котором нет буквальной телесной инаковости и урезана часть эмоциональной (так как наши эмоции связаны с нашим телом).

инаковости и урезана часть эмоциональной (так как наши эмоции связаны с нашим телом). Возможно, участницам группы в этот период необходимо именно такое пространство, особенно это актуально, если ни один мужчина не остается в группе при условии, что та была медленно-полукоткрытой и было время для добора.

Пол и гендер. Этот вопрос неоднократно возникал в группах, которые я веду, и возникал у меня самой.

Я, как ведущая — женщина, иногда пользуюсь метафорой Шиндлера, говоря о том, что ведущий выполняет отцовскую функцию, в то время как группа — материнскую, а каждый из участников — сиблинговую. Интересно, что таким образом мы делаем предположение о том, что ведущий может брать на себя «мужские функции» вне зависимости от пола. Ведь ведущая — женщина — символически тоже папа, верно?

На самом деле, я все чаще думаю о следующих вещах в этом направлении:

1. Группа — очень мудрый организм. Она собирается ровно тем составом, который необходим. И иногда мы, как ведущие, еще не понимаем: почему так? А групповая динамика уже точно «знает» — так лучше. Например, однажды у меня в группе была женщина, которая с большим сопротивлением проходила в нее примерно два месяца. Затем она ушла по личным обстоятельствам. Через какое-то время она вернулась уже в другую группу и в ней проявляла себя совсем иначе. В какой-то момент она призналась, что смогла остаться в этой группе, потому что в ней нет мужчин, а она может чувствовать себя безопасно только с женщинами. Является ли это сопротивлением? Наверняка. Но, если это сопротивление такой силы, что оно буквально не дает удерживаться в терапевтическом процессе, мне кажется, что иногда преодолеть его возможно, только пойдя на уступки.
2. Женские группы полны фантазий о мужчинах и разговорах о них. Зачастую можно столкнуться с тем, что кто-то из участниц говорит о том, что «берет на себя мужскую роль» (очень хорошо позволяет исследовать вопрос того, что же такое «мужская роль») или же, наоборот, можно услышать обесценивание мужской фигуры «да и хорошо, что их тут нет» (и это «как хорошо, что их нет» обсуждается на протяжении очень долгого времени). Так хорошо, что мы потратим все группу на то, чтобы обсудить, как нам замечательно. Конечно же, чаще всего за этим стоит очень большая уязвимость.
3. Относительно женщин-ведущих, применяющих образ «отцовской фигуры». Мне кажется важным, что в каждом из нас есть мужское и женское. Так же как у каждого есть отец и мать. Думаю, очень важным для групп-аналитиков является вопрос того, как это мужское и женское уживается у нас внутри (если, конечно, уживается).

Первостепенный момент для любой группы, на мой взгляд, чтобы ведущий или ведущая были искренними, любили то, что они делают, и вместе с группой хотели изучать процессы, в ней происходящие.

Можем ли мы обращаться за поддержкой и теплом символически к своей внутренней «матери», когда это необходимо, и опираться на законы и границы внутреннего «отца»? В тексте моего доклада мать и отец взяты в кавычки не просто так. Ведь мы встречаемся с сотнями разных историй, в которых эти роли смешаны и выбиваются из привычных «мужских» и «женских». Кто-то за теплом шел к дяде, кто-то к отцу, кто-то к дедушке.

Вот и выходит, что первостепенный момент для любой группы, на мой взгляд, чтобы ведущий или ведущая были искренними, любили то, что они делают, и вместе с группой хотели изучать процессы, в ней происходящие.

Мне кажется, что в области групп-анализа речь идет не про пол. И даже не про гендер. Речь идет про то, чтобы ведущий имел возможность сочетать внутри себя множество разных ролей и идентичностей. Потому что сегодня группе может быть необходима достаточно жесткая рука, направляющая ее и удерживающая от захлестывающей волны эмоций, которая несет реальную угрозу дальнейшему существованию. Завтра — заботливые, теплые руки и сопереживающие глаза. А послезавтра — растерянный, искренне тревожащийся групп-аналитик, не знающий, что делать, и способный признать свои ошибки, оставаясь в контакте с другими.

Для меня «мужское и женское» в группе — это о возможности быть разными, но вместе. И думаю, наше профессиональное поле должно так же поддерживать нас в этой способности.

Путь и предназначение группы

Гречко Владимир Александрович

- Магистр психологии, психоаналитик, групповой аналитик, организационный психолог, заместитель председателя РО УФА ЕАРПП, председатель комитета по науке РО УФА ЕАРПП.
- Преподаватель Международной Школы Группового Анализа.

Размышляя о теме Первой Межрегиональной конференции по групповому психоанализу в Уральском регионе: «Вожаки Стаи: Судьба Власти в Группе», в первую очередь, хочется обсудить несколько мыслей о словах, используемых в названии применительно к групповым процессам.

На вопрос о «Судьбе» в философии существует множество точек зрения. Классическое понимание понятия «Судьба», отсылает нас к предопределенному. И, если мы говорим про групповой психоанализ, то в чём может быть это предопределение: в фантазии и желании ведущего, на которого собирается группа или же в матрице группы, которая сформировалась изначально? Мы могли согласиться с этим детерминистским подходом «предопределенной судьбы группы», если бы не учитывали вопрос психодинамики групповых процессов.

Классическое понимание понятия «Судьба», отсылает нас к предопределенному. В чём может быть это предопределение, если мы говорим про групповой психоанализ: в фантазии и желании ведущего, на которого собирается группа или же в матрице группы, которая сформировалась изначально?

Ещё до первой групповой сессии участник уже фантазирует о том, что будет группа для него «значить», как он с ней будет обращаться и что ему важно от неё брать.

Ещё одно толкование судьбы звучит следующим образом: «Человек обладает свободой воли и сам формирует свою судьбу решениями». Тогда, чем обладает группа и что определяет её судьбу? Из теории мы знаем, что группа собирается на ведущего. То есть и на его проявления – желание собрать группу и бессознательное.

А что, если судьба — это путь, в котором есть нечто определенное и, в то же время, зависящее от субъекта? А судьба группы — это путь нескольких людей, собранных в одном пространстве, будь оно в материальном мире или созданное онлайн. Чем тогда определяется её судьба? Что в ней предопределено, а что зависит от её воли?

Из теории мы знаем, что группа всегда сильнее индивида. Также, как и группа сильнее дирижёра.

В чем определенность судьбы группы:

1. Бессознательное дирижера, из которого может строиться его набор переносных и контрпереносных реакций на группу.
2. Опыт дирижера, его ограничения, подход к ведению групп и собственный опыт нахождения в группе.
3. Изначально сформированная матрица группы. На какую идею собиралась группа?

В чем произвольность судьбы группы:

1. Способность дирижёра использовать интервенции, помогать группе справляться с сопротивлением и защищать группу.
2. Способность группы преодолевать сопротивление и выдерживать тяжелые переживания, помогая друг другу.
3. Внешние процессы, мешающие группе, и способность дирижёра и группы преодолевать их.

Говоря о судьбе власти в группе, можно представить три толкования:

1. Распределение власти между участниками в группе/её динамика/механизмы/экономика.

Этот пункт отражает следующее: как и в какой момент тот или иной участник или несколько захватывают власть в группе? Как изменяется и распределяется власть в группе между участниками? Здесь символически отражена борьба между сиблингами.

2. Отношение участников к дирижеру.

Группа берёт на себя определенный уровень власти над дирижером. В какой-то момент группа может быть оппозиционной по отношению к дирижеру, что важно принимать во внимание и предотвращать.

3. Способность группы управлять группой, воздействовать на судьбу группы.

Если группа — это целое, то у неё есть путь. Группа, как движущая сила, которая куда-то направлена, чем-то вызвана, вокруг чего-то объединена.

Способность группы управлять группой возникает тогда, когда большинство участников договорились о «предназначении» группы.

Предназначение, также как и судьба, может толковаться, с одной стороны, как нечто predetermined, и тогда, мы говорим о том, что предназначение группы в концепции predetermined-

сти – это основная задача группового анализа – создание рабочей группы. Рабочая группа – психическая активность участников, направленная на решение сознательно поставленной задачи.

Если же говорить о предназначении, как о функции или задаче, которую выполняет группа для отдельного участника, то это и становится камнем преткновения в групповой работе. Каждый участник приходит на группу с собственными ожиданиями, фантазиями и потребностями. Ещё до первой групповой сессии, участник уже фантазирует о том, что будет группа для него «значить», как он с ней будет обращаться и что ему важно от неё брать. Противоречивость ожиданий и фантазий, потребностей, желаний членов группы от группы можно обозначить как «Конфликтные предназначения группы».

Можно выделить три конфликтных предназначения, с которыми мы чаще всего встречаемся на группе:

1. Группа как вещь

Это уровень восприятия группы как предмета, с помощью которого наш пациент что-то удовлетворяет, а также состояние участника, в котором для участника группа существует, только когда он на ней присутствует. И здесь стоит сказать, что даже в этом случае группа является всего лишь тем, что участник использует. В речи можно слышать: «Я могу сделать с группой и на группе то, что хочу», «без меня группа не существует», «Я не думаю о группе и не вспоминаю о ней», «Группа — это то, что я использую, как мне нужно».

2. Группа как функция

В данном виде предназначения группа становится тем, что выполняет для субъекта какую-то функцию и именно так, как это требуется субъекту и никак иначе. На этом уровне предназначения группа уже не вещь, но ещё не то, что можно назвать рабочей группой. Участник пытается устанавливать по отношению к группе свои собственные правила. Например:

- а. «Группа должна контейнировать, всё, что я говорю, не давать мне обратную связь и ничего в ответ, если я не спрашивал».
- б. Группа как стабилизатор - когда группа используется как опора, с помощью которой регулируется психическая деятельность. Часть или полное «Я» помещается в группу, и участник не может функционировать без группы. Группа — это Я, Я – это группа – Слияние.

Способность группы управлять группой возникает тогда, когда большинство участников договорились о «предназначении» группы.

- в. Создание идеальных достигаторов/хороших людей. Попытка сделать группу тем, что избавит от «ничтожества», уберет недостатки, сделает могущественным и беспроblemным.
- г. Нарциссическая функция. Она встречается у студентов психоаналитиков. Собственный анализ и групповой анализ в качестве участника группы, рассматривается и преподносится другим, как то, что делает меня круче и лучше. Слова дирижера идеализируются, участник говорит на группе про озарения там, где их не было. Демонстрация другим, что группа выполняет удовлетворяющую функцию и группа — это что-то очень крутое. Группа должна подтверждать мои успехи, поддерживать всегда и во всём.

3. Группа как объект

Данный вид конфликтного предназначения рассматривается как форма переноса участника на группу, который превращается участником в свод правил, транслируемых группе для адаптации происходящего на группе под свои психические защиты. В том числе, попытка сделать из группы идеальную мать.

а. Разыгрывания и отыгрывания.

Участник группы говорит: «на группе можно кричать друг на друга, так мы переживаем чувства». Можно не считаться с чувствами других. Участник использует отыгрывание для разрядки психического напряжения, а не для исследования его природы.

б. Мы должны переработать всё, что есть внутри каждого.

Участник утверждает, что предназначение группы — это переварить всё, что приносят участники и никак иначе.

в. Группа поможет нам стать чем-то большим для этой жизни.

Идеализация группы, как объекта, который выведет субъекта к чему-то возвышенному.

Конфликтные предназначения выделены для того, чтобы мы могли опираться на то, что говорит человек, получили дополнительную точку обзора на речь участников группы. Функция — это то, что участника группы обслуживает, вещь — это то, что он использует, а объект — это то, обо что участник группы ударяется, то есть взаимодействует.

В современных реалиях, когда людьми из бизнес-среды группы рассматриваются как возможность убрать свои недостатки, стать супергероями, а людьми, знакомыми с психотерапией, группы рассматриваются как место, где они могут лучше себя узнать и справиться с тяжелыми чувствами, неизбежно возникает борьба за «предназначение группы».

В борьбе за предназначение группы участники сталкиваются со своими защитами, сопротивлением и моделями отыгрывания. Каждый участник защищается от:

- Чувства исключенности и брошенности
- Неуникальности и бессмысленности
- Ничтожества, неполноценности и отвержения
- Уязвимости и страха разоблачения
- Зависимости от группы и страха потери себя

В борьбу за предназначение группы также вторгаются «полярности власти» в группе:

- Мужчины и Женщины

Например, кого у нас больше, кто сильнее, кто имеет больше прав, кто кому должен уступать.

- Младшие и Старшие

Кто раньше пришёл в группу? Кто получает больше любви? У кого больше прав?

- По уровню актуальности проблемы

Кто сейчас должен говорить, у кого боли больше или кому актуальнее?

При возникновении полярностей и противопоставлений в группе также возникает поле для утверждения предназначения и собственного места в группе конкретного участника. Диалог группы о полярностях поднимает множество чувств участников по отношению к своим сиблингам, сверстникам своего и противоположного пола.

В группе при попытках забрать власть используются:

1. Чрезмерная драматизация обычных ситуаций (когда участник рассказывает обычную историю, но окрашивает её более сильным аффектом, чем он сам переживает).
2. Театр абсурдных историй про соседей (когда участником рассказываются истории, никак не относящиеся к жизни и чувствам участника группы).
3. Попытка двигаться в кадре или впадать в анабиоз (участник совершает много различных действий с целью переключить внимание группы, либо наоборот замирает).
4. Манипулирование уходом (постоянно говорит, что выйдет из группы, особенно в те моменты, когда участник исключён из темы группы, либо при появлении новых участников).
5. Нападение на других участников резкими режущими вопросами (особенно на новых участников: в группе задаётся множество вопросов на болезненные для другого темы, попытка вызвать болезненные переживания).
6. Попытка сделать из оппонента козла отпущения (показательное удивление и недоумение о неспособности, ошибках участника группы, попытка объединить группу против участника).

Участник, пытающийся навязать своё предназначение группе и в попытке овладеть «матерью» целиком, злясь на «младшего или более слабого ребенка», говорит: «Дай мне время, и я тебя отсюда выживу». Затем участник за участником уходит из группы, и в символическом поле звучит молчаливое, но злое: «Один.. ещё один.. ещё один».

Участник, пытающийся утвердить своё предназначение для всей группы при неспособности группы отследить «истребление неугодных», испытывает триумф, как испытывает триумф сиблинг, победивший другого сиблинга и захвативший мать, которая кружится теперь вокруг него.

Группа является всего лишь тем,
что участник использует.

Функция — это то, что участника группы обслуживает, вещь — это то, что он использует, а объект — это то, обо что участник группы ударяется, то есть взаимодействует.

Но при развитии группы, с приходом новых участников, укреплении «старичков», рано или поздно в группе возникает вопрос: кто будет отвечать за «убийство» новых участников? В группах, где за потребностью утвердить предназначение группы исключается молодая и опасная кровь, рано или поздно «преступник вырастает до вины». Особенно, когда группа смогла сохранить свой основной костяк.

Становится понятно, как и почему уходят участники, почему так быстро забываются их имена. Вот несколько условий, помогающих это обнаружить:

1. Преступление стало рецидивом. (Если несколько человек были «изгнаны из группы», а участник, который проделывает это, являлся участником конфликта с теми, кто покинул группу, запутывать следы становится невозможно).
 2. «Мирные жители выявили мафию» и больше не позволяют ей «убивать». Участники поняли, в чем проблема группы, и они стали оберегать группу от действий провокатора. Произошла проработка утрат.
 3. В группе сменились правила (например, мы вводим правило о равном распределении времени для участников на группе и таким образом мы не даём много пространства для того, кто пытается захватить мать).
 4. Родился сильный и смелый ребенок. В группу пришёл участник, который способен постоять за себя и поставить на место старшего, который пытается его изгнать.
 5. Мафия решила раскаться в силу личных обстоятельств и наблюдений. У участника что-то произошло и натолкнуло на мысль, что из-за него ушли другие участники.
- «Раскаявшийся преступник» может угрожать символическим суицидом (выход из группы, условно: я плохой, и я не должен на этой группе быть). Попытка вытянуть внимание группы на себя с другой стороны.
 - Демонстрировать своё равнодушие к своей страсти – мне неинтересно больше бороться за власть.
 - Скрыто продолжать совершать преступление. Приходит новый участник, которому наш преступник начинает задавать колющие вопросы.

А теперь давайте рассмотрим несколько вариантов «оружия» в онлайн группах:

1. Выключить звук на устройстве, чтобы не слышать группу.
2. Свернуть окно Зума (я слышу группу, но не вижу).
3. Скрыть видео одного участника (участник, вызывающий множество чувств, удаляется из всех окошек). Так, можно кричать на того, кого фактически нет, ты слышишь оппонента, но не видишь его.
4. Выход из групповой сессии в ответ на речи конкретного участника (выход из онлайн группы (зума) в тот момент, когда говорит тот, кого наш участник хочет изгнать из группы).

5. Привнесение стороннего предмета в момент выступления конкретного участника (новый участник рассказывает о себе, а наш борец вносит в кадр кошечку или что-то ещё).

Нам важно возвращать участников к групповому процессу, формируя рабочую группу, так как группа – пространство, где участники узнают себя и разрешают психологические трудности. Нам важно говорить группе:

1. То, что говорится в группе, как-то относится к группе, жизни рассказчика и как-то относится к жизни каждого.
2. Сообщать о том, что у нас ещё достаточно времени (время работы группы), чтобы говорить о том, что беспокоит.
3. Использовать групповую интерпретацию, а не личностную. То есть, говорить с группой о группе. Например, каждый участник — это отражение материнской фигуры участников. Существуют такие матери, которые....
4. Группа помогает участнику, и участник помогает всей группе.
5. Важно говорить в группе, исходя из чувств, говорить то, что считаете важным и нужным сказать, о том, что приходит в голову.

Исследуя вопрос борьбы за предназначение группы, стоит сказать о том, что каждая группа уникальна и предназначение она выбирает сама, проходя через тернистый путь преодоления зависти, ревности, конкуренции, ненависти к возможности сотрудничества, нахождению компромиссов и созданию рабочей группы.

Конкуренция в психоаналитическом профессиональном сообществе

16-17 декабря 2023 года прошла первая в Уральском регионе международная онлайн-конференция по групповому анализу, посвященная теме: «Вожаки стаи. Судьба власти в группе». Организаторами конференции выступали: Международная Школа Группового Анализа и секция группового анализа ЕАРПП РО-Екатеринбург.

В рамках конференции секцией группового анализа была проведена дискуссия на тему «Конкуренция в профессиональном сообществе». В статье представлены материалы дискуссии, объединяющие размышления трех разных авторов на эту тему.

Селивёрстова Анна Германовна

- Психолог-психоаналитик, групповой терапевт
- Член Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии, ЕСРП (Vienna, Austria)
- Председатель орг. комитета секции группового анализа РО-Екатеринбург МОО ЕАРПП

Колосовская Авелина Сергеевна

- Психолог, психоаналитик, групповой аналитик
- Член Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии, ЕСРП (Vienna, Austria)

Мельникова Лидия Викторовна

- Клинический психолог, психоаналитик, групповой терапевт
- Член Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии, ЕСРП (Vienna, Austria)

К СЧАСТЬЮ ИЛИ К СОЖАЛЕНИЮ, КОНКУРЕНЦИЯ ЕСТЬ.

Селивёрстова А.Г.

Одна из базовых человеческих потребностей — в социальных связях, и она признана удовлетворяться в обществе. В профессиональной организации, прежде всего, должна удовлетворяться потребность в рабочих связях.

Профессиональное сообщество предполагает наличие структуры, внутренней иерархии, где есть уровни, на которых пропорционально находится разное количество членов этой организации. Стремясь к объединению, которое дает чувство сопричастности, мы собираемся в одном месте, а значит, сталкиваемся и нам не избежать соперничества и конкуренции.

Большинство философов и экономистов рассматривают предположение, что иерархия — результат конкурентной борьбы — и в обществе этот миф активно эксплуатируется.

Важно обратить внимание на само понятие конкуренция. Существуют различные подходы к рассмотрению и толкованию этой формы социального взаимодействия (в экономике, в биологии, философии). Эти подходы объединены наличием антогонистичности (то есть противостояния).

В психологии конкуренция — это стремление индивидуумов достичь определенной цели, одновременно с попыткой превзойти других людей, которые также стремятся к этой цели. То есть конкуренция случается тогда, когда присутствует общая цель. У сообщества она прописана в уставе. У ее членов эти цели могут различаться. Более того, за внешней социальной целью может стоять глубинная (бессознательная) цель. Но раз мы боремся (сталкиваемся где-то в одном месте), то, следовательно, у нас есть единая цель, как внешняя, так и бессознательная.

От нас, психологов, требуется стремление сохранить аналитическую позицию, нейтральность и возможность исследования происходящего. Эти условия предъявляются в кабинете при непосредственной работе. И, чем лучше мы реализуем принципы внутри кабинета, тем мы эффективнее, логично предположить, что и более конкурентоспособнее в сообществе специалистов. Но ведь наша эффективность внутри кабинета и конкурентная деятельность в организации — это разные вещи.

Возможно, некоторые приходят в психологическую профессию именно для того, чтобы избежать конкуренции. Вернемся к мифу о том, что иерархия — это результат конкуренции. По этой логике отсутствие стремления участника сообщества к конкуренции может отменить идею самой иерархии.

Однако, по Фрейду, появление ребенка (или нового члена) в базовой группе (семье или сообществе) является, по умолчанию, конкурентным поведением. Ребенок вступает в борьбу одним фактом своего появления. Он вызывает дисбаланс в сформированной системе, забирает внимание. Если мы — рядовые члены организации — не имеем особых запросов на конкуренцию, то мы все равно являемся частью иерархии и тем самым боремся за лучшее место в ней.

Получается, нам не избежать конкуренции в профессиональном сообществе. Наше общее преимущество — осознанно не вытеснять эту тему.

О КОНКУРЕНЦИИ С РОДИТЕЛЬСКИМИ ФИГУРАМИ, ОТЦЕУБИЙСТВЕ И БРАТОУБИЙСТВЕ.

Мельникова Л.В.

Профессиональное сообщество — прекрасный плацдарм для проработки эдипова комплекса. Иерархия профессиональной организации, безусловно, дает толчок для оживления эдипального конфликта, который является естественной и важной стадией развития личности. Самая необходимая и горькая правда, которую ребенок усваивает при прохождении этого периода: то, что он — не взрослый, а чтобы стать взрослым, ему придется потрудиться. Придется приложить усилия, чтобы вырасти.

Молодой психоаналитик оказывается в схожей ситуации: начинающему специалисту для того, чтобы добиться признания и любви в профессиональной среде, тоже нужно вырасти. Получить специальную подготовку, пройти личный анализ, начать практику, погрузиться в научные исследования и т.п. Профсообщество дает хорошую возможность для этого. Есть статусные аналитики — идеализированные родительские фигуры, чьей благосклонности и поддержки добиваются молодые специалисты. Часто в этом сообществе присутствуют преподаватели, которые изначально открывали для специалиста тайны профессии. Вероятно, там находится и терапевт молодого аналитика. И, скорее всего, супервизора он выберет из того же сообщества. В этом кроются сложности: пересечения и переносы дают почву для разыгрывания и уследить за тем, как разворачивается эдипальный конфликт, бывает сложно даже опытным аналитикам.

Во-первых, сама ситуация, когда молодой коллега имеет возможность взаимодействовать со своим аналитиком не только в кабинете, таит в себе множество возможностей для отыгрываний.

Во-вторых, перенос формируется не только на терапевта, но и на другие идеализированные статусные фигуры, и часть динамики может разыгрываться в отношениях, где рамка соблюдается не так строго (например, с супервизором или преподавателем).

В-третьих, существует вероятность, что отыгрывать будет не только анализант, но и терапевт. Как бы нам ни хотелось соблюдать принцип нейтральности, это бывает затруднительно сделать даже в кабинете, не говоря уже о месте, где терапевт сам может находиться в ситуации конкурентной борьбы.

Последний вариант хотелось бы рассмотреть особенно внимательно, учитывая, что формирование профессиональной идентичности может напрямую зависеть от этого разыгрывания.

Что мы знаем об эдипальном конфликте? Он проходит в возрасте от 3 до 6 лет. В этот период ребенок начинает соперничать с родителем своего пола за внимание и любовь родителя противоположного пола. Ребенок стремится встать на один уровень с мамой или папой и занять, таким образом, партнерское положение. Именно это желание порождает внутренний конфликт, ведь ребенок занимает более низкую ступень в системе семейной иерархии. Для успешного прохождения этого конфликта, подрастающий человек должен проиграть в борьбе с родителем своего пола. Проиграть, но остаться с ощущением, что он не лишился родительской любви, и родители готовы заботиться о нем, помогать осваивать непростой путь взросления. Если в этот период ребенок будет

лишен опыта здоровой конкуренции с родителем (например, в силу незрелости самого родителя), то в дальнейшей жизни ребенок будет испытывать сложности в ситуациях, где требуется активность и соревновательность. Соперники могут отождествляться с кастрирующей родительской фигурой и вызывать сильные чувства страха, злости и обиды. Или ребенок останется с ощущением всемогущества и будет выстраивать все дальнейшие отношения по типу слияния, создавая ситуацию обоюдной зависимости.

Негативное разрешение эдипа происходит, если родитель занимает одну из следующих позиций:

- *Незрелая* родительская позиция. Вступая в конкуренцию с ребенком, родитель того же пола сам становится злым, жестоким ребенком, готовым убить соперника.
- *Отстраненная* родительская позиция — родитель обиженно удаляется из пары, сдавая свои позиции ребенку.
- *Чрезмерно контролирующая* позиция. Контроль может проявиться, как со стороны родителя того же пола (когда родитель вмешивается во все дела и начинания ребенка), так и со стороны родителя противоположного пола (когда родитель чрезмерно контролирует собственные либидинозные чувства по отношению к ребенку).

В профессиональном сообществе есть возможность для отыгрывания в рамках всех трех негативных сценариев. Если мы обратимся к мифологии и вспомним отца Эдипа, Лая, станет понятно, с чего начиналась эта история отцеубийства. А именно: со страха, который одолел Лая после предсказания оракула о том, что рожденный им сын убьет его. И этот страх заставил Лая бросить своего маленького сына в безлюдной местности со связанными ногами. Может ли терапевт, супервизор или учитель быть так напуган потенциалом молодого коллеги, что не сумеет избежать соблазна воспользоваться своей отцовской властью?

В книге «Конфликт, лидерство и идеология в группах и организациях» Отто Кернберга содержится глава под названием «30 методов подавления творческих способностей кандидатов в психоаналитики», где подробно рассматриваются способы кастрации в психоаналитическом сообществе. Похоже, проблема существует.

Наличие сестер и братьев в семье, согласно Адлеру, существенно усложняет ситуацию эдипова взаимодействия и усиливает долговременное воздействие эдипального конфликта на поведение вне семьи. Давайте сместим взгляд на сиблинговую конкуренцию, которая, безусловно, присутствует в любой группе. И, если вспомнить Джулиет Митчелл, механизм смещения играет не последнюю роль в выстраивании этих взаимоотношений. Мы, зачастую, проводим больше времени с братьями и сестрами, чем с родителями, когда растем. Неудивительно, что вся любовь и ненависть во взаимоотношениях с родителями переносится и разыгрывается в отношениях с сиблингами. Братство и сестринство дает нам одно из самых мощных коллективных переживаний, так как обеспечивает глубокое чувство идентичности, принадлежности и единения. Но вряд ли можно отрицать, что весь спектр отрицательных эмоций (ненависть, презрение, отвращение, пренебрежение и пр.) мы способны очень остро переживать в сиблинговых отношениях. И в этих отношениях можно действовать, реализуя эти чувства (в отличие от родительских).

Генри Абрамович в своем труде «Братья и сестры: миф и реальность» пишет, что сиблинги для выживания разрабатывают поляризованную идентичность — «если один будет плохо учиться, то другой будет учиться хорошо, если одна сестра считается красивой, то другая станет прилежной, если один будет любимцем матери, то другой станет любимцем отца или ничьим. <...> Каждый сиблинг формируется в тени другого, личность одного становится негативной идентичностью другого...». Будто каждый хочет сказать: «Я совсем не такой, как ты, а ты не смей быть таким как я». Каждый стремится занять свое особое место, свою нишу в семейной системе. Поляризация будет самой экстремальной для братьев и сестер с наибольшей достигаемостью, то есть одного пола и близких по возрасту, а значит, имеющих наибольшую потребность дифференцироваться друг от друга.

Профессиональное сообщество — не исключение, вероятно, именно с этим связано разнообразие методов и бесконечные споры о том, какой психоаналитический подход эффективнее.

Худшие случаи братского насилия, согласно Абрамовичу, происходят при трех условиях: сиблинги имеют сильно поляризованные идентичности (в случае профсообщества можно предположить, что это коллеги, которые учились вместе); кто-то один — любимчик и имеет особые льготы со стороны родителей; один из сиблингов чувствует себя преданным другим. Один чувствует публичное унижение со стороны родителя, в то время как другой остается тихим и пассивным наблюдателем.

На библейском примере Каина и Авеля можно видеть, насколько нестерпимым бывает унижение. Публично опозоренный сын, не имеющий возможности роптать на родителя, отыгрывается на том, кого любит родитель. Пожалуй, мы все довольно часто становимся свидетелями подобных эксцессов в жизни. И, наверняка, сможем вспомнить примеры профессиональных конфликтов. Этот конфликт от других всегда будет отличаться переход на личность. Чувства настолько яркие, что невозможно удержаться в профессиональном поле. Нужно уничтожить другого, лишить его ниши, места, профессиональной идентичности и личности. Это — место расколов и братоубийственных войн, когда выжить может только один.

Возвращаясь к теме конкуренции в профессиональном поле, хочется отметить, что это — всегда напряженное взаимодействие, связанное со сложными комплексными переживаниями и переносными чувствами. И чем лучше мы будем видеть и понимать убийственные чувства, сопровождающие этот процесс (неважно, в какой роли мы находимся — аналитика, с которым конкурирует его пациент; анализанта, который конкурирует со своим аналитиком; коллеги, проигрывающего конкуренцию своему товарищу), тем меньше вероятности отыграть это убийством, пусть и символическим.

СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНКУРЕНЦИЯ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ: ЧТО МЫ ВИДИМ НА ПРАКТИКЕ

Колосовская А.С.

Психоаналитическое профессиональное сообщество, как и любое другое, не застраховано от сложностей, связанных с конкуренцией. И, хотя конкуренция может иметь как положительные, так и отрицательные последствия, важно понимать ее динамику, чтобы обеспечить здоровое и процветающее профессиональное поле.

При этом теме конкуренции в нашем профессиональном сообществе часто уделяется недостаточное внимание. Возможно, предполагается, что психоаналитики ввиду своей профессиональной подготовки должны лучше с ней справляться и не вовлекаться в конкурентные игры. Как бы то ни было, в первую очередь, мы остаемся людьми, а люди не всегда делают то, что должны.

Типы конкуренции можно выделить по нескольким критериям. Например, по содержанию:

- *Интеллектуальная конкуренция:* психоаналитики часто вступают в борьбу за влияние в развитии и распространении той или иной психоаналитической теории. Можно сказать, что это — состязание методов. Оно может привести к распространению разнообразных, новаторских идей, обогащению теоретического арсенала всех членов сообщества, или, напротив, способствовать интеллектуальному расколу. К частным и наиболее деструктивным случаям можно отнести, например, все споры о том, кого можно считать настоящим психоаналитиком, а кого — нельзя.
- *Клиническая конкуренция:* специалисты могут соревноваться в качестве и успешности своей клинической работы, стремясь к профессиональному признанию и привлечению пациентов, что может способствовать повышению мастерства или же порождать враждебность и профессиональное соперничество. При этом формально многие коллеги придерживаются идеи, что не существует плохих аналитиков и для каждого найдется свой клиент. Такие концепции, в случае необходимости, позволяют сделать вид, что никакой конкуренции попросту нет.
- *Организационная конкуренция:* профессиональные организации и институты часто соперничают между собой за членов, финансирование и влияние. Хотя такая борьба гипотетически тоже может способствовать росту и развитию, на практике последствия возможны разные. Например, по этим причинам некоторые коллеги выбирают не вступать ни в какую организацию и держаться максимально далеко от профессиональных сообществ.

Выделить типы конкуренции можно также и по кругу лиц:

1. Горизонтальная (с коллегами того же опыта и статуса). Можно назвать ее сиблинговой. Проявления этой конкуренции настолько разнообразны, что неясно, какие имеет смысл перечислять. Самые безобидные вещи — это обсуждения ценников коллег и способов продвижения, которые выбирает тот или иной специалист.
2. Вертикальная (с более опытными коллегами: преподавателями, аналитиками и супервизорами). Иными словами, с родительскими фигурами. Одно из самых частых явлений здесь — слухи про статусных коллег разной степени реалистичности.

3. Конкуренция с клиентами. Это, возможно, один из самых спорных моментов в рамках данного обсуждения. Некоторые коллеги придерживаются точки зрения, что проработанный аналитик в конкуренцию с клиентами не вступает, что, разумеется, на практике не так однозначно.

И отдельно нужно оговориться, что мы находимся в обширном поле специалистов помогающих профессий, в котором присутствует соперничество между различными профессиональными сообществами и модальностями психотерапии. В конце концов, вопрос «что помогает лучше?» никто не отменял даже ввиду отсутствия ответа на него.

Конкуренция, если ее игнорировать и не управлять ею должным образом, может привести к нежелательным последствиям в психоаналитическом сообществе. Некоторые из них: разрушение сотрудничества, которое необходимо для интеллектуального и клинического развития; раскол и «сектантство» (речь идет о возникновении группировок, конфликтах и разрушении чувства профессионального единства); этические проблемы (острая соревновательность иногда толкает специалистов на компромисс с этическими нормами в стремлении к успеху, что может нанести вред пациентам и профессии в целом).

При этом понятно, что положительные аспекты у конкуренции также есть, и она может способствовать инновациям, обогащению техник и росту уровня квалификации членов сообщества. Здоровая соревновательность может побуждать специалистов поддерживать высокие этические и клинические стандарты, способствуя повышению ответственности в профессии.

Акцент в обсуждениях вопросов конкуренции часто делается именно на сотрудничестве, вплоть до предположения, что разнообразие техник и подходов возможно без конкуренции вовсе, а такие явления, как расколы — это издержки других процессов.

Обозначим несколько действий, которые могут быть предприняты в целях минимизации рисков всевозможного отреагирования. Во-первых, превентивные меры во многом ложатся на наших лидеров, включая преподавателей и супервизоров — они в силу своего положения могут быть особенно внимательны к вопросам выявления конкуренции и создания пространства для безопасного прояснения этих процессов. Во-вторых, прямое обсуждение самой темы и этических способов конкуренции необходимо для создания здоровой атмосферы в профессиональном сообществе. И, в-третьих, представляется особенно важным расширение программ сотрудничества с другими профессиональными организациями.

Конкуренция в психоаналитическом профессиональном сообществе — сложное и многогранное явление, часто незаслуженно обходимое вниманием, в то время, как рассмотрение некоторых процессов внутри сообщества с учетом наличия конкурентной борьбы может значительно способствовать развитию.

МОСКВА

ДЕТИ НАРЦИССИЧНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

II НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СЕКЦИИ ДЕТСКОГО
ПСИХОАНАЛИЗА РО МОСКВА ЕАРПП

Дети галактики, созданной мамой-Альфой

Яковлева Олеся Николаевна

- Психолог, психоаналитический психотерапевт
- член ЕАРПП (член правления РО-Самара)
- кандидат педагогических наук

3 декабря 2023 года очно и онлайн прошла II научно-практическая конференция секции детского психоанализа РО Москва ЕАРПП «Дети нарциссичных родителей».

Уютный зал культурного центра «Покровские ворота» на день объединил в своих стенах специалистов, интересующихся психоаналитической психотерапией детей и подростков.

Конференции по детскому психоанализу традиционно привлекают не только коллег, непосредственно работающих с детьми и подростками, но и специалистов, ведущих свою практику со взрослыми пациентами.

Было прочитано 8 докладов, каждый из которых вдохновлял на осмысление и рефлекссию собственной аналитической практики.

Сколько раз ребёнок слышит фразу «ты должен стать...», в то же время самого ребёнка крайне редко спрашивают: «ты сам-то чего хочешь?».

Дети, имеющие необъятный потенциал реализации собственных нарциссических амбиций родителей, становятся «детьми галактики», в эмоциональном, чувственном плане оставаясь сиротами.

Конференция — это всегда пространство для дискуссии. Мы можем (и должны) смело делиться нашими соображениями или сомнениями. Учитывая, что атмосфера конференций по детскому анализу всегда особенная (более непосредственная, искренняя, открытая, менее конкурентная, собственно, как наши маленькие пациенты), то и вопросы, и отклики, и ответы, как правило, звучат бережнее по сравнению с конференциями, не специализирующимися на проблематике детского возраста.

На прошедшей конференции у меня создалось впечатление, что не только в докладах, но и в процессе дискуссий проговаривались не менее (а иногда даже и более) значимые мысли. Особенно ценными мне видятся щедрые ответы на вопросы руководителя секции детского психоанализа Татьяны Олеговны Тишковой и руководителя РО Москва Елены Петровны Савичевой. Ответы, очевидные для детского аналитика, но не столь очевидные для специалистов, не имеющих или имеющих небольшой опыт работы с детьми, вдохновляли зал на дискуссию, так что звучащие от слушателей вопросы, отклики и впечатления органично продолжали и развивали мысли, озвученные спикерами.

В этот раз Татьяна Олеговна прочла доклад «Дети галактики». Она размышляла о том, в какой момент определяется будущее ребёнка: до рождения, когда нас «записывают» в учёные, в балерины или в инженеры? Или уже у бортика песочницы? Или в процессе посещения десятков кружков и спортивных секций, частных детских садов и продвинутых школ? Сколько раз ребёнок слышит фразу «ты должен стать...», в то же время самого ребёнка крайне редко спрашивают: «ты сам-то чего хочешь?». Дети, имеющие необъятный потенциал реализации собственных нарциссических амбиций родителей, становятся «детьми галактики», в эмоциональном, чувственном плане оставаясь сиротами. Родители, а затем и сами «дети галактики», думают, что им всё подвластно, что они всемогущие. Их возмущает только то, почему их всемогущества не замечают приземлённые окружающие.

Какие проблемы вынуждают родителей приводить таких детей (накаченных грандиозными ожиданиями) в терапию и с чем сталкивается детский аналитик?

Выступления Татьяны Олеговны всегда воодушевляют слушателей на большое количество вопросов. Но не потому, что нечто остаётся непонятным, как раз, наоборот. С лёгкой иронией и одновременно с большой любовью к пациентам, звучат клинические виньетки. Татьяна Олеговна щедро делится нюансами и практическими рекомендациями по работе с детьми и их родителями.

Вдохновлённые коллеги живо интересовались, уточняли, задавали вопросы. Ёмко и лаконично отвечала Татьяна Олеговна, разясняла принципы сеттинга в детском анализе, специфику работы с современными нарциссическими родителями: как обрабатывать их страхи, тревоги, потребность в контроле, как аналитику при этом удерживать терапевтический процесс в рамках, не скатиться в отыгрывание, и как выдерживать

Здоровый родитель рано
или поздно спохватится
и остановится, так как знает
ответ на самый важный вопрос:
«кому принадлежит жизнь твоего
ребёнка?».

мощное сопротивление со стороны нарциссичных родителей.

«А кто ещё выдержит?» — с грустной улыбкой отвечает Татьяна Олеговна. — «Если родители не выдерживают, то они приводят ребёнка в терапию. Если терапевт не выдерживает, то — всё? Куда деваться бедному ребёнку? Несмотря на то, что я их люблю, я не могу усыновить и удочерить всех пациентов, но я могу им помочь».

Слушая Татьяну Олеговну, хочется впитать, интроецировать её опыт, зарядиться оптимизмом и верой в успех аналитической работы.

Опыт собственной семьи, своего родительства представил в докладе «Надежды и переживания (диалог двух поколений)» Юрий Александрович Бобовский.

Он попросил своих сыновей (старшего подросткового возраста) написать эссе о той части их детства, которая связана с опытом посещения кружков и секций, которые выбирали для них родители. В эссе детей было много обиды, наглядно отражающей распространённую истину о том, что чаще всего родители, выбирая развивающие занятия для детей, полагаются, в первую очередь, на свои вкусы и предпочтения. Здоровый родитель рано или поздно спохватится и остановится, так как знает ответ на самый важный вопрос: «кому принадлежит жизнь твоего ребёнка?».

Иногда поиски ответа на этот вопрос («кому принадлежит твоя жизнь?») занимают несколько месяцев, в случае работы с детьми и подростками с тяжёлой нарциссической травмой. Когда ответ находится, в терапии наступает перелом. В случае же работы со взрослыми пациентами, воспитанными родителями с выраженной нарциссической патологией, могут потребоваться годы. Подобный клинический случай был представлен в докладе Елены Петровны Савичевой «Моя мама — Альфа».

Одна из участниц конференции предложила объединить два доклада в одно название «Дети галактики, созданной мамой-Альфой». Представить их как архетипическую историю (миф) о том, как всемогущие в своём нарциссизме фаллические матери «кастрируют» своих близких — мужей, детей. И какой нелёгкий путь приходится совершить герою мифа (нашему пациенту), чтобы выбраться из этого морока, и о том, как всё это разворачивается в жизни и терапии.

«Любое настоящее пришло из прошлого и, естественно, оно закладывает основы для будущего. Это процесс, в котором мы все живём, — откликнулась на эту мысль Елена Петровна. — Нам важно слышать, почему мы не хотим, чтобы в матрице семьи были искажения, кривые зеркала. Мы говорим про мам, которые видят то, что происходит, но не могут этого прочувствовать. И естественно, когда начинаешь исследовать историю самой матери, находишь там много ужасных вещей. Всё цепляется одно за другое, образуются “матрёшки”.

Тем не менее, нам важно говорить, нас слышат и родители, и дети. Дети увидят, что есть люди, которые понимают, почему им так плохо, несмотря на то, что они окружены таким количеством всяких вещей. А родители задумаются, почему им не удаётся

Любое настоящее пришло
из прошлого и, естественно,
оно закладывает основы
для будущего. Это процесс,
в котором мы все живём

быть любимыми и принятыми детьми. Дети могут быть покорными, но любимый ребёнок не выглядит загнанным и затравленным. Ему можно получать любую отметку, но ему самому захочется понять, выучит ли он на “пять”? Но, к сожалению, нарциссическим матерям только через детей приходится доказывать, что они хорошие и великие. Обратная сторона нарциссизма — это бессилие и ничтожество. Ребёнок, будучи маленьким и зависимым, берёт на себя эту роль. Но когда он вырастает, то родитель, занимая своё место и функцию для ребёнка, должен признать, что у ребёнка есть своё будущее, несмотря на то, что хотелось бы, чтобы он был чемпионом.

Дети, на самом деле, нуждаются в руководстве, они страдают от хаоса. Но при этом границы должны быть мягкими и надёжными. Для этого должна быть возможность играть. К сожалению, такие мамы не умеют играть. Они покупают игрушки, они смотрят, что написано на игрушке +3, +16, но самой играть — нет. В итоге, имеем такого спелёнатого ребёнка, у которого свободными остаются только глаза.

Наши чувства, эмоции и желание, чтобы дети развивались, даёт нам — аналитикам возможность чувствовать их потребность в контакте с родителями».

Невозможно не говорить о пространстве игры на конференции, посвящённой работе с детьми. Доклад Елены Григорьевой Кранцовой «В пространстве нарциссических игр детей» блестяще восполнял эту потребность.

Так как на конференции представлялись случаи работы и с дошкольниками, и с подростками, и с молодыми людьми, возраст которых превышает 18 лет, то естественно, неоднократно возникали вопросы о верхней возрастной границе — сколько лет должно быть субъекту анализа для того, чтобы анализ вписывался в категорию «детский»? Естественно, что существуют этические и технические нюансы в работе с такими пациентами.

Здесь мы должны ориентироваться на психологический возраст. Если, согласно паспорту, возраст пациента превышает отметку в 18 лет, но уровень его психосексуального развития находится на отметке 5 лет, тогда мы работаем с 5-ти летним ребёнком. Другая особенность, также, заключается в том, что мы не вовлекаем в активную работу родителей таких пациентов.

Как раз работе со старшими подростками и молодыми взрослыми людьми 18-22 лет были посвящены доклады Гунар Татьяны Юрьевны «Почему нарциссы — онкогенные родители?», Поповой Марины Васильевны «Согреваясь холодом», Матвеевой Каринэ Вильевны «Нарциссическая планета матери и ребёнка», Яковлевой Олеси Николаевны «Перверсии у подростков: атака на связь». Клинические виньетки, описанные в этих докладах, демонстрируют особенности работы с такими пациентами — физически подростками, но эмоционально очень незрелыми молодыми людьми. Читая названия некоторых из этих докладов, несложно догадаться, что речь в них шла уже

К сожалению, нарциссическим матерям только через детей приходится доказывать, что они хорошие и великие. Обратная сторона нарциссизма – это бессилие и ничтожество.

Дети, на самом деле, нуждаются в руководстве, они страдают от хаоса. Но при этом границы должны быть мягкими и надёжными.

не только про психоаналитическую психотерапию поведенческих нарушений, но и о психоаналитическом лечении серьёзных психосоматических расстройств (онкологии), нарушений, балансирующих на грани с психиатрией (клиническая депрессия, сексуальная перверсия), и законом (физическое насилие, наркомания).

В дискуссиях между докладами также звучали отклики слушателей о том, что жизненную ситуацию таких пациентов можно буквально приравнять к работе с сиротами, перед которыми рано или поздно встанет вопрос поиска своих мамы и папы. Или с детьми матерей-одиночек, с малышами, зачатие которых произошло от анонимного донора по программе ЭКО. Эти дети подвержены риску развития психотических проблем из-за существующего незнания, тайны своего рождения, дефицита смысла. Они вынуждены отвечать не только на вопрос «кому принадлежит моя жизнь?», но на множество других, более сложных.

Мы очень благодарны Вам, уважаемые участники конференции, за смелость посвятить целый день осмыслению таких непростых жизненных ситуаций, технических и этических аспектов аналитической работы с юными пациентами, оказавшихся один на один с подобными трудностями. Все вместе мы создавали общее поле смыслов, разбирая замысловатые арабески клинических ситуаций, сплетённых из прошлого и настоящего наших анализантов, мечтали о возможном, горевали о реальном, поддерживали друг друга в здоровой депрессивной позиции в отношении наших достаточно хороших возможностей.

Нарциссическая планета матери и ребенка

Матвеева Каринэ Вильевна

- Психоаналитический психолог, магистр психологии, член ЕАРПП РО Москва, член МПА.
- член La cause des babes
(Быть психоаналитиком с младенцем)

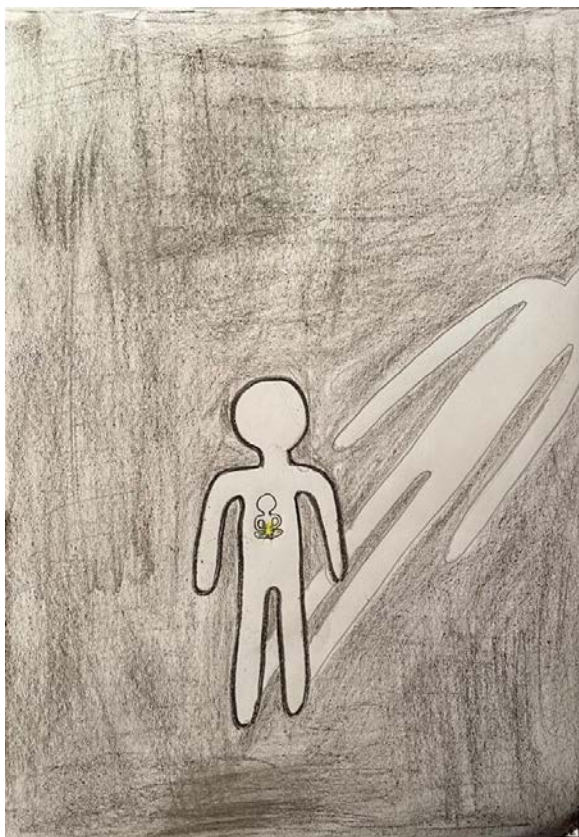
Именно самые первые наши опыты больше всего стремятся затем к повторению из-за слабости процессов синтеза раннего возраста.

В первой части доклада мне хотелось бы предложить рассмотреть концепцию отношений ребенка с окружением, с точки зрения теории символизации, автором которой является Рене Руссийон, французский психоаналитик, психолог и почетный профессор психологии Университета Люмьер Лион 2, член Парижского психоаналитического общества.

Во второй части я приведу пример своей работы с пациентом, который, на мой взгляд, отражает тему моего доклада.

В течение полувека Рене Руссийон развивает теорию, которая позволяет понять, как психические содержания, сформированные в ходе ранних взаимодействий между ребенком и его окружением, могли принять рефлексивную форму, как они были интегрированы и символизированы в каждом из нас. Какое место занимает «произведение игры» в этой деятельности по символизации?

В своей статье «Игра и символизация», Рене Руссийон пишет — субъективный опыт вписывается в психический аппарат под той формой, которую Фрейд называл в разные периоды «первичной психической материей».

Это первое впечатление, первая запись, — именно так он объясняет это явление в своем знаменитом письме от 6 декабря 1896 года, в котором описывает психические процессы запоминания и воспоминания и называет их «мнестическими следами восприятия». Тексты, которые следуют за этим письмом, позволяют дополнить описание природы этого первого следа, вследствие которого процессы символизации должны начать свою работу. Согласно схеме Фрейда, предложенной в 1891 году в работе «Об афазии» (в ней дано определение первичной регистрации, в которой фиксируются переживания субъекта и его инвестиции), эта первичная регистрация состоит из множества влечений и расположена на пересечении субъекта и ухаживающего объекта, она возникает из встречи одного и другого; она обязательно смешивает Я и объект, субъект и свой обь-

ект — другой субъект. Следовательно, она изначально является гиперсложной.

Когда Фрейд вновь возвращается к этому вопросу во вступлении к статье «Я и Оно», он подчеркивает, что эта первичная запись не способна «становиться сознательной» в этой же [изначальной] форме, она должна трансформироваться. В разных статьях я уже подчеркивал, — говорит Руссийон, что она — первичная запись — подвергалась компульсии к интеграции, что выводится из поздних предположений Фрейда, в которых он подчеркивал, что именно самые первые наши опыты больше всего стремятся затем к повторению из-за слабости процессов синтеза раннего возраста. Из этих гипотез следует, что первичные следы повторяются потому, что они не были интегрированы из-за неспособности к психическому синтезу.

При анализе причин внутриспсихических конфликтов, мы обращаем свое внимание на самые ранние этапы развития. Мы пытаемся обнаружить источники внутренних конфликтов, которые явились причинами симптомов характера. И, в большинстве случаев, мы обнаруживаем, что бессознательные конфликты связаны с самым ранним, доэдипальным периодом отношений ребенка и матери. Я в период формирования,

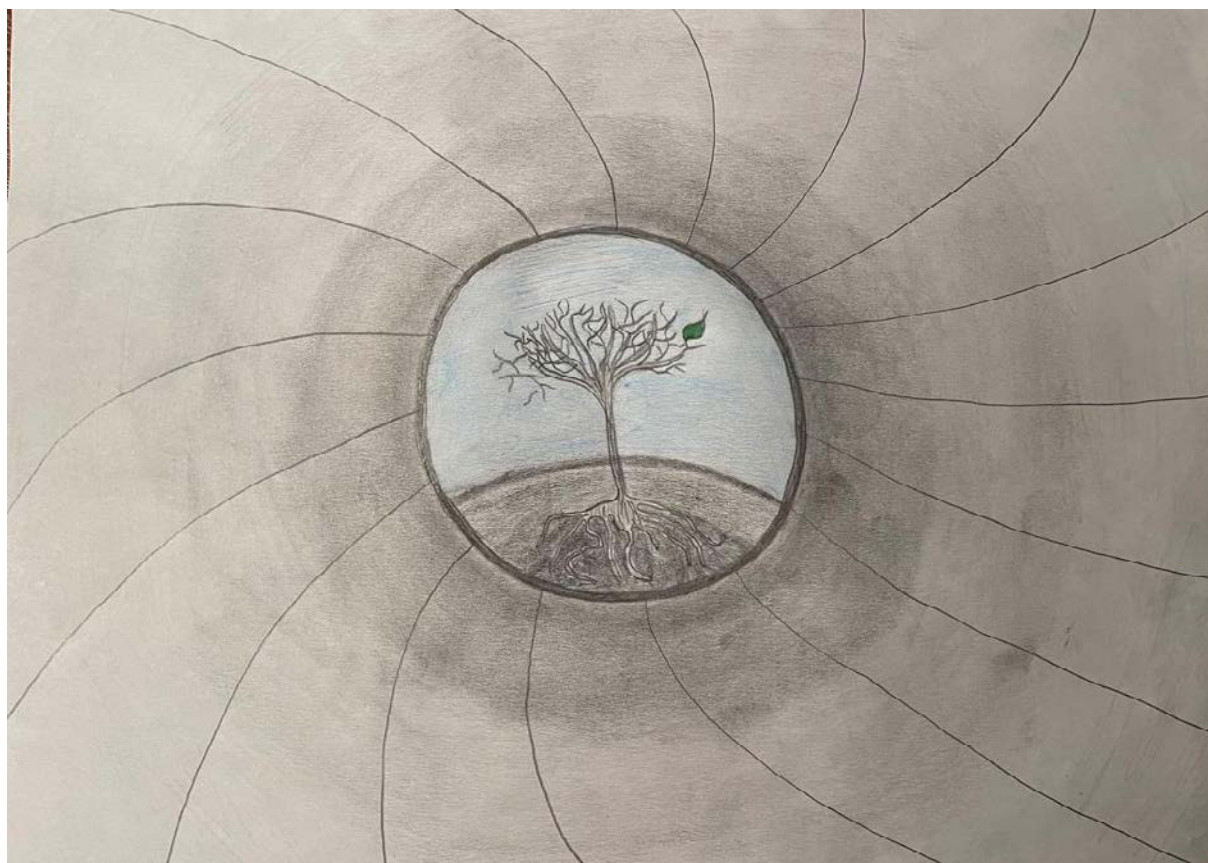
Бессознательные конфликты связаны с самым ранним, доэдипальным периодом отношений ребенка и матери.

когда процессы его нарциссического наполнения дают сбой, перегружается невыполнимыми задачами от объекта, осуществляющего уход. Ранние защитные механизмы, такие как расщепление и вытеснение, могут дать сбой. И тогда душа субъекта заполняется тем, что позже переживается, как некая нехватка жизненной энергии, — диффузными органическими состояниями чувства Я себя, но доминирующим становится состояние тревоги и страдания.

Родиться — непростая процедура. Встреча с материнской грудью, с мамой, с молоком, это всегда встреча на границе хорошего и плохого. Соединить это, значит, добиться определенного успеха в достижении депрессивной позиции (6–8 месяцев). Неудача приводит к самой ранней травме, аннигиляции первичного чувства себя. Стертые следы репрезентаций сохраняются в негативе как нечто. Они становятся похожими на картины, где под слоем краски скрываются первичные наброски. Взамен стертому остается только то, что представлял собой объект.

Как показывают клинические наблюдения, ранний опыт взаимодействия матери и ребёнка является матрицей формирования первичного нарциссизма. Также известно, что происхождение родительского поведения кроется в личном опыте ранних

Встреча с материнской грудью,
с мамой, с молоком, это всегда
встреча на границе хорошего
и плохого.

взаимоотношений молодой матери или отца с собственной матерью. Интроецированные ими в детстве модели внутренних объектных отношений определяют особенности взаимодействия с другими не только в процессе жизни субъекта, но и, через феномен трансгенерационной передачи, в последующих поколениях.

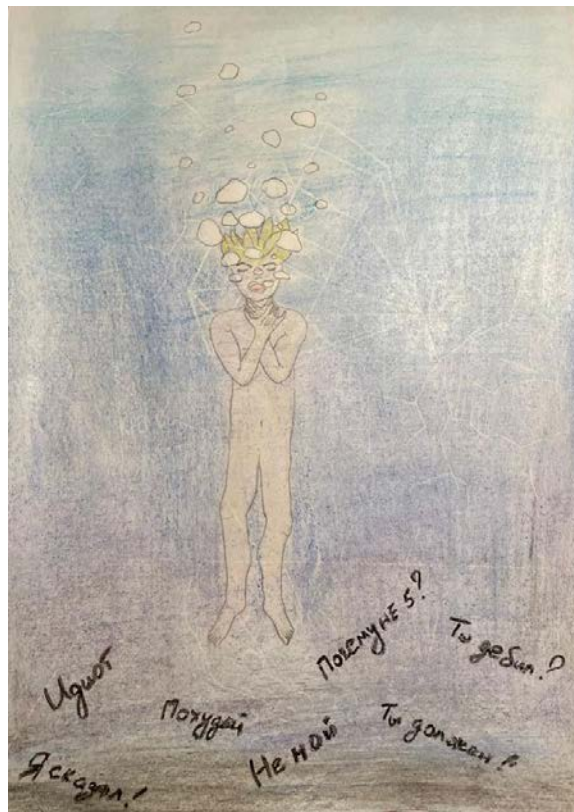
На основании этого, мне хотелось бы рассмотреть нарциссическое расстройство не с позиции особенностей отдельно взятой личности, а как систему отношений, которые создаются во взаимодействии с таким человеком, и отразить это представление через призму психоаналитической психотерапии.

Я попробую развить свою мысль с помощью клинического примера, иллюстрирующего неблагоприятные особенности раннего опыта, где потребность в нарциссическом утверждении претерпела такого рода фрустрации, которые не позволили сформироваться чувству непрерывности собственного Я; где неустойчивый материнский объект не был способен поддерживать непрерывность нарциссического инвестирования в субъект; где иррациональная передача траура могла способствовать ввержению в состояние меланхолии и страдания от чего-то невидимого и непознанного.

Молодой человек, 22 года, Иван, студент 6 курса медицинского вуза, обратился ко мне с запросом разобраться с изменениями внутри себя после того, как он поступил в институт.

Первичное интервью.

«Рос со взрослыми, было интересно. Но когда поступил в институт, то с установками стало что-то происходить. Хочу разобраться с этим», — так он сказал на первичном интервью. Он активно отвечал на вопросы, которые я ему задавала, и рассказывал

Интроецированные ими в детстве модели внутренних объектных отношений определяют особенности взаимодействия с другими не только в процессе жизни субъекта, но и, через феномен трансгенерационной передачи, в последующих поколениях.

о себе. — Я единственный сын. Родители развелись, когда мне было 9 лет. Родители готовили меня к разводу, и развод я принял нормально. С отцом виделся, жил с мамой. До института все было понятно.

Отец — истерик и капризный.

А мама — у нее после развода был парень, но потом она вышла замуж за другого и два года назад уехала к нему в другую страну.

Есть двоюродные братья и сестры, Иван — самый младший из них, самый близкий по возрасту брат старше его на 6 лет.

— Я рос и воспитывался в маленькой коммуне, — сказал Иван. Друзья отца, несколько семей, которые все живут в одном квартале. Все дети почти ровесники друг другу. Мы все по очереди кочевали по домам. Было весело...

После развода родителей жил с мамой, когда она уехала, переехал к отцу и бабушке. Бабушка его очень любила, называла «мой сыночек», и это бесило его отца. Год после развода не помнит, помнит, что переехали в другой район и поменял школу. И что в какой-то момент стал чувствовать себя взрослым и ответственным за мать.

В 15 лет он начинает отношения с подругой своей двоюродной сестры, которой был 31 год. Эти отношения длились год, и завершились по инициативе этой девушки.

У него есть друзья, считает, что их немного. И что он их тестирует на прочность. Тестирование выглядит так: подтрунивает над ними, докапывается, становится невы-

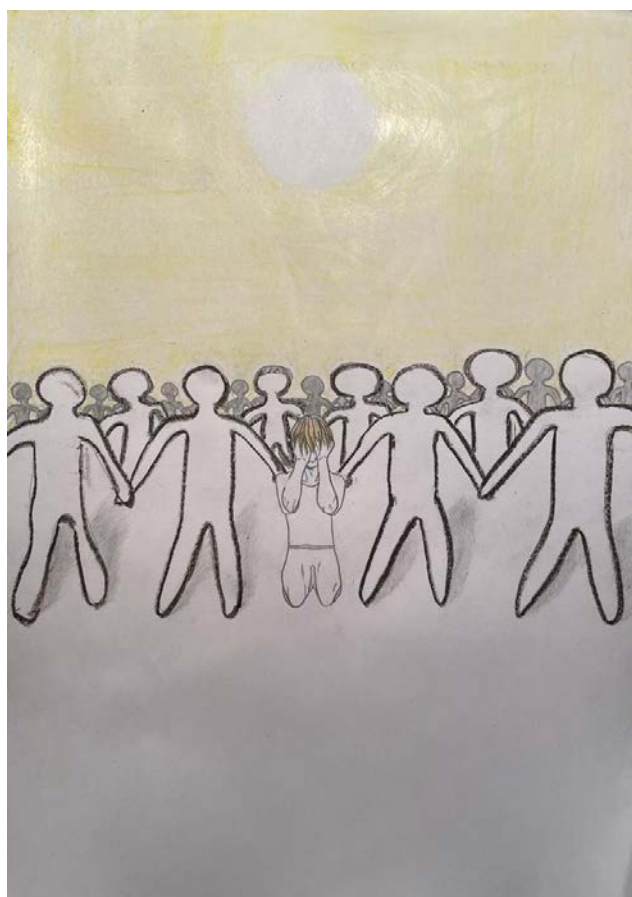
носимым. Те, кто продолжает с ним общаться, становятся друзьями. Сообщил, что он чрезвычайно упрям, и считает это скверной чертой.

Он склонен к булимии. Заедает стресс.

В начале года, когда Иван пришел в анализ, у него случился панический приступ, стало страшно.

Он так рассказывает о событиях:

— Перед Новым Годом от ковида умирает бабушка, мама отца. Я помню она посмотрела мне прямо в глаза, в ее взгляде был страх. Я, наверно, должен был что-то предпринять,

В отсутствии символики и слов, через абрис рисунка, стал формироваться образ себя, как и символическая топография места травмы.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы помочь «символизировать», т.е. придать и совместно сконструировать значение и репрезентацию травматических аффектов, которые в свое время их не получили.

ведь я же будущий врач. Но я ничего не делал. Когда позвонил отец и сообщил, что бабушка умерла, я с подругой был в торговом центре. Я выслушал его спокойно. Подруга спросила, что случилось, я сказал, что умерла бабушка, пошли дальше выбирать подарки. Она удивленно посмотрела на меня. Я, наверно, уже ее похоронил три дня назад, когда ее перевели на ИВЛ.

Через месяц от ковида умирает друг отца, всеми любимый дядя из коммуны. Вся коммуна решает, что матери о смерти сына сообщит Иван, потому что никто не сможет.

На поминках друга у его отца случается удушье, пища застревает в пищеводе, перекрывая дыхание, он теряет сознание и почти умирает. Все присутствующие стояли в растерянности, Иван с помощью реанимационных техник спасает отца. Отец уже не дышал. Пища вышла. Отец пришел в сознание и удивленно произнес, — что ты меня трясешь? Все пошли нервно курить. Он садится за стол, доедает свою еду и едет на смену в клинику. В этот период Иван работал в онкологическом отделении детской больницы, помимо этой работы у него было еще две.

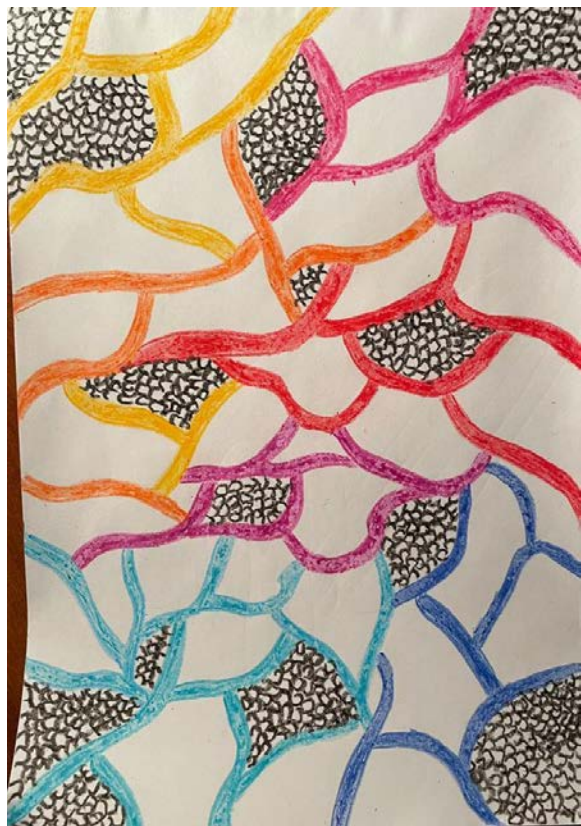
Осознание события с отцом прилетело через два дня. Выступил холодный пот, тремор рук и сильное чувство тревоги. Неделью принимал афобазол.

После этого принял решение идти к психологу. Да и друг настойчиво ему советовал.

Во время первичной встречи я отметила некоторую несогласованную улыбку, отсутствие каких-либо классических депрессивных переживаний, аффективного выражения, когда он делился событиями, которые с ним произошли. Все эти травматические события были рассказаны монотонным голосом, хорошо выверенными словами и фразами.

Так же я отметила, что чувства есть, но он стремится выражать их через сарказм. И он сказал, что не плачет с 13 лет, запретил себе, считая это малодушием. После чего сам удивился, что уже и не может плакать.

Мы договариваемся о сеттинге и начинаем наше путешествие в поиске чего-то неизвестного, что послужило причиной его непереносимого состояния, которое я определяю как дезорганизацию личности.

Наши сеансы заполнены большим количеством информации. Иван активно делится всем, что происходит между сеансами, какие чувства у него вызывают коллеги, сокурсники, друзья. Я отмечаю, как в каждый сеанс он приносит актуальный материал и следом что-то из воспоминаний, его рассказы превращают сеанс в полет вырванных страниц из разных книг, которые летают по кабинету, поднимаясь откуда-то потоком воздуха. Их невозможно поймать, они создают спутанность и хаос. Его речь последовательна, словно он пересказывает то, что прочитал, в ней нет пауз, междометий и лишних слов, которые обычно используют, чтобы

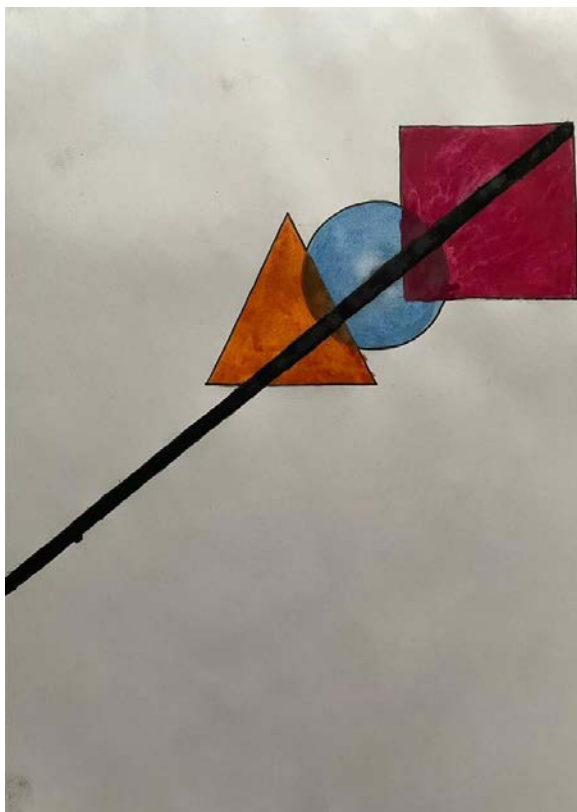
придать контраст чему бы то ни было. Все должно быть прилично и правильно.

Он сообщает о потребности выполнять все «на отлично» и сильном страхе ошибки. Это проявляется в сеттинге, он не опаздывает и не затягивает сеанс. Он садится и весь сеанс не меняет позу, его взгляд прикован ко мне. Он всегда опрятен, с уложенной прической.

На первом сеансе я отметила некий парадокс, который был озвучен в отношении друзей. Они должны пройти его тест. Я тогда подумала, о нарушенном базовом доверии. И его открытость с первых сеансов меня немного сносила. Но он внес ясность сам, сообщив, что делиться ему страшно и не очень-то хочется, но уж коль пришел сюда, то какой смысл что-то скрывать. Несмотря на рационализацию и интеллектуализацию, что является одной из самых мощных нарциссических защит, и преградой к аналитическому прогрессу, я подумала, что это то, что может нам помочь преодолеть эти мощные силы сопротивления. Его способность и возможность открыто говорить превращали наши сеансы в нескончаемый поток несвязанных событий. Несмотря на то, что Ивану с каждым разом удавалось все лучше выражать свои чувства, его и без того ощутимая тревога, с каждым сеансом становилась все тяжелее, принося ему большие страдания. Огромное страдание у него вызывало то, что он не может плакать.

Я ощущала себя контейнером и механизмом, который дифференцировал, разделял и связывал, но все это происходило внутри меня.

При всем этом воспоминания о детстве, отце и матери давались с большим трудом. Он быстро уставал, у него начинала болеть голова, его лицо краснело и покрывалось

белыми пятнами. Но нам все же удавалось обнаруживать образ отца через рассказы об отношениях с другом, который ассоциировался с тем отцом, которого ему не хватало, либо через образ навязчивой истеричной подруги, помогавшей его, которая «ведет себя как отец». Таким образом, выстраивалось скудное представление об отце и отношениях с ним.

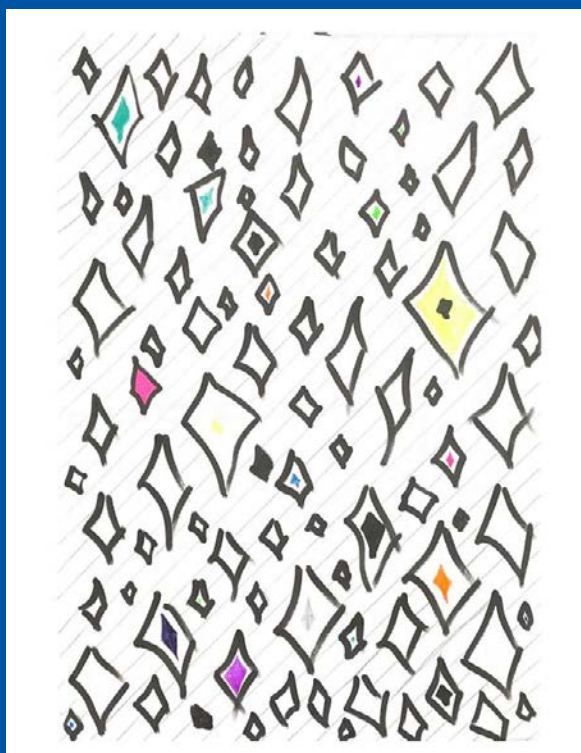
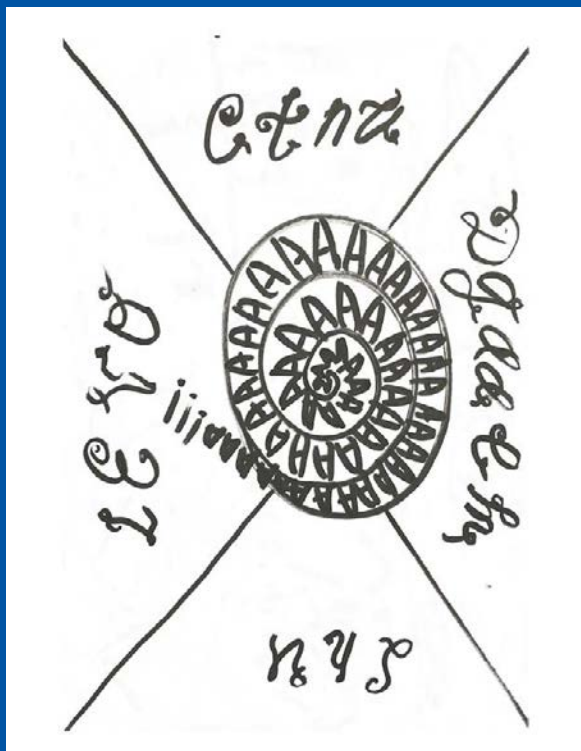
К образу матери подойти было невозможно. К нему невозможно подойти и сейчас, спустя три года анализа. Я думаю о том, что мать моего пациента — это «мать, про которую говорить запрещено». Я опишу отношения с матерью, информация получена из скудного материала пациента. Известно, что беременность проходила без особенностей, роды были естественными.

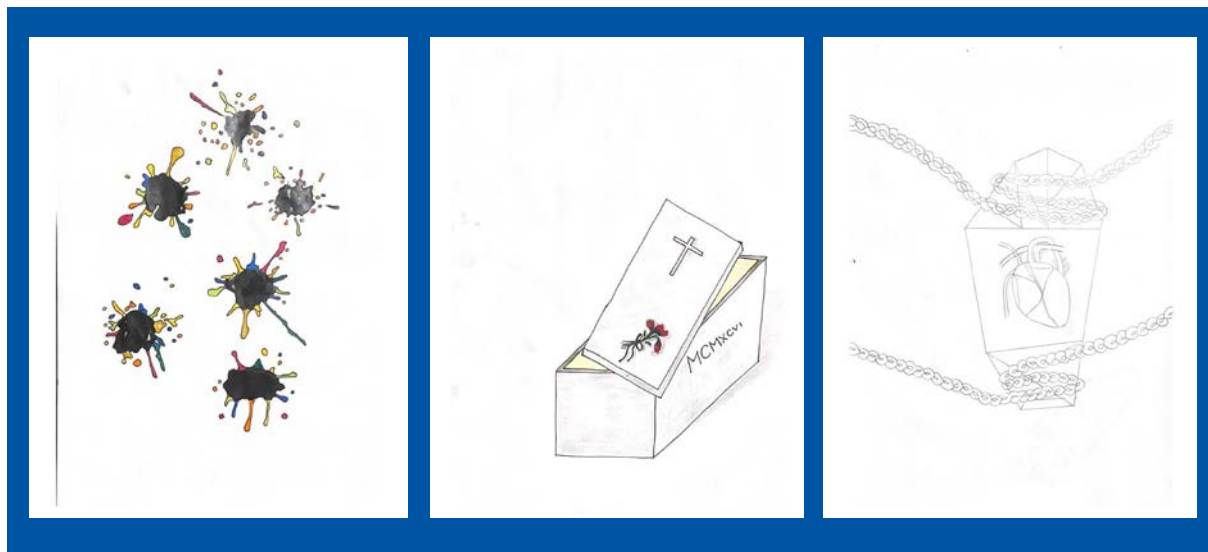
Но после его рождения у матери начались какие-то проблемы, и она обра-
щалась за помощью к психиатру.

Первые полгода он был беспокойным, его сложно было накормить, и спал он только на руках мамы или бабушки, матери мамы. Отношения матери с бабушкой были сложными. Бабушку он описывает как непредсказуемую, взбалмошную, творившую все, что ей могло прийти в голову. Она могла разгуливать в нижнем белье и пеньюаре по дому, и неважно, кто был рядом. Она не отвечала на звонки, бросала трубку и могла без причин и объяснений перестать общаться со всеми близкими и с ним.

«Я с детства отвечал за многое. Родители ссорились, ругались, я все слышал, и они ничего не объясняли, было страшно. И я научился уходить в себя, в свой вакуум — ничего не вижу и не слышу. Отец был требовательным и эмоционально отстраненным. Он постоянно говорил: «не ной», при каждом случае орал, заламывал руки до дикой боли — деспот, тиран и доминант». У отца пациента в возрасте 10 лет умер его отец, который его безумно любил. Отец никогда не делился этим с пациентом, как и бабушка. Он и сейчас закрыт для этой темы. Все, что ему стало известно, пациент узнал совсем недавно от своей тети, сестры отца, и мы много об этом говорили, о дедушке, которого он не мог знать.

Хаотичные и несвязанные сеансы первого года терапии являлись ярким отражением содержания внутреннего мира пациента, в котором он страдал и выживал одновременно. Его посещали мысли о суициде, он делился ими, мы говорили о том, что за ними скрывается. И это давало возможность удерживаться на стороне жизни. Это был достаточно сложный период анализа. На сеансах Иван рассказывал в подробностях как можно осуществить суицид так, что уже не спасут. Я же врач, говорил он. Внутри у меня все

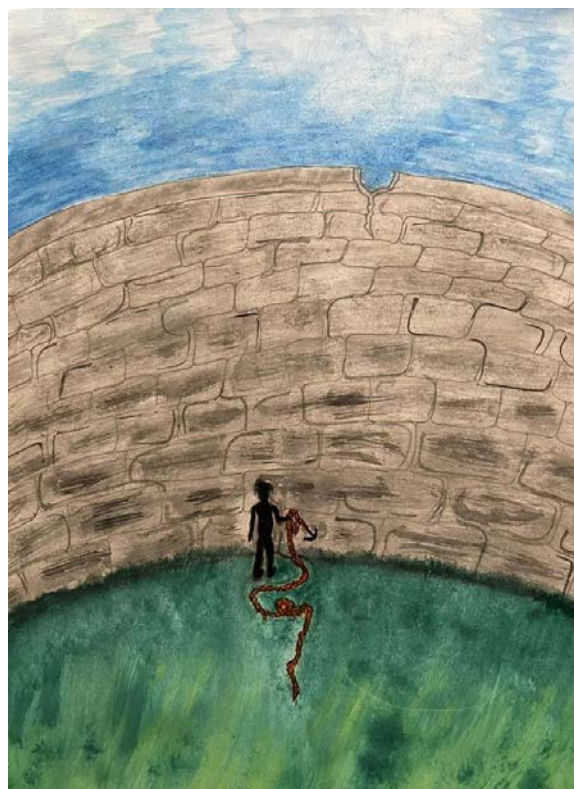

замирало, а он будто бы в этот момент оживал, будто бы ему доставляет удовольствие меня пугать и держать в напряжении. В этих атаках я отметила, что сами идеи и яркое описание могли играть определенную роль в общей экономике психической деятельности, представляя собой компромисс между двумя противоречащими друг другу движениями, где первое является БСЗ желанием, второе же ему противостоит, что само по себе является сознательным результатом БСЗ внутреннего конфликта.

Иван почти сразу стал приносить сновидения. И как мною было обнаружено в дальнейшем, сюжет рассказанного сновидения позже проигрывался в реальных отношениях, как если бы в психодраме, и только тогда мы могли подвергать анализу то нечто, что обретало символизацию, связывалось с чувствами и с опытом раннего периода, посредством чего психика заполняла лакуны вытесненного материала.

Также на одном из сеансов первого года анализа, мы вышли на тему живописи и искусства, как способа самовыражения, это очень обрадовало Ивана, и, таким образом, в нашем пространстве появились рисунки. В отсутствии символики и слов, через абрис рисунка, стал формироваться образ себя, как и символическая топография места травмы. Введение инструмента арт-терапии не только снизило

соматическую симптоматику и общий фон тревоги, но и способствовало появлению слов через анализ рисунка. Я хотела бы с вами поделиться этим опытом.

Таким образом, в рамках психоаналитической диагностики психопатологии, мы можем назвать подобных пациентов «нарциссами идентичности» (термин заимствован у Рене Руссийона), страдания которых берут свое начало в травме и ранней депривации. Они приносят нам в анализ такие архаичные переживания, которые могут проявляться в виде психотических состояний, патологических актов и даже некоторых соматических состояний. Цель нашей работы состоит не столько в том, чтобы интерпретировать их скрытый смысл, сколько в том, чтобы помочь «символизировать», т.е. придать и совместно сконструировать значение и репрезентацию травматических аффектов, которые в свое время их не получили.

По мере того, как эти архаичные переживания будут распознаны и трансформированы через творчество либо игру, откроется путь к рефлексивности, способности чувствовать, видеть, слышать себя и думать о себе.

Чтобы завершить этот клинический пример, а наша работа продолжается, я искала слова, и мне на ум пришла метафора, которой я хочу поделиться. Наши сеансы по-прежнему сгущены и сконцентрированы. На каждом сеансе я чувствую на себе «пристальный безотрывный взгляд младенца, жадно сосущего грудь, который вглядывается в лицо своей матери».

Перверсии у подростков: атака на связь

Яковлева Олеся Николаевна

- Психолог, психоаналитический психотерапевт
- член ЕАРПП (член правления РО-Самара)
- кандидат педагогических наук

Перверсия отличается от невротического, пограничного или психотического состояния.

Согласно словарю Лапланша и Понталиса, перверсия — это отклонение от нормального полового акта, который определяется как коитус с другим человеком противоположного пола, направленный на достижение оргазма посредством генитального проникновения. Перверсия же присутствует там, где оргазм достигается с другими сексуальными объектами (гомосексуальность, педофилия, зоофилия и т.д.) или через другие области тела; там, где оргазм абсолютно подчинён определённым внешним условиям, которые могут быть необходимы сами по себе для получения сексуального удовольствия (фетишизм, трансвестизм, вуайеризм, эксгибиционизм, садомазохизм) [1, с. 751]. В более широком смысле «перверсия» обозначает все психосексуальное поведение, сопровождающее такие типичные способы получения сексуального удовольствия.

В теории Зигмунда Фрейда мужские перверсии считаются результатом неразрешённого эдипова комплекса, в котором кастрационная тревога является главной и основной составляющей, такой мальчик отрицает разницу полов и создаёт фаллическую мать. Когда он достигает зрелости, то он не в состоянии достичь примата генитальной зоны. В этой связи Фрейд писал о том, что «невроз является негативом перверсии» [4, с. 485].

Уже на первичных интервью ряд поведенческих симптомов у подростка могут непосредственно указывать на перверсию.

Позднее Э. Гловер выдвинул предположение о том, что перверсии, в свою очередь, являются негативом психоза [цит. по 5, с. 247]. Эта точка зрения также поддерживалась М. Кляйн и её последователями, рассматривающими перверсию как защиту от психоза [цит. по 3].

Часть исследователей определяют перверсию как сформированную систему защит от травмы. Эта система защит помогает выживать и справляться с разрушительными, невыносимыми и омертвляющими ситуациями из раннего прошлого, в результате которых происходит поэтапное обширное диссоциативное расщепление Я. При этом одна часть — эмоционально покалеченная, испытывающая нехватку, безрадостная и безжизненная — продолжает по инерции функционировать во внешнем мире. Другая часть увязла в состоянии страдания, под влиянием навязчивого повторения она стремится к переживаниям боли и тем, кто её причиняет, как внутри самого себя, так и в отношениях с другими. Третья — деструктивная часть, позволяет успешно противостоять любым попыткам хороших объектов перетянуть её на свою сторону. Эта вредоносная составляющая личности не желает зависеть от времени и сталкиваться с депрессивной и персекуторной тревогой, поэтому и пользуется защитными механизмами с целью оборвать связи с реальностью: создаёт путаницу и хаос, подрывает доверие к хорошим объектам при помощи депрессивной тревоги.

Д. Мельтцер пишет, что «в результате такого расщепления зональная путаница подчиняет себе чувственность, так что нормальная инфантильная полиморфность становится неотличима от перверсии» [2, с. 169].

Далее происходит освобождение от ограничений времени и идентичности путём перепутывания внутреннего и внешнего через проективную идентификацию.

Затем утверждается маниакальное отрицание психической реальности, что готовит почву для последней атаки на различение добра и зла. Деструктивная часть предстаёт перед страдающими хорошими частями в образе спасителя от боли, потом — слуги их чувственности и тщеславия. Роль жестокого палача или карателя она использует скрытно, лишь в тех

Маловероятно, что родитель придёт к аналитику именно с таким запросом – лечение перверсии у своей дочери или сына.

Вместо удовлетворения влечений вместе с объектом,
в который было инвестировано либидо, перверт остаётся
обделённым человеком, единственным удовольствием которого
остаётся приятная разрядка.

случаях, когда появляется сопротивление регрессу. Тем не менее, угроза насилия звучит всегда, без неё столь глубокая регрессия вообще не была бы возможна [там же].

Этчеоген пишет, что в основе перверсии лежит защита от психотического регресса, в отдельных случаях перверсия сама может считаться психозом [цит. по Уэллдон, с. 73].

С позиций структурной теории (З. Фрейд) расщепление Я связано с перманентным конфликтом между эго и ид, а деятельность суперэго составляет основу перверсии.

Ид возбуждает эго причудливыми фантазиями, оказывает на эго давление с тем, чтобы эго сдалось и уступило под натиском растущих потребностей ид. Эго поддерживается суперэго, которое борется против реализации фантазии, поскольку она кажется несовместимой с целостностью эго. По мере того, как желание нарастает, требуется его реализация. Вскоре эго под растущим давлением ид сдаётся и уступает, осуществляя «разыгрывание». Поскольку частично действие стало эго-синтонным, это создаёт возможность для реализации перверсии. Цель достигнута разрядкой сексуального желания. Но обрётённое чувство благополучия быстро заканчивается. Его немедленно сменяют чувства: вины, отвращения к себе, стыда и подавленности. Разыгрывание снова ощущается как эго-дистонное, и движение по кругу возобновляется [3, с. 83-84].

Возможно ли позитивное преобразование подобной травмы в процессе психоаналитической терапии, в частности, в работе с подростком?

Маловероятно, что родитель придёт к аналитику именно с таким запросом — лечение перверсии у своей дочери или сына. Согласно моим наблюдениям, проблемы, покрывающие перверсию, с которыми вынуждены обратиться родители к аналитику (или старшие подростки уже самостоятельно) следующие: плохая учёба (неуспеваемость, прогулы, безответственность, низкая мотивация), нарушения в поведении, проявление агрессии по отношению к другим и к себе, здесь же расстройства пищевого поведения, истерики, вспышки гнева, трудности в установлении близких отношений и подобное.

Поэтому уже на первичных интервью ряд поведенческих симптомов у подростка могут непосредственно указывать на перверсию. Также сбор анамнеза из беседы с родителями, в частности, история рождения ребёнка, его раннего развития, а также истории жизни самих родителей и их проблем, даже в самых общих чертах, с первых встреч наталкивают на мысль о том, что мы оказываемся в поле тяжёлой клинической сексуальной психопатологии, относящейся к перверсии.

В психоаналитической литературе описано много примеров работы со взрослыми первертными пациентами, в то время как исследований перверсий у подростков

гораздо меньше. В основном, в поле внимания аналитиков попадают молодые люди, совершившие тяжкие преступления — насилие, садизм, жестокое обращение. Но и в наших кабинетах мы можем встретиться с такими пациентами, пусть, к счастью, и с менее брутальным поведением.

Итак, ведущие признаки для диагностики перверсии, органично вытекающие из вышеназванных теорий и механизмов формирования перверсии [3, с. 79-81]:

Инкапсуляция (уход, обрыв связей с внешним миром), огромный страх быть обнаруженным.

Компульсивность и повторение.

Истинная сексуальная перверсия всегда включает использование тела. Причём, сценарий всегда узкий. Жёсткое ограничение в выборе сексуальной стратегии поведения.

Неспособность вступать в полноценные объектные отношения и склонность к обману влекут за собой эмоциональные трудности, возникающие при попытке выстроить любовные и сексуальные отношения.

Сексуализация, как ведущий защитный механизм при перверсии, замещает способность думать, поэтому символическое значение ускользает от сознания пациента. При символическом оскудении на первом плане оказываются влечения, которые камуфлируются под действия.

Враждебность и ненависть. При этом перверт совершенно не осознаёт объекта своей ненависти, а также причины своего желания отомстить. Враждебность включает унижение, направленное на партнёра или на себя.

Сильный страх оказаться в ловушке или захваченным ведёт к потребности в полном контроле.

Вместо удовлетворения влечений вместе с объектом, в который было инвестировано либидо, перверт остаётся обделённым человеком, единственным удовольствием которого остаётся приятная разрядка.

Рискованное поведение и маниакальность. Влечение к смерти заставляет испытывать постоянную и непреодолимую тягу к ситуациям, ставящим их жизнь под угрозу. Риск может служить возбуждающим фактором. Ощущение «заигрывания со смертью» даёт ощущение жизни. Происходит эротизация смерти. Любой вид рискованного поведения можно понимать как маниакальную защиту от неспособности горевать, т.е. от депрессии, от психической боли.

В каких отношениях формируется будущий перверт?

Схема несложная: необходима мать с первертными наклонностями, первертный тип отношений в родительской паре, в истории такой семьи — повторяющиеся циклы насилия, как минимум, в трёх предыдущих поколениях.

Первертные матери — часто молодые женщины, в анамнезе которых были пищевые расстройства и/или случаи самоповреждения. Можно говорить о том, что в психосексуальном аспекте такие матери гомосексуальны. Об этом пишет Ж. Шассге-Смиржель

Материнство становится
подходящим средством
реализации первертного
поведения.

при рассмотрении анального пространства перверсии, в котором упраздняются все различия между полами и поколениями [3].

И мужчины, и женщины используют для перверсии свои репродуктивные функции и органы. При этом женщина использует всё тело, поскольку её репродуктивные и сексуальные органы располагаются в различных частях тела, и его неотъемлемые свойства, включая фертильность. Если у мужчин садистические действия направлены на внешний частичный объект, то у женщины действия направлены против себя — против своих тел или против объектов, которые они рассматривают как собственные творения, т.е. против детей. Поэтому материнство становится подходящим средством реализации первертного поведения [3, с. 97].

Французские аналитики разработали концепцию «фетишистского объектно-го отношения» матери к ребёнку. Первоначально ребёнок отождествляется первертной матерью с недостающим фаллосом, а затем становится её вещью или игрушкой, что делает это взаимоотношение похожим на отношения с частичным объектом у первертов-фетишистов.

Также рождение ребёнка может быть единственным способом понять и выразить собственные эмоциональные потребности, которые прежде не были ими осознаны и не адресовались кому бы то ни было. Такие женщины колеблются между восприятием своих детей либо в качестве здоровой части себя, либо в качестве недооценённых зеркальных отражений самих себя. Первертная мать ощущает своего ребёнка как часть себя, с которой она никогда не расстанется, и не позволит ему развить свою собственную гендерную идентичность, уже не говоря о достижении индивидуации [3, с. 128].

Для первертной родительской пары характерно ощущение взаимозависимости и поглощённости; эти отношения помогают им поддерживать связь посредством действий садистского и сексуального характера, совершаемых против зависящих от них людей. Дети представляют собой отщеплённый травмированный интроект родителей. Родители реагируют на «угрожающего ребёнка» (их интроект) либо диссоциативным поведением, либо действуют по принципу «бей и беги». Родители таких детей находятся в «злокачественной связи», «родители-союзники» в садистических атаках на ребёнка. Фантазм первосцены у растущего в такой паре ребёнка имеет насильственный характер [3, с. 107].

Мельтцер пишет, что в норме в первичной сцене мы можем выделить «пятерых участников: мать, отца, мальчика, девочку и внутреннего младенца матери <...> Психикой индивида в норме в полиморфном состоянии управляет эдипов комплекс с его соперничеством, ревностью и склонностью искать такие решения проблем, которые не требуют отказа от прав на объект или откладывания удовлетворения [2, с. 152]. «Перверзная сексуальность выводит на первичную сцену дополнительную, шестую фигуру — «чужака»,

Рождение ребёнка может
быть единственным способом
понять и выразить собственные
эмоциональные потребности,
которые прежде не были
осознаны и не адресовались кому
бы то ни было.

постороннего, врага родительского творчества, нарушителя семейной гармонии и любви, вредителя, циника и злодея, несущего на себе Каинову печать» [там же, с. 158].

Эта часть личности, которая в норме присутствует в процессе развития у любого ребёнка, описана в работах М. Кляйн. Степень её вредоносности можно снизить при помощи опыта здорового развития и при помощи терапии. В случае нарушенного развития эта злонамеренная часть личности объединяется с плохими объектами, рождается садистское суперэго [там же, с. 158-159].

Садистское суперэго сформируется у ребёнка, чей родитель сам серьёзно нарушен, и плохая часть имеет шанс на сговор и слияние [там же, с. 159]. Вырастая, они берут первосцену под свой контроль, они больше не ждут за дверью, а становятся кукловодами, направляющими совместные усилия на повторное разыгрывание болезненного прошлого уже со своими жертвами, для которых участие в этом процессе становится способом выживания.

Ребёнок идентифицируется с проекциями родителей, что ведёт к инверсии отношений между контейнером и его содержимым. Такая инверсия приводит к осложнениям в процессе сепарации-индивидуации. Дети не в состоянии уйти от своих травмированных родителей, не могут выражать злость и легко оказываются жертвами очередного насилия [3, с. 105].

В семейной динамике отец обычно выступает в роли насильника, а мать или жена пребывает в «блаженном» неведении о подобном развитии событий. Впоследствии у этих женщин может наступать сильнейшая тоска, эмоциональная боль и отчаяние. На консультации мы можем услышать фразу «если бы я могла повернуть время вспять, я сделала бы иначе».

Во внутреннем мире такого пациента аналитик (пол не имеет значения) окажется садистичной матерью, а аналитические отношения будут окрашены в безобразные цвета перверзного союза; терапевтический альянс, если и будет установлен, будет вынужден выдерживать шторм атак внутреннего Дьявола, завуалированного в тонкие соблазняющие манипуляции.

Один сеанс в неделю — «это больше, чем они (а также и мы) могут перенести, а остаток недели используется для переваривания интерпретаций, такие пациенты в своей голове находятся в постоянном «диалоге» со своими терапевтами» [3, с. 101].

Анализ перверсии — это вопрос понимания и интерпретации явлений переноса.

Перверсный пациент склонен к отыгрыванию, НТР, обращаемой перспективе. С помощью механизма обращаемой перспективы (У. Блон) оказывается ожесточённое сопротивление принятию интерпретаций, которые могут привести к активным внутренним преобразованиям, а также осознанию [3, с. 98-99].

Первертная мать ощущает своего ребёнка, как часть себя, с которой она никогда не расстанется, и не позволит ему развить свою собственную гендерную идентичность, уже не говоря о достижении индивидуации.

У аналитика, работающего с такого рода пациентами, будут возникать «фан-тазии о спасении», нетерпение, желание «догнать и причинить добро». Терапевты, испытывающие стыд из-за возникающего у них нетерпения и разочарования могут пытаться скрыть их под мягкими и добрыми реакциями, которые не только бесполезны, но и вызывают презрение

у таких пациентов. Они, в принципе, испытывают презрение к этому миру, в котором их отвергали, бросали и унижали те, кто должен был о них заботиться [3, с. 103].

Склонность заигрывать с опасностью для поддержания ощущения себя живым бессознательно проявляется и в контрпереносе, аналитик может чувствовать себя возбуждённым, замороженным и соблазнённым психопатологией пациента, захваченным «первертным сговором». Хотя этот период можно рассматривать как «достаточно хорошую» терапию [3, с. 98].

На определённых этапах психоаналитического процесса такие пациенты неизбежно начинают пытаться «вырвать» аналитика из привычной роли и изменить структуру аналитического процесса таким образом, чтобы она соответствовала структуре их перверсии [2, с. 236].

Ещё раз повторю, что особое внимание в процессе работы должно принадлежать анализу переноса, так как только это поможет справиться с проблемами, вызванными диссоциацией эго, смещением субъекта и объекта, превращением желания в мировоззрение.

В моей практике были случаи обращения и самих подростков, имеющих перверсии, и их родителей. К сожалению, чаще всего такие пациенты (родители таких пациентов) склонны саботировать терапию, вероятен обрыв на ранних стадиях анализа. В приведённом клиническом случае, как только начались первые успехи в анализе, также произошёл обрыв терапии на третьем году по причине «финансовых трудностей в семье».

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Ко мне обратилась мама Степана (14 лет) с жалобами на проблемы обучения у сына. Он рискует быть отчисленным из общеобразовательной школы, не сдать ОГЭ. Несмотря на то, что Стёпа — неглупый парень, он учится на двойки, конфликтует с одноклассниками и с учителями. При каждом удобном случае он пропускает учёбу, и если бы родители не заставляли его ходить в школу, то он и не ходил бы. Запугивание и увещевание уже не помогают, ему всё равно. У матери было желание перевести его на домашнее обучение, но отец категорически против. Выполнение домашних заданий, начиная с 1 класса, тщательно контролировалось родителями и репетиторами.

Степан — старший ребёнок из троих детей в семье (второй ребёнок наблюдался у психиатра, третий — у невролога). На момент обращения родители уже несколько лет были в разводе, дети постоянно жили с матерью, отец периодически общался с детьми (чаще всего приходил, не предупреждая, когда ему захочется).

Садистское суперэго
сформируется у ребёнка, чей
родитель сам серьёзно нарушен,
и плохая часть имеет шанс
на сговор и слияние.

У обоих родителей в их семейных историях присутствует насилие, в том числе сексуальное насилие над женщинами, рукоприкладство мужей над жёнами, отцов над детьми.

Родители Стёпы — уважаемые люди в своём небольшом провинциальном городе, за несколько лет организовали общий бизнес, зарабатывали неплохие деньги. Однако, дома отец периодически издевался над матерью в присутствии детей — бил, оскорблял, унижал, однажды даже вызывали полицию, чтобы его усмирить. Степану тоже регулярно доставалось. Отец хладнокровно бил сына, унижал словами, через некоторое время, правда, предпринимал попытки извиниться. Стёпе доставалось за учёбу, прогулы и не только. Из-за страха перед наказаниями Степан научился изощрённо врать, но за ложь отец наказывал ещё сильнее.

На первой родительской встрече мать много говорила мне о том, как сожалеет, что не смогла защитить детей раньше, изолировать их от такого отца. Характеризовала бывшего мужа словами «мразь», «ублюдок», «ненавижу его».

Первое моё впечатление от встречи со Стёпой было довольно запоминающимся. В кабинете на меня смотрел подросток, в глазах которого было много боли, злости, обиды

и какой-то отстранённости. Он выражал желание поработать с психологом, сказал, что очень интересуется психологией.

Первые месяцы анализа с трудом устанавливался сеттинг. Степан всячески саботировал наши встречи — забывал, опаздывал, просил отменить, сделать встречи более редкими: не раз в неделю,

Анализ перверсии – это вопрос понимания и интерпретации явлений переноса.

а, например, раз в две-три недели. Если приходил, то мог долго молчать или дремать, растянувшись на кушетке, несмотря на нашу договорённость относительно телефона, переписывался в чатах с друзьями. Я сказала, что если он не готов работать, не хочет, то никто его мучить не будет, терапия — дело добровольное, мы можем закончить нашу работу. Придёт тогда, когда будет готов. Он воспротивился окончанию наших встреч, начал включаться, меньше опаздывать, пропуски сессий сократились.

Первое время он рассказывал мне о своей дворовой компании, о мальчиках, с которыми гуляет или играет в компьютерные игры, упоминал про сюжеты игр. Слушая эти истории, я постепенно складывала его портрет из мозаики интроектов и внутренних образов. Про мать и отца в первые полтора года работы он не говорил практически ни слова. Если говорил, то моментально менялся в лице, бледнел, будто бы убегал далеко вглубь себя.

В первый год терапии ему вообще не хотелось со мной разговаривать, выуживать из себя мысли, воспоминания, слова, как будто ему очень хотелось выговориться, но он не мог.

Первый год я сама сильно нервничала перед встречами, не могла ни на чём сконцентрироваться, с какой-то тяжестью предвкушала наше со Стёпой общение, мучилась из-за того, что так трудно даются интервенции, постфактум часто критиковала себя за них.

Было ощущение, похожее на вину за то, что я трачу его время и мучаю его (и себя) целых 50 мин. Я, аналитик, — всего лишь бесполезная сиделка (няня, репетитор) и наблюдатель (депрессивная безжизненная мать), которая не участвует в его жизни и реально ничем помочь не сможет. Параллельно с ощущением какого-то паралича, у меня была стойкая уверенность, что парня можно и нужно спасти, именно спасти. Через проективную идентификацию он сообщал мне, что жизни в нём мало, поэтому нужно, чтобы его кто-то тащил; что он — жертва насилия со стороны отца, спасатель матери и братьев, и, одновременно, сам — преследователь. В анализе тоже преследователь. Он «издевался» надо мной, над сеттингом, над процессом терапии. Иногда я ощущала жертвой и себя, мне хотелось заскулить от несправедливости и убежать, отказаться от работы с ним.

Ближе к третьему году работы ассоциации Степана стали постепенно наполняться историями — он мог всю сессию говорить о конкретной ситуации в школе, или о компьютерной игре, сюжете, герое. Начали появляться небольшие успехи в учёбе. Он начал упоминать об отце, в основном, как он врывается в относительно спокойную жизнь семьи, кричит на детей, угрожает, пытается всё контролировать, грозит оставить семью без денег, без алиментов.

Склонность заигрывать с опасностью для поддержания ощущения себя живым бессознательно проявляется и в контрпереносе, аналитик может чувствовать себя возбуждённым, замороженным и соблазнённым психопатологией пациента, захваченным «первертным сговором».

Однажды на встрече, между прочим, Стёпа поведал, что с детства практикует анальную мастурбацию. С этого момента рассказы Стёпы стали насыщаться ассоциациями, связанными с сексуальностью и насилием — темами войны, постапокалипсиса, прочитанными и увиденными в кино историями о пленных, их борьбой за выживание. Говорил о девушках, о том, что они ненадёжны, поэтому ему не интересны, и что он не собирается никогда заводить никаких отношений.

Мой эмоциональный отклик стал спокойнее. Чаще стала накрывать скука, сонливость. Бессознательно мне хотелось укрыться от того, что скрывалось за этой скукой — от чего-то мучительного — агрессии, убийств, искалечения. Будто бы закрыться, не слушать, не быть в контакте с содержанием бессознательного пациента.

Проанализируем то, что происходило...

Когда Стёпа говорил о мастурбации, важно понимать, что речь шла не столько о сексуальном удовольствии, сколько об избавлении от невыносимого напряжения. Его анус в бессознательной фантазии — это анус отца, которого нужно уничтожить, убить. Анальная мастурбация — фантазия об убийстве отца-психа-садиста. Рассказывая про это, он показывает, что он — жертва, которую насилуют до сих пор, всегда насилуют.

Особое внимание в процессе работы должно принадлежать анализу переноса, так как только это поможет справиться с проблемами, вызванными диссоциацией эго, смешением субъекта и объекта, превращением желания в мировоззрение.

Анус стал объектом, неким пространством, которое позволяет перевернуть ситуацию: это не Стёпу насилуют, теперь насилует он.

С другой стороны, можно было думать и о том, что анус — это он, то, что с ним совершают мать и отец, как бы проводят над ним опыты, запихивая в него свои ужасы, страхи брошенности, ненужности. Чтобы избавиться от этих невыносимых переживаний, он должен представить это как сновидение, но в силу дефицита способности к символизации, он разыгрывает это буквально через анальный коитус. Он поочерёдно становится то матерью, то отцом, а также наблюдает половой акт родителей — первосцену. В этих фантазиях о первосцене ему нужно испоганить любовь, контакт, связь родительской пары. Наказать психа-отца (ведь если убить садиста, то это вовсе и не преступление, не правда ли?), и мать-проститутку, которая должна принадлежать только ему (Стёпе). В этом смысле речь также идёт об инцесте. Ведь если бы он сам совершил половой акт с матерью, тогда родился бы новым, другим человеком, не тем, который появился от отца, так как от такого отца рождаются только ненужные ублюдки. Мы наблюдаем буквальный Эдип, наполненный особым садизмом. Мать-Иокаста не ждала Стёпу-Эдипа, потому и отдала отцу-Лаю на уничтожение, в качестве груши для битья. Эти родители (сговор и злокачественная связь родительской пары) не хотели ребёнка. Значит, им нужно отомстить.

У Стёпы в фантазиях война, убийства, расчленёнка, персекуторная тревога, преследующие объекты. И одновременно — это не просто фантазии, это реальность его дисфункциональной семьи.

Фаллоимитаторы как острые иголки периодически внедряются в него. Иголки — это ярость, гнев, обида, беспомощность, ненависть, зависть. От них невозможно никуда деться. Поэтому и с одноклассниками он ведёт себя как отец-садист — внедряет в них свои изгоняемые слабые, не способные защитить себя части. Вообще учиться — значит интроецировать. А он переполнен болью. Он везде чудовище, изгой, ни свой, ни чужой.

Аналитическая связь также должна быть уничтожена — она насилующая. Ведь у аналитика есть надежда на то, что он оживёт, соберёт своё Я, но тогда он почувствует боль и снова будет страдать. Как ему найти выход из этой ситуации? Никак, только убивать тех и то, что причиняет боль.

При перверсии речь
идёт не о сексуальности,
а о сексуализации, как защите
от невыносимых переживаний.

Таким образом, если отнестись к факту его перверсии не как к конкретной ситуации, а как к его мышлению, тогда становится понятно, чем он переполнен, из чего он состоит. Он состоит из бета-элементов, совершенно не обработанных переживаний, которые связаны с яростью, ненавистью к матери и к отцу, потому что они занимаются сексом и делают, что хотят. А он — это монстр, чудовище, которое вершит ужасные дела, он — убийца, но убийца легитимный, который «по закону» (так надо, приходится убивать). Приходится иметь дело с Дьяволом, «убивать» отца и мать, потому что они виноваты, так как испортили ему всю жизнь.

ЧТО ДЕЛАТЬ И ЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ В АНАЛИЗЕ?

С одной стороны, не быть садистом и преследующим объектом — не расспрашивать и не конфронтировать его фантазии об убийстве, так как это сталкивает его с ужасом от того, что он «творит». Его агрессивные, ненавистные фантазии смешаны с фекалиями, с убийством, с инцестом. И, вместе с тем, не быть слабаком — не бояться говорить на те темы, которые он приносит. С интересом рассматривать эти картинки. Если он об этом не боится говорить, но меня напугал, значит, что он очень опасный, терапия никуда не движется, и он «взрывается», аналитик не работает как контейнер.

Итак, подводя итог, ещё раз отмечу, что при перверсии речь идёт не о сексуальности, а о сексуализации как защите от невыносимых переживаний. Речь идёт о насилии на уровне эмоций, которое должно быть как-то облечено в какую-то форму. На примере клинического случая я старалась показать, как пациент-подросток буквально разыгрывает бессознательную фантазию, как если бы это было его сновидение. Он не может сознательно об этом фантазировать, он это делает. Это принудительная компульсия, вызванная насилием эмоций.

Перверсия — попытка выплеснуть эмоции для того, чтобы контейнер был под контролем, так как в основе этого очень много надежды на то, что мать будет удержана и сконтейнирует его ужасы, сможет услышать, принять его таким ужасным и одновременно слабым, беззащитным, страдающим, и, наконец-то, защитить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу// под ред. Н.С. Автономовой. — СПб. : Центр гуманистических инициатив, 2010. — 751 с.
2. Мельтцер Д. Сексуальные состояния разума. — М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2021. — 314 с.
3. Уэллдон Эстела В. Игры с динамитом. Индивидуальный подход к психоаналитическому пониманию перверсий, насилия и преступности. — М. : Издательство «Перо», 2017. — 381 с.
4. Фрейд З. Большая книга психоанализа. Введение в психоанализ. Лекции. Три очерка по теории сексуальности. Я и Оно. — М. : Издательство АСТ, 2015. — 527, [1] с.
5. Этчегоен Горацио Р. Основы психоаналитической техники. — М. : Когито-Центр, 2020. — 1010 с.

ЛЮДЯМ ПРО ЛЮДЕЙ

Личные истории специалиста и регионального отделения часто причудливым образом переплетаются и развиваются одновременно, поскольку наша профессия дает возможность измениться самому и окружению вокруг. Неординарный путь от успешного сотрудника банка до психоаналитически ориентированного терапевта под силу только увлеченному и одаренному человеку, так же как и яркое становление регионального отделения в Уфе со своим характером и традициями возможно было только в среде плодovitых и талантливых. О том, как это происходило, читайте в интервью Лилии Черновой, которое провела Наталья Сухова.

Мы вместе строим новый дом

Чернова Лилия Анваровна

- Психоаналитик, парный и семейный психолог
- Председатель РО Уфа ЕАРПП

*Л.Ч. — Лилия Анваровна Чернова
Н.С. — Наталья Сухова*

Н.С. — Здравствуйте, Лилия Анваровна. Начнем с основного — с истории появления и становления регионального отделения.

Л.Ч. — История нашего отделения началась в 2014 году. Юлия Михайловна Хакимова — родоначальник Уфимского регионального отделения — поехала на Зимнюю Школу в Екатеринбург и там узнала, что можно стать частью межрегионального психоаналитического сообщества и развивать психоанализ и психоаналитическую психотерапию в своём регионе. Вдвоём с коллегой, Христиной Григорьевной Фостиропуло, они начали этот путь. В то время отделение (вернее, региональное представительство) состояло из них двоих. В начале 2015 года состоялась первая встреча в нашем Республиканском Психотерапевтическом центре. На встрече Юлия Михайловна рассказывала о психоанализе, о существовании сообщества, о намерении развивать и распространять психоанализ и психоаналитическую психотерапию в регионе.

Уже через полгода прошла первая психоаналитическая конференция в Уфе «Психоанализ: от теории к практике».

Это был самый важный шаг, поскольку на конференции собрались не только психологи, но и психиатры, заинтересованность и поддержка со стороны медицины дала понимание и уверенность всем, что психоанализ важно и нужно развивать, изучать и осмыслять.

Постепенно стали присоединяться коллеги, интересующиеся психоанализом: это Жанна Николаевна Валеева, Владимир Александрович Гречко и я. Наша «великолепная пятёрка», как пошутила Юлия Михайловна, постепенно продвигала психоанализ.

Я тогда только пришла в профессию и одновременно в наше РО, всё шло параллельно в 2016 году. Президент сообщества, Татьяна Владимировна Мизинова, очень поддерживала нас, приезжала на все конференции, помогала распространять психоаналитические идеи и способ мышления. Это была не просто мощная профессиональная поддержка, она относилась и относится к нам с искренней любовью, это очень ценно.

2017 был год богат на психоаналитические события в Башкортостане, состоялся клинический симпозиум по психоанализу и психоаналитической терапии Quattro-Leto II. 4 психоаналитика, преподавателя (Аксиненко О.В., Барсуков В.И., Куликов А.И., Низамов В.А.) делились своим опытом, взглядами на проблемы и возможности сохранения терапии. «Особенности переноса, сопротивления, контрпереноса в начале психотерапии» — так звучала тема. А после четырехдневной насыщенной программы обучения, мы катались на теплоходе по реке Белая, танцевали и наслаждались видами с воды. На этот симпозиум слетелись психоаналитики и психологи, психиатры из разных уголков страны, и тогда было отчетливо понятно — живое общение, обмен опытом, расширение границ за рамки республики крайне важно и приносит невероятное удовольствие.

В том же году состоялся семинар «Нарциссизм» супервизора ЕКПП Низамова В.А., а осенью к нам прилетел доктор Урбан Вестин (Dr, Urban Vestin) известный шведский психоаналитик, член Шведской психоаналитической ассоциации и IPA и провел семинар «Психоанализ: начало». Юлия Михайловна Хакимова познакомилась с ним в Санкт Петербурге на обучении при ВЕИП, где так же обучались в то время наши коллеги из Уфы — Валеева Ж.Н., Фостиропуло Х.Г., Никова Г.А. — и он поддержал идею Юлии Михайловны по поводу визита в Башкортостан.

Приезд Урбана Вестина в Уфу был вдохновляющим событием: он делился с нами опытом своей 40-летней психоаналитической практики. Тогда, помню, меня очень заинтересовал его способ супервизировать: он попросил меня приготовить для супервизии подробный текст одной сессии. Не историю пациента, не актуальное, на мой взгляд, сопротивление — он слушал нашу сессию. Этот способ открыл для меня совершенно удивительные новые грани своего представления о ходе терапии.

Мне очень нравится наблюдать,
как люди постепенно осваивают
совершенно новый опыт
существования - эмоционального,
осознанного, более целостного.
Учатся выдерживать скуку
или грусть, не разрушаясь.

Мне представляется важным
двигаться в своём темпе.

После семинара Христина Григорьевна (которая по совместительству была переводчиком), провела экскурсию для гостя из Швеции. С большим интересом и даже восторгом Вестин смотрел на деревянные домики на улице Трактовой по доро-

ге к Крестовоздвиженской церкви, на дореволюционные уфимские дома. Большое впечатление на шведа произвел вид на забельские дали с обрыва у памятника Салавату Юлаеву.

Стали традиционными и конференции, с 2015 года они проводились каждый год. В 2018 году к нам прилетела Алина Алексеевна Тимошкина на IV научно-практическую конференцию: «Психоанализ и бизнес».

Алина Алексеевна показала нам, как работают группы, что такое большая группа, продемонстрировала, как психоанализ с помощью инструмента группы может справляться с агрессией. Мы были впечатлены и заинтересованы. Постепенно члены нашего РО стали обучаться группанализу в МШГА.

Мы одними из первых объединили онлайн и очный формат конференций и, если я не ошибаюсь, именно у нас прошла первая большая группа, где онлайн и очный формат были объединены. Мы каждый год стараемся предложить нашим онлайн участникам что-то новое, потому что у нас есть эта идея про объединение, про то, чтобы те, кто находится в онлайн пространстве, не ощущали себя брошенными и незаметными.

В марте 2020 года в начало пандемии коронавируса под руководством председателя комитета по науке, а ныне заместителя председателя РО — Уфа Владимира Александровича Гречко, наше РО выпустило сборник статей «Грани отношений». В сборнике объединили работы 11 психологов, психоаналитиков и по шагам раскрыли разные грани отношений: от формирования психики человека, выбора партнера, создания семьи до развода и отношений с детьми. Всего было выпущено более 200 экземпляров.

Особенность нашего отделения в том, что мы — молодые и очень плодотворные. У нас есть два «отпочковавшихся» от нас региона развития — Сочи и Казань. Жанна Николаевна Валеева всегда отличалась умением общаться с большим количеством разных людей, поэтому на наших мероприятиях всегда присутствовали коллеги из разных уголков страны, которые приезжали к нам в Уфу. Сейчас именно Жанна Николаевна развивает психоанализ и психоаналитическую психотерапию в Сочи.

В Казани мы провели две конференции в 2022 и 2023 годах: «Исцеляющие отношения — как лечит индивидуальный и групповой психоанализ» и «Работа с сопротивлением в индивидуальной и групповой терапии». В планах открыть регион развития в республике Татарстан.

На сегодняшний день нас 17 человек в отделении, подано еще 3 заявки. Это уже уверенное сообщество, коллеги разных психологических направлений по Республике Башкортостан знают нас, мы ведем активную информационно-просветительскую работу, рассказываем, что такое психоанализ и как он может помогать.

Например, у нас есть такой проект: киноклуб «По Фрейду». Мы его проводим достаточно часто, два раза в неделю. Он очень популярен. Чаще всего его посещают

не психологи, а люди из совершенно разных сфер. Есть те, кто постоянно приходит посмотреть кино. Это просветительский проект, через который интересующиеся узнают, что такое психоанализ, как можно глубже смотреть на человеческое поведение и понимать скрытые причины поступков. Когда я провожу киноклуб, я стараюсь показать, как именно работают какие-то базовые психоаналитические понятия, например защиты, вытеснение или изоляция. Через истории киногероев бывает легче увидеть, как человек делает нечто с собой. Некоторые из тех, кто ходят на киноклуб, потом приходят в терапию, хотя до этого, как они говорят, не задумывались об этом. А некоторые даже поступают учиться на факультеты психологии.

Сейчас Владимир Александрович Гречко делает новый видеопроjekt «Что для меня психоанализ?». Это небольшие видео, где члены нашего ЕАРПП со всех регионов будут отвечать на вопрос: «Что для вас психоанализ?». Затем всё будет смонтировано в одно видео, состоящее из несколько выпусков. Также у нас функционирует интервизионная группа для членов РО, встречаемся раз в месяц.

Надо дать возможность человеку самому двигаться и изменяться
в том темпе, в котором он может, и получать свои знания о себе,
а не приобретать их из уст психоаналитика.

В июле 2023 года у нас состоялась выездная конференция на озере Банное. Тема конференции в этом году была: «Тело. Семья. Психоанализ». Это наше детище, над которым мы много хлопотали. Выездное мероприятие — это новый формат для нас, раньше мы проводили конференции в черте города. Идея выездной конференции у меня возникла, когда я с коллегами была на конференции в Сочи в 2022 году «Психоанализ соблазна». Я подумала о том, как здорово, когда конференция проходит в каком-то красивом, приятном месте — можно совместить и работу, и отдых. У нас в Башкирии много красивых, уникальных мест, одно из них — озеро Банное — это самое глубоководное озеро в Республике Башкортостан, и оно находится среди Уральских гор. Для меня это особенное место, мои родители познакомились именно там. Я подумала, что в этом месте началась история моей жизни, и, если там пройдет первая моя конференция как психоаналитика и председателя регионального отделения, это будет очень символично для меня. Я поделилась идеей со своими коллегами, и они поддержали меня, так мы и решили провести выездную конференцию.

Было много трудностей с удаленной коммуникацией, едой, аппаратурой, трансфером, и так далее. Мы старались все предусмотреть, у каждого был свой фронт работ. Я очень благодарна инициативной группе нашего РО за такую колоссальную поддержку, активность, возможность чувствовать опору и командный дух. Одному такое мероприятие создать просто невозможно.

Конференция прошла чудесно, мы до сих пор продолжаем получать отзывы наших гостей о том, как всем было уютно, интересно, вкусно и расслаблено на нашей

Профессия дает возможность
измениться самому и окружению
вокруг тебя

конференции. С нами разделили мероприятие 70 человек.

Каждый доклад стоит отдельного внимания, мы вели запись конференции и сейчас те, кто пропустил мероприятие, могут приобрести видеозапись. Много отзывов про обилие практической работы — мастерские сновидений, ма-

стер-класс по отношениям, супервизионные группы, дискуссии.

По традиции, конечно же, не обошлось без праздничного банкета, на котором мы играли в квиз, пели и танцевали. А в последний день мы устроили настоящий прощальный костер — любопытно, что на одной из групп у участников возникла ассоциация про лагерь и костер — и вот фантазия обрела форму реального. На берегу озера мы разожгли костер, жарили мясо, общались и угощались местной настойкой-бальзамом «Агидель».

Мы благодарны всем спикерам, которые принимали участие в нашей конференции и выражаем признательность за поддержку и личный визит Алине Алексеевне Тимошкиной, Светлане Автономовне Аулкиной, Галине Витальевне Гридаевой, Елене Петровне Савичевой и Елене Леонидовне Коробовой.

Такие мероприятия навсегда остаются в воспоминаниях и вдохновляют на работу на длительное время. Есть что смаковать внутри себя.

Н.С. — Да, спасибо. Очень интересные проекты! Я обратила внимание, что вы достаточно активно рассказываете в социальных сетях о профессиональных событиях и мероприятиях.

Л.Ч. — Психоаналитики — такие люди, которые не очень любят вести социальные сети, по крайней мере, у нас в РО есть сопротивление этому. Мы ввели такую схему: у нас есть группа в ВК, есть телеграмм-канал, и каждый месяц этим занимается кто-то один, по очереди — ведёт странички. Мы не смогли делегировать это постороннему лицу, потому что человеку, не погруженному в материал, сложно грамотно вести страницы соцсетей. Поэтому этим занимается каждый член нашего РО по определенному графику. Один месяц это были интервью, другой месяц мы рассказывали про жизнь нашего отделения, рассказывали про предстоящую конференцию, про каждого из спикеров. Мы решили так подойти к этой задаче. Это очень неплохой вариант — вполне посильная ноша: один раз в год один месяц ты этим вплотную занимаешься. И нагрузка равномерно распределяется между членами регионального отделения.

Н.С. — Это вы здорово придумали! В этом и разнообразие есть — один видит так, другой коллега по-другому, получается более многомерный взгляд.

Л.Ч. — Мы надеемся на это.

Н.С. — Лилия Анваровна, как Вы решили стать психоаналитиком? И каким был Ваш профессиональный путь становления?

Л.Ч. — Как мне кажется, у меня не совсем обычный путь. По крайней мере, обычно, когда я задавала этот вопрос коллегам, то слышала чаще два варианта ответа. Один вариант входа в профессию — через личную терапию. Когда человек сначала приходит в терапию для разрешения своих сложностей, улучшения своей жизни. И через какое-то время в нем просыпается интерес к внутреннему, эмоциональному миру, и человек поступает в психологический ВУЗ, чтобы подробнее узнать о психике и ее работе. И спустя время меняет профессию, становится психологом или психоаналитиком. Другой вариант профессионального становления — человек изначально интересовался психологией, обучался, к примеру, клинической психологии, арт-терапии, символдраме или какому-то другому направлению. Постепенно приходил к психотерапии и выбирал психоаналитическое направление как самое интересное для себя. Психоанализ — это достаточно сложный, глубинный метод и, когда ты юный, к нему сложно подступить.

Я же работала совсем в другой сфере, закончила Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет, направление — экономика. Мое первое образование по специальности «Бухгалтерский учет, финансовый анализ, аудит». Долгое время я работала в банке, строила карьеру — начинала с кассира, затем выросла до руководителя зарплатных проектов. Всё было хорошо — достойная зарплата, высокая должность. Но у меня всегда была такая особенность — мне было интересно разговаривать с людьми. Как только у меня появился отдельный кабинет, ко мне всё время приходили коллеги.

Они рассказывали про себя, делились личными переживаниями, говорили, что беседы со мной им помогают. Но, когда кто-то советовал мне стать психологом, я посмеивалась. Затем вспомнила, что в школьные годы в стенгазете я вела рубрику вопросы — ответы. Учащиеся, с помощью писем в специальный бокс, задавали анонимные вопросы о своих проблемах. Я, с высоты своего опыта одиннадцатиклассницы, имела смелость отвечать на эти вопросы. Получается, что интерес к людям, к их переживаниям у меня был всегда. Там же, работая в банке, в нашем корпоративном журнале, я вела рубрику «Лицо номера» — брала интервью у банковских служащих разных должностей, и старалась подбирать такие вопросы, чтобы они раскрывали именно эмоциональную сторону жизни интервьюируемого.

В какой-то момент своей жизни, успешной банковской карьеры я испытала неудовлетворенность. Я поняла: то, чем я занимаюсь — это успешный социальный фасад, но мне это не приносит удовольствия. Начала думать, чем же другим мне заняться, какую профессию выбрать. Одна моя знакомая работала психотерапевтом, я встретилась с ней, чтобы узнать, что это вообще такое, как это происходит, как это работает. Она мне всё рассказала и заверила, что у меня все получится. Я подумала — почему бы и нет? Я — человек смелый и достаточно работоспособный. Поступила в ВЕИП, параллельно

Я разрешила оставаться себе обычным человеком, работающим по специальности «психоаналитический психотерапевт». Именно в таком порядке – сначала человек, потом профессионал.

Психоанализ — это не какие-то «тайные» знания, которые нельзя получить, и это не та работа, на которой работают только избранные, особенные люди.

начала личный анализ. Я из тех, кто приходит к психоаналитику и говорит: «У меня всё отлично, мне просто нужны часы для сертификации, поэтому я к вам пришла». То, что я себя плохо знаю, я стала понимать уже в процессе своего анализа. Но сначала мне казалось, что никаких трудностей нет. Я иногда смеюсь, что все мои сложности появились уже в ходе те-

рапии, а до нее все было безоблачно.

Тогда в ВЕИП существовала «Группа по поддержке практики», вела её Мария Гавриловна Чупрова, потрясающий психоаналитик, которой, к сожалению, уже с нами нет. Так вот, она поддерживала раннее начало практики: несмотря на то, что мы были студентами-первокурсниками, эта интервизионная группа была направлена на то, чтобы мы начали практиковать уже сейчас. Сначала мы обсуждали, почему мы боимся начинать и так далее. Обучаясь в этой группе, я взяла первого пациента в работу за минимальный гонорар — 400 рублей. Постепенно я поняла, что можно параллельно всё совмещать — учёбу, анализ, группанализ. Потом я нашла своего первого супервизора. В это время моя первая пациентка рассказала обо мне другим людям и так постепенно, по принципу «сарафанного радио» у меня набралась практика. С тех пор так и продолжается.

Я узнала, что у нас есть профессиональное сообщество, и стала ходить на все семинары, участвовала в организации конференций, симпозиумов и т. д. Состояла в нескольких группах психоаналитических чтений, в группах по разборам сновидений. Моя жизнь «пропиталась» психоанализом. Я двигалась в таком ритме. Не знаю, насколько он кому-то покажется приемлемым — есть разные взгляды. Кто-то созревает медленно, постепенно, а мой темп такой. Я и сейчас работаю много, у меня обширная практика, мне нравится работать с людьми. Я не делаю проекты на большую аудиторию, к этому я не готова. Мне нравится именно клиническая работа, индивидуальная.

В прошлом году во время перевыборов председателя нашего регионального отделения ЕАРПП, коллеги доверили мне эту должность. До этого я была руководителем этического комитета, принимала активное участие в жизни нашего сообщества, в организациях конференций, в поддержке коллег. Некоторые коллеги в шутку называют меня «Суперэго» нашего отделения. Я люблю правила. Есть расширенные границы — я не против них, но, если границы размыты — для меня это — табу. Я могу сказать: «Нет, ребята, мы так делать не будем». Я вижу свою задачу как председателя нашего РО, во-первых, в повышении уровня проводимых мероприятий (и в этом году, с конференцией, это однозначно удалось по разным показателям), во-вторых, мне хочется создать более прозрачное понимание должностей в РО, развития внутри организации, возможностей. Например, после общения с Еленой Петровной Савичевой на нашей конференции, я позаимствовала у нее идею о том, что каждый руководитель комитета внутри РО пишет себе сам некую должностную инструкцию, то есть за что он отвечает, в чем его роль, и потом, это обсуждается и принимается как единая система. У нас такой

системы пока нет, и вот сейчас, на летний период, мы как раз договорились о таком задании. Нашему РО сейчас 7 лет. Мне кажется, это очень трепетный возраст, мы с полной уверенностью вошли в латентную стадию и теперь либидо устремилось к внешнему миру и построению отношений — поэтому, мне видится, что сейчас у нашего РО много возможностей развивать новые проекты и укреплять старые. А члены нашего РО, которые были с самого начала, стали достаточно «зрелыми» для того, чтобы предлагать свои проекты и идеи уже для всего ЕАРПП. Кстати, следующая наша конференция будет юбилейная, X, она пройдет в черте города, в 15-ти минутах от аэропорта, но прямо на берегу реки Белая, 6 и 7 июля 2024 года. Всех приглашаю принять участие!

Н.С. — Большое спасибо за приглашение! Уверена, что многие наши читатели захотят приехать в гостеприимную Уфу! Мой следующий вопрос — что вас привлекает и что, возможно, отталкивает в психоаналитической работе с клиентами?

Л.Ч. — Со стороны наша профессия выглядит как легкая работа или как сплошное удовольствие. Люди думают: сидишь, ничего не делаешь, слушаешь — и денежки получаешь, всё хорошо! На самом деле, мы с вами знаем, что это, конечно же, не так. Эмоциональная нагрузка серьезная. Сталкиваешься с разнообразными трудностями. Мне сложнее работать с теми пациентами, которые могут вызывать во мне какие-то переживания, похожие на мои: часть из которых, возможно, я пережила, но не до конца (и есть ли, этот конец?), а часть из которых просто мне знакома, понятна. С одной стороны — ты лучше понимаешь, что человек сейчас чувствует, как это может быть тяжело. С другой стороны — это создает в контрпереносе такой резонанс, что порой тяжело переключиться, ощущаешь много беспомощности.

Наша работа забирает определенное количество эмоциональных сил. У нас есть ещё семья и дети, которым нужно уделять внимание. Вот это для меня тоже бывает сложно, поскольку я человек эмоциональный и эмпатичный. То, над чем я работала и работаю — не отдавать всю себя своей работе, где-то останавливаться. Учусь распределять эмоциональные ресурсы между работой и личной жизнью.

Что мне нравится в моей работе? Этого намного больше, чем минусов. Мне нравится определенная рутина, скорее, упорядоченность, стабильность. Есть некий распорядок дня — у тебя есть пациенты, они записаны на определённое время, ты точно знаешь, во сколько ты начнешь, во сколько ты закончишь. При этом всегда есть элемент неожиданности — ты никогда не знаешь, с чем придёт анализант сегодня. Какая будет сессия — грустная, радостная, агрессивная; может быть, будет много молчания?

Вот эта неожиданность мне тоже нравится, я готова к этой неожиданности, и она добавляет в нашу работу такую «перчинку», на мой взгляд. Это непрекращающаяся влюбленность, каждый день новые эмоции. Еще мне очень нравится наблюдать, как люди постепенно осваивают совершенно новый опыт существования — эмоционального, осознанного, более целостного. Учатся выдерживать

Мне кажется важным разрешить себе двигаться со своей скоростью, она у всех разная, и это нормально.

Принадлежность к организации ценна тем, что есть определенные требования и стандарты и к образованию, и к правилам ведения практики, и к ответственности специалиста.

скуку или грусть, не разрушаясь.

Например, недавно пришла моя анализантка, которая сказала, что у нас с ней юбилейная дата — ровно год, как мы начали работу. Она сказала: «Я пришла сюда к вам со своим домом. Это был хороший дом, но мне в нём было плохо. А потом мы его взяли с вами и разрушили. Я осталась без дома». Думаю, и я, и она этот момент помним, это было очень не просто. У неё было много сопротивле-

ния — что терапия не работает, что ей стало хуже. Вот это был момент, когда дом был разрушен. Но мы его преодолели. И вот на этой «сессии-годовщине», она добавила: «Теперь мне кажется, что постепенно мы вместе строим новый дом, и я чувствую, что это мой дом. Хотя мне и странно видеть его таким».

Это чувство «своего дома», «своей жизни» — его очень сложно измерить, оценить, взвесить «в граммах». Тем не менее, это очень важно — жить не просто в хорошем доме, но — в своем и по-своему. Жить свою жизнь. Со стороны это понять невозможно, это ощущается только изнутри. Наверное, ради вот таких ощущений человека, ради этого мы и работаем. Для меня этот результат, который порой очень сложно измерить, очень важен.

У некоторых анализантов есть видимые изменения. Например, человек приходит с головной болью, затем она отступает. Ты видишь конкретный результат. Или, например, человек пил и перестал это делать, то есть избавился от какой-то зависимости. Но чаще, когда проблема лежит в эмоциональной сфере, изменения сложно отследить. Это очень субъективно — человек сам чувствует, что появляется внутренняя устойчивость, самодостаточность. Тогда у меня возникает искренняя радость и благодарность и к себе и пациенту. Вероятно, это то, что действительно важно для меня в работе.

Н.С. — Спасибо! Это очень ценно, особенно такие замечания от клиентов.

Л.Ч. — Да! Не все пациенты способны нам это давать. Поэтому, когда такое есть — это запоминается, это греет душу, это то, что хочется сохранить себе и оставить на те моменты, когда мы услышим, что всё плохо и психоанализ не помогает. Но с

Н.С. — Что бы вы могли пожелать тем, кто ещё учится, тем, кто только начинает или ещё даже не начал практику? У начинающих специалистов очень много тревоги, много страхов.

Л.Ч. — Я не знаю, где заканчивается начинающий психоаналитик. Я себя чувствую если не начинающим, то таким продолжающим, на границе между начинающим и продолжающим, наверное. Но я точно не чувствую, что уже познала «истину» в психоанализе.

Мне представляется важным двигаться в своём темпе. У начинающих специалистов много тревоги по следующему поводу — когда начать практиковать, как начать, а вдруг я не готов, сокурсники уже начали, а я еще нет. Мне кажется важным разрешить

себе двигаться со своей скоростью, она у всех разная, и это нормально. У нас у всех даже конституционально разный темперамент, это тоже имеет свое значение. Безусловно, необходимы базисы: психоаналитическое образование, личный анализ, супервизии. Я думаю, что без этого просто нет никакого смысла — если ты свои «белые пятна» не разглядел и не разглядываешь их, то ты не сможешь помогать другому человеку. На мой взгляд, это относится и к тем коллегам, у которых свой анализ был 20 лет назад. За этот период могли появиться новые белые пятна. В общем, я за честность с самим собой.

Коллеги из нашего РО задавали мне похожий вопрос по поводу советов начинающим для соцсетей. Когда я начинала практику в группе по поддержке практики, ведущая этой группы нам сказала важную вещь. Я это запомнила, и с удовольствием транслирую дальше. Есть первая ступень — когда вы считаете, что вы ничего не знаете, и клиент тоже ничего не знает. Вторая ступень — когда вы считаете, что вы всё знаете, а клиент ничего про себя не знает. Третья ступень вашего развития, как аналитика — клиент сам про себя всё знает, а ваша задача помочь клиенту эти знания из себя «достать», сказать об этом. Это очень важно, как мне кажется. Чем больше практики, тем меньше тревоги по поводу того, что что-то не происходит. Если вначале хочется, чтобы что-то постоянно происходило, то постепенно ты не просто это знаешь теоретически, но ты это чувствуешь и видишь на своём опыте, что постепенная трансформация происходит. Если торопиться, то можно этого не заметить. Надо дать возможность человеку самому двигаться и изменяться в том темпе, в котором он может, и получать свои знания о себе, а не приобретать их из уст психоаналитика.

Когда люди идут учиться на психолога, у всех есть какие-то свои личные мотивы. Однажды в институте нам задали вопрос: «Почему вы пришли в психоанализ?». Это глубокий вопрос. Когда я задаю его своим коллегам, даже тем, которые давно практикуют, не все находят ответ. Понять свою мотивацию очень важно. У меня есть идея, что если ответить себе на этот вопрос, (очень интимный вопрос, который может быть связан с болью), то это поможет двигаться дальше. Двигаться не к разрушению, а к созданию чего-то.

Профессия дает возможность измениться самому и окружению вокруг тебя. Поначалу мне было дискомфортно от того, что люди вдруг начали ожидать, что я теперь знаю «как правильно жить», или «как стать счастливым», на меня давили их ожидания — как будто теперь я в белом пальто, взятом в аренду, и не могу сесть на грязную скамейку или гулять под дождем. Постепенно я освободилась от этого давления. Я разрешила оставаться себе обычным человеком, работающим по специальности «психоаналитический психотерапевт». Именно в таком порядке — сначала человек, потом профессионал.

Еще я хочу пожелать начинающим психологическую практику удачи встретить рядом хороших людей. Нужно присоединяться к сообществу, где чувствуешь себя «на своем месте», среди «своих». В нашем сообществе, в ЕАРПП много людей, которые поддерживают.

Удача в этом смысле на моей стороне. Самую первую поддержку я получила от ректора института, в котором училась, потом группа по поддержке практики. На Летней Школе в 2018 году я познакомилась с Алиной Алексеевной Тимошкиной, там же была

Татьяна Владимировна Мизинова. Я тогда ещё была, как мне кажется, совершенно потерянной в смысле выбора профессионального сообщества — куда, как, что. Коллеги взяли под свое крыло, успокоили, рассказали, что к чему. Мне нравится этот подход, когда старшие коллеги открыты, честны, прямолинейны. Психоанализ — это не какие-то «тайные» знания, которые нельзя получить, и это не та работа, на которой работают только избранные, особенные люди. Мне бы хотелось, чтобы начинающие коллеги знали, что здесь нет ничего недоступного для кого-то. Если есть желание, то это может получиться. Это профессия, которой можно научиться. Но нужно быть трудолюбивым. Приходится постоянно учиться, читать, осмыслять.

Так же я просто не могу не выразить благодарность супервизору, с которой сильно изменилась, углубилась моя практика и я как психоаналитик. Это Коробова Елена Леонидовна, удивительный психоаналитик и женщина, которая обладает одновременно добротой и умом, она развивает способность к абстрактному мышлению, умению сновидеть наяву.

Н.С. — Спасибо, это очень интересно. В ЕАРПП есть комитет по работе с молодыми специалистами, супервизионные, интервизионные группы. По моему опыту, это очень помогает. Поддержка старших коллег многое даёт.

Л.Ч. — Наталья, насколько я знаю, вы работаете в Комитете по работе с молодыми специалистами. Как вам кажется, чего именно больше всего боятся молодые специалисты?

Н.С. — На мой взгляд, всего того же, чего и раньше. Я не причисляю себя к опытным специалистам, скорее пока к начинающим. Те же тревоги: а как начать, а как придут пациенты, а кто придет, а что делать?

Л.Ч. — Мне кажется, что здесь лучше волноваться, чем не волноваться. Дональд Вудс Винникотт писал про мать: тревожная мать лучше, чем нетревожная мать. Тревожная мать испытывает чувство вины, а значит, она думает о том, хорошо или плохо она что-то сделала. Я думаю, что это неплохой показатель, если начинающий специалист волнуется. Сейчас много тех, кто совсем не волнуется и начинает практиковать сразу без какой-либо подготовки, иногда даже вообще без образования. Это плохо для профессии в целом потому, что создаёт определенное, неверное, мнение о психологической помощи и ее возможностях.

Н.С. — Например?

Л.Ч. — Я думаю, что это как раз те люди, которые не вступают в профессиональные организации и не проходят личный анализ. Много психологов и психоаналитиков, которые объявляют себя таковыми, не имея должной подготовки. Мы не видим этих специалистов, я их видела только в социальных сетях и слышала от знакомых, решившихся на терапию. Принадлежность к организации ценна тем, что есть определенные требования и стандарты и к образованию, и к правилам ведения практики, и к ответственности специалиста.

Н.С. — Согласна с Вами. На мой взгляд, просто невозможно работать в нашей профессии без личного анализа, без супервизий.

Что вам ещё хотелось бы добавить про региональное отделение?

Л.Ч. — В нашем РО чувствуется, что вокруг тебя люди, которые готовы, если нужно, взять ответственность на себя в какой-то момент. Готовы тебе подсказать, помочь. Ты можешь быть слабым или уставшим, и тебя обязательно поддержат. Нет такого, что есть какой-то один человек, а все остальные присутствуют для проформы — все активны. Думаю, это и позволяет нашему отделению двигаться и развиваться. Это наша общая идея, и мы все «горим» психоанализом.

Мы организуем встречи для того, чтобы про это рассказывать. В нашем общем чате кто-то пишет: «У меня появилась новая идея. Давайте вот это сделаем, давайте внедрим». Не все идеи, конечно, доходят до реализации, но коллективная работа есть. Мы думаем не только про свое индивидуальное развитие, но и про коллегиальное развитие РО, что-то предлагаем. Мне это очень нравится, я чувствую поддержку своих коллег. Есть я как председатель, и если нужно пойти за мной, потому что я вижу что-то именно так, коллеги идут, даже если есть риск — как было с выездной конференцией. Способность рисковать и доверять друг другу — часть нас.

Приглашаем коллег к нам в Уфу на будущие конференции! Вы познакомитесь с колоритом, гостеприимностью наших коллег. Люди в Башкортостане очень тёплые, мы ведь южные. Мы любим встречать гостей, поить их чаем с мёдом, кормить чак-чаком, обниматься. Присоединяйтесь.

Н.С. — Спасибо большое. Приятно было познакомиться, побеседовать и получить ценную, интересную информацию.

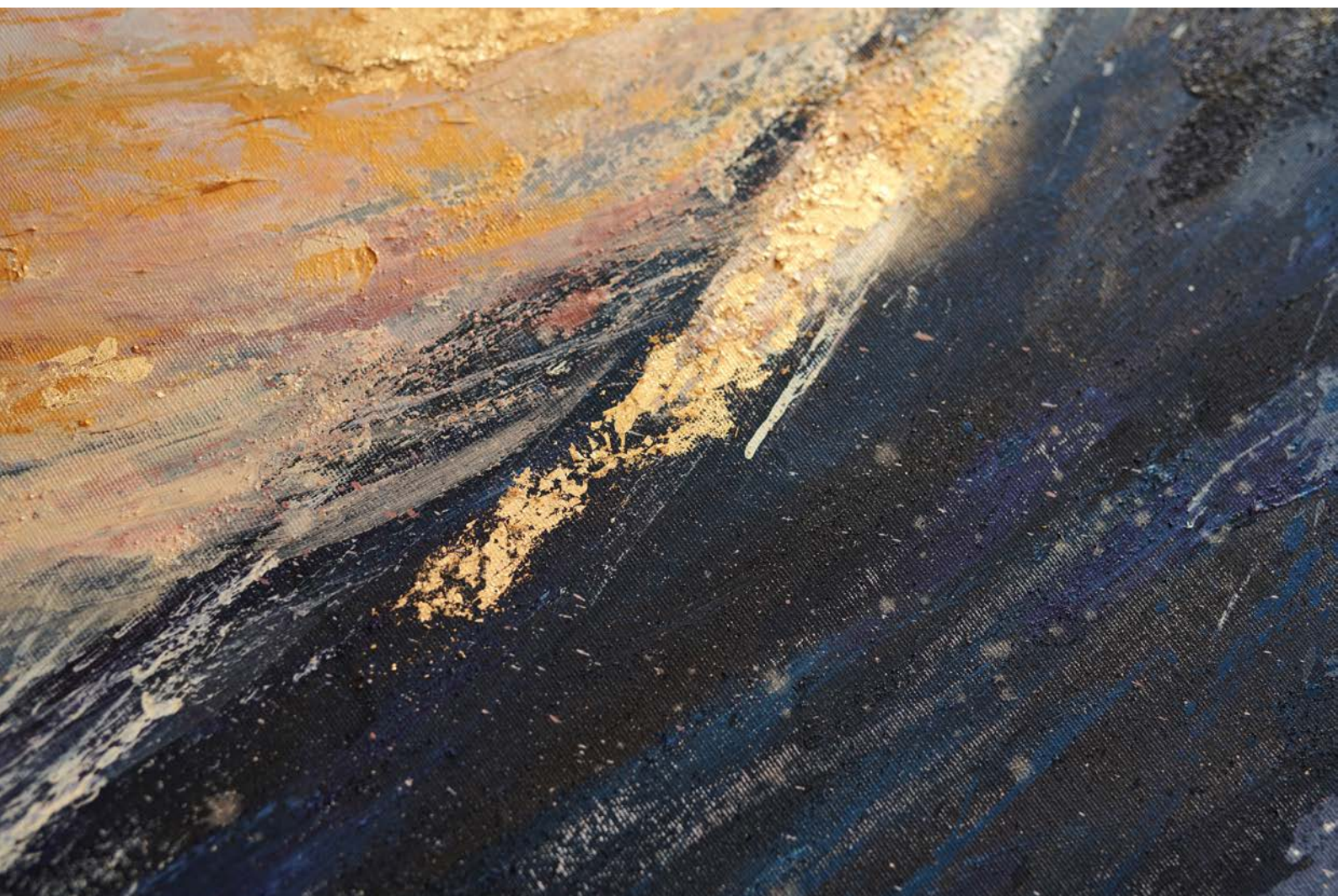
ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

Исследование мифов, аниме – необходимая составляющая работы психоаналитика. Через образы и ассоциации, скрытые и явно обозначенные в произведениях искусства, мы лучше понимаем внутренний мир своих пациентов, их боль и страдания. Психоаналитическое переосмысление античного мифа о Кадме, рассматривающее его в качестве аллегории на внутриспсихическую борьбу индивида с интроецированным отцовским имаго, предложенное Ильей Никитиным и Дарьей Климович, позволяет увидеть новые грани и смыслы известного мифа.

В увлекательном эссе Анастасии Симоновой о феномене аниме и причинах интереса к нему у современных подростков, рассматриваются корни японского авторского комикса, система изображения эмоциональных состояний и динамики движений и даже различных амплуа, обозначаемых с помощью цвета волос и глаз персонажей. И вся эти персонажи при довольно стандартных сюжетных ходах служат для разыгрывания как доэдипальных, так и эдипальных конфликтов.

Яркое и эмоциональное описание фильма-аниме Хаяо Миядзаки «Наусика из долины ветров» открывает много смысловых пластов. Вместе с автором Анастасией Черниковой мы проходим путь от Войны через Смерть и Воскресение к надежде на новую жизнь и новую установку – на связь и на жизнь.

Миф о Кадме. Психоаналитическое прочтение.

Никитин Илья Юрьевич

- организационный психолог (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия),
- магистр искусств в области интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США),
- студент программы «Психоанализ» (Восточно-Европейский Институт психоанализа, Россия).

Климович Дарья Дмитриевна

- юрист,
- магистр права (Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Россия),
- студент программы «Психоанализ, психоаналитическая психотерапия и психоаналитическое консультирование» (Московский институт психоанализа, Россия).

Н.А. Кун (1877–1940), излагая миф о Кадме по поэме древнеримского поэта Публия Овидия Назона «Метаморфозы», начинает описание строками:

«Когда Зевс под видом быка похитил Европу, опечалился её отец, царь Сидона¹, Агенор². Ничто не могло его утешить. Он призвал трех сыновей своих – Фойникса, Киликса и Кадма³ – и послал их отыскивать Европу. Он запретил своим сыновьям под страхом смерти возвращаться домой без сестры⁴. Отправились сыновья Агенора на поиски. Фойникс и Киликс скоро покинули Кадма. Они основали два царства: Фойникс – Финикию⁵, Киликс – Киликию⁶ – и остались в них. Кадм один отправился дальше искать сестру» [6, с. 128].

1 Сидон – финикийский город на побережье Ливана, близ современного Бейрута.

2 Агенор – в греческой мифологии сын Посейдона и Ливии, финикийский царь, муж Телефассы.

3 Кадм – считается основателем Беотийских Фив, рядом источников называется создателем греческого алфавита на основе финикийских букв [18].

4 В изложении Овидия, наказанием сыновьям служит изгнание [11].

5 Финикия – страна на восточном побережье Средиземного моря. Крупнейшие города – Тир и Сидон.

6 Киликия – страна на юге Малой Азии.

Не сумев выполнить наказ отца и опасаясь его гнева, Кадм обращается к оракулу Аполлона в Дельфах за советом, где ему поселиться и основать город; оракул повелевает воздвигнуть город в месте, где ляжет белая никогда не клейменная корова, увиденная на пустынной поляне. Проследовав за коровой до места, где она улеглась на траву, Кадм вызывает к благословлению богов и стремится принести жертвоприношение Зевсу, но обнаруживает отсутствие требуемой для ритуала воды, на поиски которой посылает своих слуг; последним удается обнаружить источник с водой в близлежащей роще, где обитает змей⁷, который растерзывает их, оцепеневших от страха перед чудовищем.

Отправившись на поиски слуг, Кадм вступает в схватку с чудовищем и одерживает над ним победу: «С изумлением глядит Кадм на сраженного им змея, дивясь его величине. – пишет Кун – Вдруг раздался неведомый голос: – Что стоишь ты, сын Агенора, и дивишься на убитого тобой змея? Скоро и на тебя, обращенного в змея, будут дивиться люди» [6, с.131], – так обратилась к Кадму Афина-Паллада, далее повелевшая вырвать зубы змея и посеять их, как семена на вспаханном поле.

Рис. 1 «Кадм убивает змея» (между 1573-1617 гг.), художник Х. Гольциус, Государственный музей искусств, Копенгаген, Дания.

7 По одной из мифологических версий, змей является сыном Марса (Ареса) [10].

Из зубов змея вырастает воинство, тотчас принимающееся за взаимное истребление, пока, по велению богини, один из пятерых оставшихся в живых воинов не бросает меч в знак примирения – эти пятеро впоследствии помогают Кадму строить город. Кадм основал процветающий город и стал одним из величайших правителей Греции, но жизнь его не сложилась: две дочери Кадма погибли, потерял он и внука. Удрученный горем, под старость лет Кадм вопрошает:

«– Не был ли тот змей, – сказал Кадм, – которого поразил я своим мечом, посвящен богам? Если за его гибель карают меня так тяжело боги, лучше бы мне самому обратиться в змея.

Только промолвил это Кадм, как тело его вытянулось и покрылось чешуей, ноги его срослись и стали длинным извивающимся змеиным хвостом. <...> Обвился вокруг своей верной жены обращенный в громадного змея Кадм, он лижет ей лицо своим раздвоенным жалом. С печалью гладит Гармония покрытую чешуей спину змея. И Гармонию боги обратили в змею, и вот уже две змеи – Гармония и Кадм.

Так закончили свою жизнь Кадм и жена его Гармония» [6, с. 131-132].

Первое и принципиально важное замечание следует сделать в отношении начала путешествия героя, а именно желания Кадма остаться на чужбине вдали от дома. Следует отметить, что данное решение против собственной воли Кадм принимает из чувства страха за свою жизнь, а именно из-за боязни вызвать недовольство отца за невыполненный наказ – неспасенную Европу (ср. «От отчизны и гнева отцова Кадм уклоняет свой путь» [11, кн. 3 ст. 5] и «<...> потеряв надежду найти сестру и опасаясь вернуться домой, решил Кадм остаться на чужбине» [6, с. 128]. Родной Кадму Сидон, как и власть его царя Агенора, в диаде формируют комплекс правил и запретов, установок и норм (отцовское имаго), невозможность нарушения которых обрушиваются на Кадма грузом чувства вины после неудачных поисков сестры, и приводят его к скитаниям вне стен отчего дома; здесь мы склонны согласиться с Ранком, заключившим, что «главным мотивом создания мифа и существенным их содержанием оказался конфликт в психической детской жизни, отношение к родителям и семье со всеми его разнообразными оттенками, <...> развитие мифических представлений в их широком объеме отражает культурную дисциплину личности в семье и семьи в роду и племени» [14, с. 34].

Не менее важным аспектом также является то, что в ходе изложения мифа не встречается ни одного упоминания о Телефассе, матери Кадма. Можно

Главным мотивом создания мифа и существенным их содержанием оказался конфликт в психической детской жизни, отношение к родителям и семье со всеми его разнообразными оттенками, развитие мифических представлений в их широком объеме отражает культурную дисциплину личности в семье и семьи в роду и племени

предположить, что женщина была настолько угнетена Агенором или безразлична к своим детям, что не защитила Европу от похищения и позволила Агенору, по сути, изгнать всех своих сыновей. В любом случае, мы можем выдвинуть мнение, что она не была «достаточно хорошей матерью» и не смогла создать для Кадма положительный образ матери, чему в последующем развитии его личного мифа предстоит сыграть свою роль.

Страх за наступление последствий нарушения запрета Агенора, выступающего в роли строгого, наказывающего суперэго, приводит Кадма к необходимости обратиться к своему бессознательному, литературным приемом поэта персонифицированному в мифе оракулом Апполона, в поисках приемлемого решения для нивелирования угрозы собственному существованию. Оракул предлагает Кадму основать город, что подменяет собой прямую конфронтацию с отцовским имago и инициирует отыгрывание галлюцинаторного исполнения желания противостоять Агенору и устанавливать собственные правила, нормы и запреты (символическое равенство «отец = город = государство = суперэго»⁸); так, строительство города и вся логика мифоизложения, на наш взгляд, выступает опосредованным описанием соперничества Кадма с Агенором. В этом, по нашему мнению, и заключен истинный смысл мифа, его бессознательное значение, сокрытое за художественным сюжетом.

Строительство города и вся логика мифоизложения выступает опосредованным описанием соперничества Кадма с Агенором. В этом и заключен истинный смысл мифа, его бессознательное значение, сокрытое за художественным сюжетом.

ет собой прямую конфронтацию с отцовским имago и инициирует отыгрывание галлюцинаторного исполнения желания противостоять Агенору и устанавливать собственные правила, нормы и запреты (символическое равенство «отец = город = государство = суперэго»⁸); так, строительство города и вся логика мифоизложения, на наш взгляд, выступает опосредованным описанием соперничества Кадма с Агенором. В этом, по нашему мнению, и заключен истинный смысл мифа, его бессознательное значение, сокрытое за художественным сюжетом.

Рассматривая указания оракула/бессознательного об основании города на месте возлежания неклеименной коровы, стоит отметить, что корова символически является персонификацией архетипа Матери или Матери-Земли [13, 16], материнского жизнедающего начала и плодородия [1], питающей среды [20], а также способствует превращению и возрождению [19]. По нашему мнению, неклеименность коровы как раз подчеркивает ее архетипичность: с точки зрения Юнга, сам по себе архетип лишён конкретного содержания и является формой, то есть лишь представляет собой возможность быть репрезентированным (то есть наполненным содержанием), сохраняя только заданную априори форму. Наличие у коровы клейма означало бы потерю ее архетипической сущности и превращение в отдельную персонифицированную фигуру (форму, наполненную содержанием) или в предмет чьей-либо собственности.

Бессознательное Кадма направило его к материнскому началу, обозначив, что именно через него, а не через фиксацию на архетипе Отца, он сможет достичь превращения (из изгнанного сына в самостоятельного мужчину-отца), возрождения и плодородия (новой жизни в собственном государстве). Возможно, Бессознательное указывало Кадму

8 См. примечание О. Ранка со ссылкой на М. Мюллера: «<...> семья начала растворяться в государстве, когда король сделался для своего народа тем, чем был супруг и отец в доме: господином, сильным, защитником» [14, с. 24].

на необходимость исцеления от травмы, нанесенной ему его неучастливой матерью, и признания ценности Матери, что позволило бы ему начать новую жизнь. Однако Кадм не внял призыву своего бессознательного: обещав материнский архетип, он захотел привычным образом воздать хвалу именно архетипу Отца (Зевсу). Таким образом, Кадм также выразил неуважение матери, ведь именно Зевс похитил его сестру Европу и стал причиной его страданий и странствий. Мы можем сделать допущение, что, если бы Кадм прислушался к своему бессознательному и следовал архетипу Матери, он бы не отправил слуг в рощу на верную смерть и сам не встретил бы змея.

Змей, препятствующий исполнению желания Кадма, является ничем иным, как плохим, внушающим страх, пенисом отца [2, 14], половой стороной мужчины, протообразом самого Агенора, фантазийно противящегося сепарации сына, что в свое время подметил Ранк:

«Так, например, когда змея символизирует фаллос, то принимается во внимание не только ее форма, способность подниматься, гладкость, гибкость, но и ее опасность и неприятность, т.е. в этом символе находят выражение не только физические свойства фаллоса⁹, но и определенное психическое отношение к нему (страх, отвращение) <...>» [14, с. 26].

Редков и Логинова выдвигают мнение, что змей в мифе – «это хранитель заветных знаний, которые доступны не каждому человеку, а лишь герою» [15, с. 31], а юнгианские аналитики склонны рассматривать змея или дракона в качестве символической репрезентации страданий за нарушение табу инцеста [21], но мы не склонны согласиться ни с одной из трактовок, отводя чудовищу роль олицетворения отцовского имago, запрещающего сыну произвести сепарационный акт (построить собственное государство). Таким образом, сражение и низложение змея – это агрессия, направленная против воли отца, кастрационный акт, конечной целью которого является отделение от Агенора.

Кадм пронзает голову змея и сразу встречает богиню Афину. Следуя логике строения мифа [5], мы должны предположить, что Афина является магическим помощником на пути героя, но существенным контраргументом к подобной трактовке выступает тот факт, что богиня является герою после сражения, а не до него (также она не предоставляет волшебных предметов для сокрушения превосходящего по силе противника); она не помогает герою в сражении на пути достижения цели, она только трактует

Змей в мифе – «это хранитель заветных знаний, которые доступны не каждому человеку, а лишь герою».

9 Ср. описание битвы Кадма со змеем у Н. Куна: «<...> вздулась шея змея, пена хлынула у него из пасти <...> То извивается змей громадными кольцами по земле, то, бешено крутясь, высоко вздымается вверх» [6, с. 130].

последствия его действий и предрекает наступление последствий. Мы видим, что образ Афины-Паллады в мифе персонифицирует совесть (= суперэго) Кадма, порицающую отцеубийство.

По нашему мнению, Афина-Паллада также является посланником архетипа Отца, поскольку, рожденная из головы Зевса, являясь богиней-покровительницей воинов и ремесленников, учредительницей законов, она выражает недовольство нарушением Кадмом отцовских архетипических паттернов: признания власти, социальных условностей и порядка (а порядок и правила устанавливает Отец). Не выполнив приказ Агенора найти Европу, Кадм посягнул на отцовскую власть и право устанавливать порядок, а прислушавшись к влечениям всемогущего оракула/бессознательно-го создать собственное государство (= занять место отца), он посягнул на власть своего родителя.

Афина сообщает Кадму, что в действительности его победа над змеем мнима («Скоро и на тебя, обращенного в змея, будут дивиться люди» [6, с.131], что раскрывается в повелении сеять в землю¹⁰ (= утроба или «первоначальная мать» [14, с. 23]) зубы (= семя) змея, тем самым восстанавливая нанесённый отцовскому имаго ущерб; так, убиенное чудовище обретает вторую жизнь, а Кадм в действительности никогда не избавляется от внутриспсихического гнета интроецированного образа отца.

Существенной деталью здесь является посвященность змея богу войны Марсу (Аресу). «Война» между отцом и сыном, с нашей точки зрения, в мифе символизирует актуализировавшийся эдипальный конфликт Кадма. Также, змей, как посвященный войне символ, живущий в роще (= бессознательном), является предупреждающим знамением его грядущего внутриспсихического конфликта. Столкновение змея и Кадма отображает эдипальный конфликт ребенка и отца, благополучное разрешение которого заключалось бы в здоровой идентификации с лучшими качествами отца, а затем – в сепарации от отца. В рассматриваемом случае сепарация не пройдена: отец вступает в борьбу с детьми как с равными, изгоняет их от матери, но Кадму все же удается вступить в схватку, победить и занять место отца. Так, богиня-совесть вместе с победой приносит Кадму и губящее его чувство вины, привязывая тем самым Кадма к отцовскому имаго, так как нарушается базовый запрет на отцеубийство [17].

После победы над отцом-змеем «посланник отцовского имаго» Афина-Паллада приказывает Кадму вырастить войско из зубов, позволяя реализовать эдипальное желание Кадма иметь детей от матери (поскольку зубы-семя принадлежат символу Отца). Битва выросшего из зубов змея воинства символизирует острую стадию внутриспсихического конфликта, спровоцированную эдипальной победой. Изначальное неучастие матери Кадма в семейной жизни и отсутствие у нее права или желания принимать решения

Сражение и низложение змея – это агрессия, направленная против воли отца, кастрационный акт, конечной целью которого является отделение от Агенора.

10 О тождестве земледельческого акта с процессом оплодотворения у человека см. Ранк, 2022.

В действительности, не боги
обращают Кадма в змея, но он сам
испрашивает этого.

в отношении сына превращают ее в объект эдипального конфликта, который не имеет права голоса, что только способствует обостренной борьбе сына с отцом. С точки зрения Агенора, это означает неприятие Телефассой истинно материнской роли, а, значит, наличие вероятно-

сти, что она не будет противиться союзу с сыном в случае его победы.

Допустимо предположить, что вина заставляет Кадма выстраивать защиту в виде идентификации с фигурой Отца целиком: и с положительными качествами правителя, и с отрицательными качествами агрессора (змея). Поскольку агрессивный заряд узурпатора-змея несет в себе больше катексиса, то и защита против него сильнее: идентификация ведет к полному обращению Кадма в змея впоследствии. Эдипальная победа является ненастоящей (как и любая победа ребенка в эдипальном конфликте), поскольку Кадм не раскрывает свою сущность, не обретает самость, а занимает чужое место, идентифицировавшись с тем, кого, как он думал, победил.

Что мы видим в развитии мифа после того, как выросшие из зубов змея воины прекращают междоусобную бойню и, оставшись в малом числе, помогают Кадму основать Кадмею, крепость, вокруг которой впоследствии появился город Фивы (Назирова, 2020)?

«Кадм основал великий город Фивы, дал гражданам законы и устроил все государство <...> С тех пор Кадм стал одним из могущественнейших царей Греции. Неисчислимы были его богатства <...> Казалось бы, вечная радость и счастье должны были царить в доме сына Агенора, но не одно счастье послали ему олимпийцы. Много горя пришлось испытать ему» [6, с. 132].

Кадм теряет сначала двоих дочерей, а затем и внука¹¹; после, раздавленный горем, он покидает Фивы и долго скитается на чужбине [6]. «Побежденный несчастьем, рядом бедствий и многих чудес, представших ему, оставляет город создатель его, как будто он града судьбою, а не своею гоним» [11, кн. 4 ст. 560–565] – указывает Овидий, что возвращает нас к ранее определенному смысловому ряду отец-город-государство-суперэго. Размышляя о своей судьбе, Кадм задается вопросом о роли змея в ней и принимает произошедшие с ним несчастья за судьбоносную кару богов, после чего самолично иницирует свое обращение в змея.

11 В браке с Гармонией у Кадма родились пятеро детей: сын Полидор и дочери Автоноя, Ино, Агава и Семела. Ино была поражена безумием по велению Геры и бросилась в море, спасая одного из своих детей от гнева мужа, где была превращена в морское божество. Семела была испепелена своим любовником Зевсом, явившимся к ней в божественном облике (Мелитинский, 1990). Внук Кадма, сын его дочери Агавы Пенфей был растерзан собственной матерью и её сестрой Автоноей, в экстатическом трансе принявшими Пенфея за льва [4, 9]; по версии Куна, растерзанным внуком был сын Автонои Актеон, павший жертвой гнева Артемиды [6]).

Превращение Кадма
в змея образно олицетворяет
завершение интернализации
плохого пениса,
то есть идентификацию с отцом
и, образно, победу отцовского
имаго над сепарационным
устремлением Кадма.

Последний нюанс в особенности важен, если мы попробуем принять за данность неизбежность рока (убийство змея – ниспосланные бедствия – божественная расплата) – мы должны будем отметить, что, в действительности, не боги обращают Кадма в змея, но он сам испрашивает этого («лучше бы мне самому обратиться в змея» [6, с. 132]¹². Более того, согласно одной из трактовок мифа [12], в течение жизни Кадм уже отслужил восемь лет икупительной службы у Ареса за убийство

змея и помирился с ним, женившись на его дочери Гармонии [7], следовательно, рассмотрение обращения Кадма в виде наказания противоречит смыслу божественно-человеческих отношений, *nemo debet bis puniri pro uno delicto*¹³.

После убийства змея интроецированный плохой пенис отца закрепляется внутри бессознательного Кадма, неся с собой отыгрыш сценария жизни Агенора (потери детей), ввиду страха возмездия и чувства вины за уход и отцеубийство. Следует отметить, что нередко страх может скрывать за собой тайное влечение, и на самом деле Кадм аутоагрессивно жаждал возмездия для восстановления справедливости, поэтому и действовал в рамках древнего принципа талиона, посчитав, что икупительная служба есть недостаточное наказание за отцеубийство.

Таким образом, миф циклически завершается победой Марсова змея, возрожденного через посредничество спартов¹⁴, совместно с Кадмом воздвигших Фивы, которые в конечном итоге также изгнали своего царя (как прежде Кадм с братьями был отправлен из Сидона), кто, подобно своему отцу, тоже теряет детей. Соразмерно, самоличное превращение Кадма в змея образно олицетворяет завершение интернализации плохого пениса, то есть идентификацию с отцом и, образно, победу отцовского имаго над сепарационным устремлением Кадма.

12 У Овидия восклицание Кадма выражено ещё в более явной форме: «Сам став змеем, - молю, - пусть долгим вытянусь чревом!» [11, кн. 4 ст. 570].

13 *Nemo debet bis puniri pro uno delicto* (лат.) - никто не должен дважды наказываться за одно преступление.

14 Спарты («Посеянные») – воины, родившиеся из зубов побежденного Кадмом змея [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бену А. Символизм сказок и мифов народов мира. М.: Алгоритм, 2011
2. Грюнбаум А. Критика психоанализа. Вопросы философии, 2007, № 3, сс. 105-129
3. Жестоканов С.М. Легендарная история Греции в Хронологических таблицах Евсевия Кесарийского, № 17-2, 2017, сс. 233-252.
4. Захарова Е.А. Женские преступления в древнегреческой мифологии. Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира, № 6, 2007, сс. 379-388
5. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Питер, 2023, 352 с.
6. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Азбука-Аттикус, 2022, 512 с.
7. Мартышак Ф. Греческие и римские мифы: от Трои и Гомера до Пандоры и «Аватара». М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022, 272 с.
8. Мелитинский И.М. Мифологический словарь, М.: Советская Энциклопедия, 1990, 709 с.
9. Моргун Л. Большой мифологический словарь. Aegitas, 2015, 3199 с.
10. Назиров Р.Г. «Вечные образы» в литературе и их русские отражения. Назировский архив. № 1(27), 2020, сс. 13-79
11. Овидий. Метаморфозы. М.: Художественная литература, 1977, 480 с.
12. Пигулевская И.С. Словарь греческой мифологии. М.: Центрполиграф, 2008, 256 с.
13. Пушкина О.И. Архетип матери в мифорелигиозной картине мира восточных славян. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021, 140 с.
14. Ранк О. Миф о рождении героя. М.: Академический проект, 2022, 238 с.
15. Редков С.К., Логинова Ю.Е. Мифологические и философские смыслы гармонии. Научный поиск, № 1 (23), 2017, сс. 30-33
16. Трисидер Д. Словарь символов. М.: Гранд-Фаир, 2001, 448 с.
17. Фрейд З. Тотем и табу. Будущее одной иллюзии. М.: АСТ, 2023, 352 с.
18. Щетников А.И. Теологумены арифметики. Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 3, № 1, 2009, сс. 279-335.
19. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2022, 224 с.
20. Явон С.В. Мужское и женское: символический аспект. Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, № 1 (20), 2015.
21. Mattievich E. Cadmus slays the serpent. Petropolis, RJ, 2012, pp. 1-40

Аниме и современные подростки — мода, болезнь, переходное пространство... или искусство?

Симонова Анна Вадимовна

- Дизайнер-иллюстратор
- Психоаналитик

Манга – это специфический японский авторский комикс, в котором сюжет сильно превалирует над визуальной частью.

Для того чтобы анализировать феномен аниме и причины интереса к нему у современных подростков, необходимо кратко рассмотреть корни этого явления и договориться об основных терминах.

Строго говоря, аниме – это анимационные фильмы, сделанные в Японии. И если в европейской традиции литературной основой для анимации может быть что угодно: от фольклорных преданий и сказок до классических текстов, пьес или документальных историй, то в Японии, чаще всего, в основе мультипликации лежит манга.

Манга – это специфический японский авторский комикс, в котором сюжет сильно превалирует над визуальной частью. В отличие от западных комиксов, мангу отличает длинная серийность, сквозные персонажи и сюжет, в рамках которого разработана специальная условная система визуального изображения эмоций.

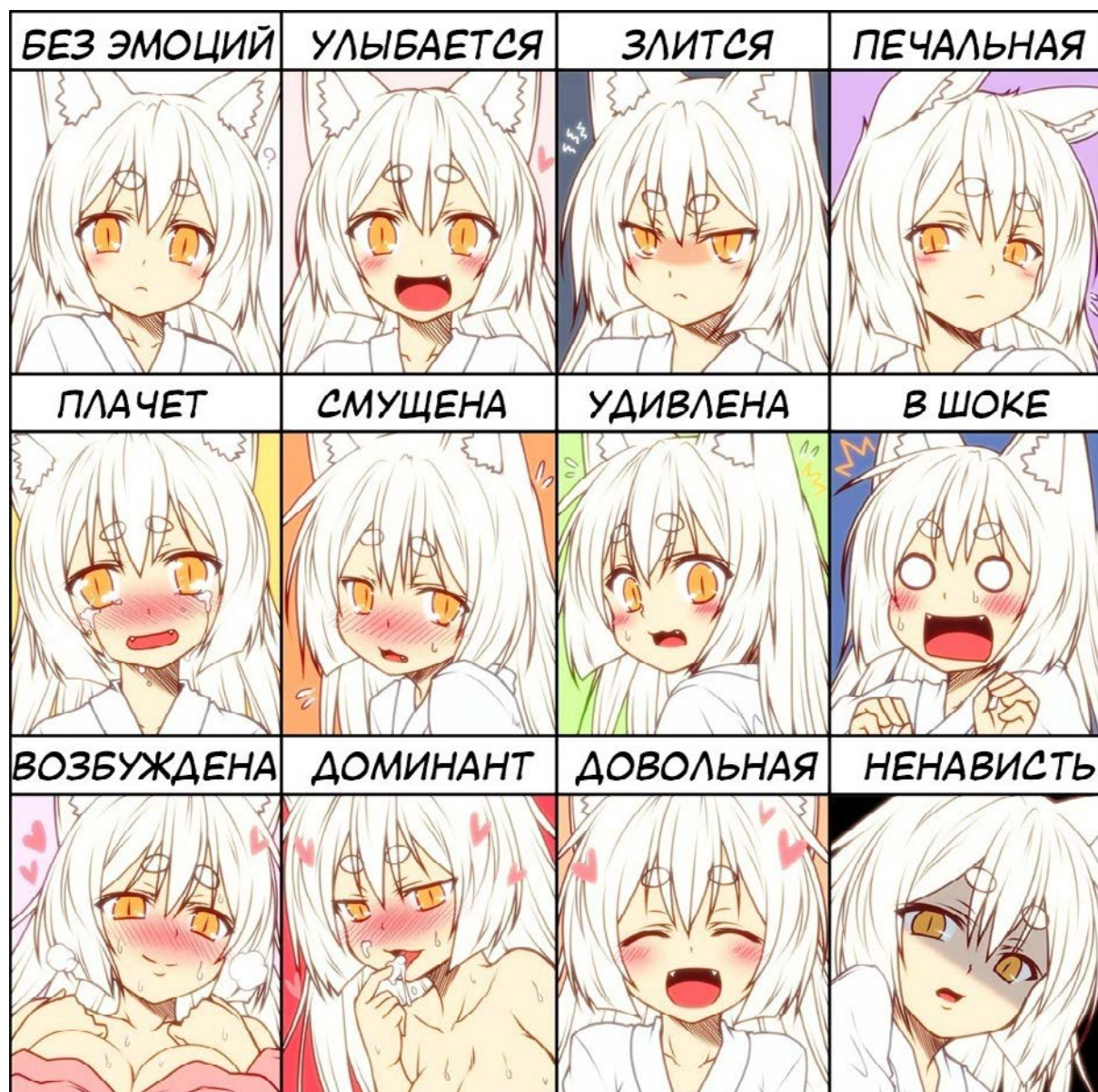

Рис. 6

При этом эмоции в манге выражаются чрезвычайно ярко для того, чтобы у читателя не возникло никаких сомнений в том, что именно чувствует персонаж. Чувства, изображаемые с помощью этой системы (можно назвать их гримасами или масками), как правило аффективные и отщепленные, не допускающие никакой противоречивости, неопределенности или неоднозначности (рис. 6). Эта система гримас (масок) и была унаследована аниме как в отношении техники, так и в изображении эмоциональных состояний, динамики движений и даже различных амплуа, обозначаемых с помощью цвета волос и глаз персонажей (рис. 7).

Также очевидна связь манги и традиционной японской культуры. В первую очередь, она отсылает нас к жанровым гравюрам укиё-э («картины меняющегося мира»). Все гравюры укиё-э объединяла общая художественная техника и ряд характерных черт,

Рис. 7

обуславливающих их самобытность и узнаваемость: композиционная асимметрия, создающая эффект некоторой неуравновешенности и естественности; плоскостное (двухмерное) изображение персонажей и предметов (объектов); наличие чёткого прорисованного контрастного контура; отсутствие светотеневой моделировки; декоративность; пристрастие к созданию длинных циклов или серий, посвящённых какой-либо одной теме.

В этих особенностях жанра легко узнать характерные для манги и аниме черты – от характера графики до склонности к длинной серийности.

Аниме унаследовало от манги деление на жанры, маркировку по полу и возрасту:

- 1) кодомо – мультфильмы для девочек и мальчиков до 10 лет,
- 2) сёдзё – для девочек и девушек от 12 до 18 лет,

Эмоции в манге выражаются
чрезвычайно ярко для того, чтобы
у читателя не возникло никаких
сомнений в том, что именно
чувствует персонаж.

3) сёнэн – для мальчиков и юношей с 12 до 18 лет.

В жанре «сёнэн» главный герой обязательно юноша, всегда преданный своей команде, семье или какой-либо другой группе. Сюжет состоит из драк, погонь и другого экшена, при этом обязательно присутствует простой юмор, сексуализированные женские персонажи в от-

кровенных костюмах, которым в сюжете отводится второстепенная роль, в основном для того, чтобы заинтересовать целевую аудиторию.

К сёнэн можно отнести «Наруто», «Блич», «Инуяся», «Ван-Пис», «Тетрадь смерти», «Охотник х Охотник», «Невероятные приключения ДжоДжо», «Гинтама», «Истребитель демонов», «Кулинарные поединки», «Токийские мстители» и др. В них в изобилии встречаются персонажи японского фольклора (демоны, оборотни, боги, духи и призраки), самураи, ниндзя, реальные исторические личности и мифологические герои.

Вся эта мешанина персонажей при довольно стандартных сюжетных ходах служит для разыгрывания как доэдипальных, так и эдипальных конфликтов. Как, например, в сериале «Стальной алхимик» двое юных братьев, сыновей великого алхимика, бросившего семью (вариант реализации защитной фантазии бедствия Детоубийственного стиля «отец убьёт меня» по Демозу [4]), пытаются воскресить или создать заново умершую мать. Их попытка проваливается, при этом один из них теряет ногу, а другой всё тело и сохраняет лишь душу, которую удастся переселить во временное пристанище (стальные доспехи). Возможность закрепить душу в таком временном пристанище оплачена дорогой ценой для второго брата — потерей руки. Помочь вернуть целостность тел им может только философский камень, поисками которого они и занимаются. Таким образом, сериал является возможностью вновь погрузиться в тему эдипального конфликта, вернее, его неудачного разрешения (отец отсутствует, мать умерла); позволяет заново пережить страх кастрации, как наказание за попытку «воскресить» мать, владеть ею без конкуренции со стороны второго родителя, попытку идентификации себя с отцом, благодаря наличию такого же таланта и такого же рода деятельности (алхимия); мужская идентификация поддерживается также благодаря работе на правительство на различных секретных миссиях. Защитная грандиозность в качестве охоты за почти недоступной целью, наличие загадочных знаний и больших свершений (борьба со страшными злодеями) также присутствует (рис.1).

В противовес сёнэн, сюжет девчоночьих аниме «сёдзё» вращается вокруг карикатурно

Рис. 1

беззаботных девочек-подростков, восхищенных и очарованных разными милыми вещами, сосредоточенных на эмоциях, романтике и дружбе. В этом жанре обязательны большие выразительные глаза, тонкие черты лица и стройные фигуры персонажей. Примером может служить сериал «Сакура – собирательница карт»: история про 10-летнюю девочку, которая нашла в подвале дома таинственную книгу с магическими картами. Карты разлетелись по городу и начали устраивать магические безобразия, нарушающие течение обычной жизни. Хранитель карт, существо, похожее на игрушку, наделяет Сакуру волшебной силой и магическим девайсом для отлова карт и восстановления порядка. На этом фоне развиваются милые повседневные события, в процессе которых милые девочки делают милые вещи (рис. 2).

«Предпубертатное увеличение давления влечений ведет юную девочку-подростка, в первую и главную очередь, к регрессивному развороту к прегенитальности. К тому же регрессивная составляющая в объектных отношениях усиливается, сходясь на предэдиповой матери или, если быть более точным, на архаичной матери детства. Выражение прегенитальных интересов и активности, в основном, остается ограниченным компанией девочек, их хихиканьем и секретами, типичными для этого возраста» [2, с. 128].

К жанру сёнэн можно также отнести «Леди драгоценных зверушек», «Ветер Эмили», «Сказку о сахарном яблоке» и др.

В более поздней стадии развития у этих милых персонажей появляются и другие аспекты – высокая инфантильная амбивалентность, бисексуальная позиция и нарциссические защиты. Их можно ярко проиллюстрировать таким сериалом, как «Красавица-воин Сейлор Мун»: неуклюжая и ленивая девочка с кавайной¹ внешностью получает от волшебной кошки магическую брошь, с помощью которой героиня может преобразаться и сражаться «как воин». В дополнение к такой потрясающей способности она также получает откровение о собственном высоком происхождении (она – реинкарнация принцессы, дочь королевы Серенити, правительницы Лунного королевства),

Рис. 2

Аниме унаследовало от манги деление на жанры, маркировку по полу и возрасту.

1 Кавайный – производное от японского слово «кавайи», в современной молодежной культуре означающее милый, очаровательный, маленький, трогательный, пушистый, приятный, вызывающий умиление.

Рис. 3

высокой миссии (призвании стать Сейлор-Хранительницей, оберегающей всю Солнечную систему) и своем великом будущем (рис. 3).

«Конфликт раннего подросткового периода вращается вокруг бисексуальности, и основной задачей этой фазы является его разрешение в пользу женского образа себя. Этому процессу помогает мобилизация нарциссических защит, которые на этой стадии могут принимать вопиющие пропорции» [2, с. 129].

Широкую популярность сериала можно объяснить именно тем, что он точно попадает в основной конфликт возраста своей аудитории, позволяет ей ассоциировать себя с главной героиней за счет ее «неидеальности» (проблемы с ленью, неуклюжестью и обжорством), а также отображает основную специфику защит этого периода.

Кроме половозрастных видов, аниме де-

лится на жанры по типам сюжетов и участвующих в них персонажей. Это деление не является устоявшимся или строго оформленным, но позволяет разобраться в многообразии материала.

Один из таких крупных сюжетных жанров называется «исекай». В нем ничем не примечательный герой вдруг переносится в другой, потусторонний или параллельный мир, на другую планету или в другое время. Популярным ответвлением этого жанра является перемещение в мир ролевой онлайн-игры. При этом главный герой уже в самом начале сюжета получает разнообразные умения, сверхсилы и прочие бонусы, благодаря которым ловко справляется с различными задачами, а также собирает гаремы из персонажей противоположного пола, которые любят его просто за сам факт его существования.

Гаремы из персонажей обоего пола — настолько частая сюжетная линия в аниме, что заслуживают отдельного внимания: подросток в этом возрасте воспринимает любовь, как обладание, поэтому, чем большим количеством объектов любви он обладает, тем лучше. Качество и сложность отношений при этом не имеет значения, поскольку на этом уровне развития психики понимание их остается недоступным.

При таком варианте развития сюжета в исекай мы видим регрессию

Вся эта мешанина персонажей при довольно стандартных сюжетных ходах служит для разыгрывания как доэдипальных, так и эдипальных конфликтов.

к доэдипальным отношениям с архаической матерью, место которой занимает новый мир, принимающий героя в свои заботливые объятия и всячески удовлетворяющий его потребности и желания.

Примеры исекай: «Таинственная игра», «12 королевств», «Видение Эскафлона», «Здесь и сейчас», «Мастера меча онлайн», «Хроники горизонта», «Повелитель», «Этот замечательный мир!», «Sonny Boy» и др.

Есть и другие, не менее популярные жанры и поджанры: экшен-анимэ, меха, драма, романтика, фэнтези, приключения, космическая фантастика, комедия, мистика, вампиры, гарем, махо-сёдзэ, сёнен-ай, суперсила, школьная жизнь, спорт.

После того, как мы приблизительно представили специфику аниме, хотелось бы сказать о некоторых особенностях психоисторического развития человеческого общества и современной культуры².

В данной статье я опираюсь на гипотезу Л. Демоза, которую он сформулировал во второй половине XX века. Она заключается в том, что уровень социального развития общества является прямым следствием бессознательных фантазий, которые явля-

Широкую популярность сериала можно объяснить именно тем, что он точно попадает в основной конфликт возраста своей аудитории, позволяет ей ассоциировать себя с главным героем за счет «неидеальности» (проблемы с ленью, неуклюжестью и обжорством), а также отображает основную специфику защит этого периода.

ются результатом трансформации детских страхов и желаний, сформированных специфическими параметрами воспитания. Эта гипотеза легла в основу разработанной им концепции психоистории, которая достаточно непротиворечиво описывала динамику социокультурных процессов, примерно от 8-7 вв. до н.э. до середины XX века.

«Главная причина всех исторических изменений – психогенез: закономерная смена стиля воспитания детей под давлением поколений. Психогенез зависит от способности родителей или того, кто выполняет их функции, регрессировать к психологическому возрасту своего ребенка и во второй раз преодолевать страхи своего возраста, причем более эффективно, чем в первый раз, в своем собственном детстве» [4, с. 177]. Таким образом, исторический процесс рассматривается им как естественная психотерапия поколений.

Тот или иной тип поведения по отношению к ребенку Демоз выделил в стили воспитания. Под влиянием сформировавшихся страхов и ожиданий у детей, в рамках таких стилей, формируются определенные фантазии, самые распространенные из них можно подразделить на фантазии бедствия, защиты и желаемого. В отличие от фантазий

2 См. Шлыкова И. Ю., Симонова А. В. Психогенез культуры: средневековые эпохи постмодерна // Пространство психоанализа и психотерапии. - № 2. – 2021. – С. 122-147.

бедствия и защиты, фантазия желаемого никогда не может быть реализована и является «фантазированием». Такому фантазированию Д. В. Винникотт определил место между внешней и внутренней реальностями, оно способствует формированию у человека ложной самости, так как не связано с реальностью внешней и не является в полной мере реальностью внутренней. Фантазия желаемого формирует групповую фантазию идеального. Фантазия бедствия определяется Демозом, как основная травма, свойственная детству каждого стиля воспитания, а фантазия защиты является ее отрицанием.

Люди со сходными фантазиями бедствия, защиты и желаемого формируют психоклассы, объединенные общими групповыми фантазиями. Демоз выделяет 6 основных исторических стилей воспитания и отводит им следующие исторические периоды:

1. Детоубийственный (античность – IV в. н.э.),
2. Оставляющий (IV – XIII в.),
3. Амбивалентный (XIV – XVII вв.),
4. Навязывающий (XVIII в.),
5. Социализирующий (XIX – 50-е гг. XX в.),
6. Помогающий (60-е гг. XX века – настоящее время).

К сожалению, та идеализация, с которой Демоз рассматривает формирующийся в 60-70-х годах стиль воспитания, названный им «Помогающий», не позволяет его гипотезе стать в полной мере убедительной в современных реалиях. Достаточно непротиворечиво объяснить текущее положение, можно только внеся в гипотезу соответствующие коррективы. Такая попытка была предпринята И. Ю. Шлыковой. В статье [7] она высказывает предположение, что психогенез имеет не линейный, а циклический характер. Предыдущий цикл, связанный с отношением к телесности ребенка, в 60-х годах XX века сменился циклом, в котором главными становятся вопросы его эмоциональной жизни. На основании проведенного анализа было высказано предположение, что стиль воспитания, сформированный в 60-70-х годах XX века можно обозначить, как «Душеубийственный» (по аналогии с Детоубийственным стилем предыдущего витка психогенеза). В Душеубийственном стиле преобладают гиперопекающие матери, способствующие формированию у ребенка ложной самости и заколачиванию самости истинной. При максимальных усилиях по сохранению телесного здоровья, психика таких детей явно страдает, т. к. они являются нарциссическим расширением своих матерей и живут не своей жизнью, а отыгрывают в жизни то, что родитель не смог прожить сам. Фантазия желаемого в этом стиле может быть сформулирована следующим образом: отец увидит меня (в глазах матери я не отражаюсь); фантазия бедствия: я воплощаю тайные желания родителей, вместо реализации себя; фантазия защиты: я жертвую собой ради спасения родителей.

В каждом последующем стиле проработка страхов и травм детства происходит быстрее и уже выросшие в Душеубийственном стиле дети пытаются направлять свои воспитательные усилия в другом направлении, пытаясь быть «хорошими родителями» и ограждать собственных детей от тех травм,

Кроме половозрастных видов, аниме делится на жанры по типам сюжетов и участвующих в них персонажей.

Гаремы из персонажей обоего пола - настолько частая сюжетная линия в аниме, что заслуживают отдельного внимания: подросток в этом возрасте воспринимает любовь, как обладание, поэтому, чем большим количеством объектов любви он обладает, тем лучше.

которые получили сами. Опасаясь навязывать детям свои желания, они отказываются что-либо им диктовать, исходя из предположения, что дети сами лучше знают, что им нужно. Фактически же детей на психологическом уровне бросают, что делает этот стиль отчасти похожим на Оставляющий стиль предыдущего витка психогенеза, поэтому его можно назвать Душеоставляющим. Фантазия защиты в этом стиле будет звучать так: «Я отказался от отца/ матери». Основная травма этого стиля – невозможность се-

парации, поскольку в итоге ребенок остается с неинтегрированным образом матери, вместо него – целый набор незавершенных репрезентаций, которые обеспечивают своеобразную лоскутную структуру психики. В итоге формируется личность, отрицающая авторитеты и любую иерархию, имеющая коммуникативные проблемы, неспособная к последовательному встраиванию в традиционную корпоративную систему. Отсюда бегство в виртуальную реальность, дауншифтинг, социальный эскапизм, а также клиповое мышление, функциональная неграмотность и т. д.

Опираясь на теорию Л. Демоза об этапах психоисторического развития, на гипотезу, высказанную И. Ю. Шлыковой, а также на специфические особенности современной японской культуры (феодалное устройство общества, (в котором роль феодалов приняли на себя корпорации), традиции поведения, моральные нормы, специфику религиозных верований и т. д.), можно сделать вывод о том, что японское общество, в силу ряда исторических причин, до сих пор не прошло тех стадий психогенеза, которые характерны для европейской традиции последних двух тысячелетий. Таким образом, этот социум все еще остается на стадии Детоубийственного и Оставляющего стилей, смягчив лишь внешнюю форму, в которую облачены особенности этих стилей воспитания (открыто убивать и бросать детей нельзя), но не изменив самой их сути. В Японии детоубийц не считают психически больными. Инфантицид – это древняя восточная традиция, у которой даже есть отдельное поэтичное название «мабики», то есть «прореживание» или «уничтожение цветов, которые засоряют огород». Оно воспринималось как проявление ответственности за благополучие живых членов семьи — как детей, так и взрослых [5].

В японском языке существует специальная терминология для убийства детей их родителями: ояко-синдзю – это убийство детей матерью с ее последующим самоубийством, икка-синдзю – убийство детей обоими родителями с их последующим самоубийством. Причем это действие трактуется, как забота родителя о своем ребенке, а ребенок при этом воспринимается, как собственность родителей (особенно это касается матери) [1], [6]. Эти явления достаточно интересны сами по себе и заслуживают отдельного исследования.

Европейское общество, переживая начало следующего витка психогенеза, войдя в Душеубийственный и Душеоставляющий стили, любопытным образом совпало с аналогичными, но более архаическими традициями японской культуры. Именно это

совпадение начальных стадий двух разных витков психогенеза: похожие травмы, аналогичные страхи и защитные фантазии, вероятно, во многом и обеспечили популярность культуры аниме в наше время.

Незавершенная сепарация и «лоскутность» психики детей, выросших в Детоубийственном и Душеубийственном, а также в Оставляющем и Душеоставляющем стилях воспитания, поиск опоры и коммуникации вне семьи, защитные фантазии – все это находит свою реализацию в рамках аниме. Фанатские аниме-сообщества являются, своего рода, аналогом рыцарского ордена или монашеского братства Средневековья со своей системой ценностей, реликвиями, ритуалами и даже религиозными праздниками (см. фестивали аниме, косплея и т.п.).

Ранние сепарационные травмы, касающиеся младенческого периода, дополнительно резонируют с процессами, происходящими в психике подростка. Проблемы сепарации в этом возрасте вновь актуализируются и на новом уровне настоятельно требуют своего решения, отягощаясь нерешёнными ранее конфликтами.

Для подросткового периода характерно разделение Эго и Ид. В процессе формирования более сложной структуры, Эго движется к большей автономии, его функции развиваются и становятся более устойчивыми: появляется способность к системному обучению, развивается память, возникает возможность прогнозировать развитие событий, появляется некоторая терпимость к напряжению и способность отличать реальность от фантазии, а также мысль от действия. Интересно, что процессы смешивания мыслей и действий и последствий воздействия на реальность таким способом часто встречаются в аниме с магическими сюжетами и являются основой ряда популярных сериалов. Одним из ярких примеров является «Тетрадь смерти» (рис. 8).

Рис. 8

Тетрадь, давшая название сериалу, случайно попадает в руки гениального (а как же иначе!) японского школьника по имени Лайт Ягами. Эту тетрадь от скуки направил в мир людей один из богов смерти Рюк, чтобы посмотреть, что люди будут с ней делать. Лайт – сын полицейского – использует эту тетрадь для наведения в мире справедливости согласно своим представлениям. Для того, чтобы убить человека, нужно написать в тетради его настоящее имя и представлять его лицо (т. е. этот человек должен быть знаком пишущему). Кроме того, тетрадь может перекраивать реальность (в определенных пределах), поэтому желаемые обстоятельства смерти также можно заказать. Реальность, однако, берет свое и в финале главный герой после целого ряда убийств, погонь и интриг, погибает в перестрелке с полицией. Идея изменения реальности и власти над жизнью других людей, осуществляемой фактически с помощью мыслей (мысль = действие), оказалась крайне популярной, и обеспечила сериалу широкую аудиторию фанатов не только в Японии, но и в США, и в России.

Уровень социального развития общества является прямым следствием бессознательных фантазий, которые являются результатом трансформации детских страхов и желаний, сформированных специфическими параметрами воспитания.

Кроме замены родительской поддержки и реализации защитных фантазий, аниме также играет роль своего рода переходного пространства (или пространства иллюзии/ фантазирования), о котором писал в своих работах Д. В. Винникотт: «Я настаиваю на положении о промежуточном состоянии между беспомощностью ребенка и ростом его способности понимать и принимать реальность. Поэтому я изучаю иллюзии, данные ребенку, которые во взрослой жизни являются неотъемлемыми составляющими искусства и религии, а также становятся признаком безумия, когда че-

ловек слишком сильно давит, «играет» на доверчивости других, побуждая признавать и разделять иллюзии, которые не являются их собственными. Если мы признаем иллюзорный опыт, то, при желании, собравшись вместе, мы сможем разделить на группы на основании сходства нашего иллюзорного опыта. Это и есть естественная основа возникновения групп среди человеческих существ» [3, с. 6].

Переходное пространство интересно тем, что оно не является в полноте нашим, оно может быть охарактеризовано, как или созданное, или найденное одновременно, что позволяет ему быть частично свободным и от принципа реальности, и от требований суперэго: «Переходный объект и феномен перехода дают каждому человеческому существу «в дорогу» то, что навсегда останется важным – нейтральную область опыта, которая не будет отнята или оспорена. Можно сказать, что переходный объект – это суть такого соглашения между нами и ребенком: мы никогда не спросим: «Ты это сам себе представляешь, или тебе это показывают извне?» [3, с. 14].

В случае неудачи развития у подростка формируется девиантное приспособление: инфантильные формы высвобождения стремлений интенсифицируются, создавая

Главная причина
всех исторических
изменений–психогенез:
закономерная смена
стиля воспитания
детей под давлением
поколений.

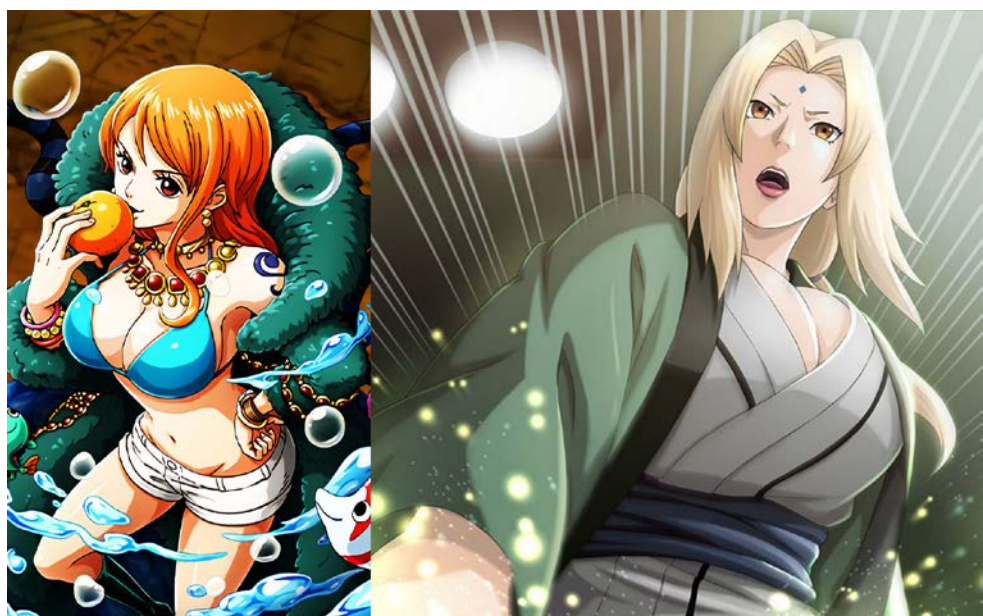
Рис. 4

закамуфлированную устойчивость на незрелой стадии эмоционального развития. Возможно, именно с этим связаны ярко выраженные в сюжетах и визуальной части аниме признаки использования примитивных защит: расщепления, проекции, всемогущего контроля, идеализации/обесценивания и проективной идентификации.

Возрастающие требования принятия реальности, необходимость «взрослой» социализации, усиливающиеся атаки суперэго, девиантное приспособление в случае неудачи развития Эго – все это находит свое место в переходном мире, которым становится аниме. Оно поднимает проблемы, отличные от детской анимации, в том числе и табуированные в ней темы (смерть, насилие, сексуальность, инцест, различные перверсии), совпадая в своей визуальной стилистике с бессознательными ожиданиями зрителя: плоское пространство, практически без светотеневой моделировки, четкая граница тела и предметов, декоративность, специфические нарушения анатомии – знаменитые анимешные глаза (большие, как у младенцев) (рис. 4), преувеличенных размеров круглая грудь у женских персонажей (фантазии о материнской груди, наполненной молоком) (рис. 5) и т. д.

Люди со сходными
фантазиями
бедствия, защиты
и желаемого
формируют
психоклассы,
объединенные
общими групповыми
фантазиями.

Рис. 5

Фанатские аниме-сообщества являются, своего рода, аналогом рыцарского ордена или монашеского братства Средневековья со своей системой ценностей, реликвиями, ритуалами и даже религиозными праздниками.

Подводя итог размышлениям о причинах значительного интереса современных подростков к аниме-фильмам, обратимся к главному вопросу, волнующему современных родителей, психологов, психотерапевтов – стоит ли запрещать смотреть аниме детям и подросткам?

С одной стороны, как и любой другой феномен культуры, аниме возникло неслучайно, поэтому простой запрет на просмотр вопрос не решит, ведь бессознательные фантазии от запрета никуда не исчезнут. Однако цензурировать то, что смотрят дети, все же необходимо, поскольку аниме-сериалы бывают самого разного содержания и уровень насилия во многих из них очень высокий. В значительном количестве сериалов так же присутствуют инцестные сцены и сюжеты, различные сексуальные, в том числе и перверсивные сцены.

Важно помнить и о том, что в японской культуре ни инцест, ни самоубийство, ни однополые отношения не являются чем-то абсолютно неприемлемым.

Также аниме может послужить своего рода «убежищем», местом, в котором подросток дозревает до столкновения с реальностью в том случае, если в младенчестве такой возможности он не получил в достаточной степени. Поэтому то, чем станет аниме: потенциальным пространством или местом, в котором монотонно отыгрываются инфантильные формы высвобождения влечений, зависит от самого подростка, его выбора, глубины травмы и ряда других факторов.

Для терапевтов и аналитиков аниме-сериалы, которые смотрит клиент-подросток, могут стать отличной развернутой метафорой, богатым символическим материалом и помочь в процессе работы.

В рамках жанра действует целый набор инструментов, позволяющих продлить переходное состояние, дать вызреть и разрешиться тем конфликтам, которые не получили адекватного разрешения в раннем младенчестве. Такое пространство дает возможность на время избежать жестких требований реальности и нападений суперэго, защищаясь от них магическими законами, фантастическими обстоятельствами, наличием суперсилы, супертехники или другими вариантами читьерства.

Если мы признаем иллюзорный опыт, то, при желании, собравшись вместе, мы сможем разделить на группы на основании сходства нашего иллюзорного опыта. Это и есть естественная основа возникновения групп среди человеческих существ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Банников К. Национальные особенности суицида // Anthropological Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://antropya.com/articles/18/65/>
2. Блос П. Психоанализ подросткового возраста. / Изд. 2-е электронное // М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016.
3. Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. // Фрейд-лакановский психоанализ [Электронный ресурс]. URL: https://psychoanalysis.by/wp-content/uploads/2018/05/playing_reality.pdf?189db0&189db0
4. Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000
5. Масака. Mabiki. Методы детоубийства в Японии. // Masara. Невидимая Япония [Электронный ресурс]. URL: <https://masakaru.ru/lyubopytnye-fakty-o-yaponcax/strastichelovecheskie/mabiki-metody-detoubijstva-v-japonii.html>
6. Прасол А. Япония: Лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. // Tinlib.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.tinlib.ru/kulturologija/japonija_liki_vremeni_mentalitet_i_tradicii_v_sovremennom_interere/p17.php
7. Шлыкова И. Ю., Симонова А. В. Психогенез и культура. Транскультуральные аспекты психогенеза // Психосексуальность: гендер, идентичность, отношения: тезисы докл. международ. научно-практ. конф (Екатеринбург, 1-3 февраля 2019 г.). – Екатеринбург, 2019. – С. 80-87.

«Наусика из долины ветров» Хаяо Миядзаки

Черникова Анастасия Юрьевна

- Клинический психолог, психоаналитик
- Сертифицированный специалист ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Преподаватель Уральского Федерального Университета)

В фильме-аниме Хаяо Миядзаки (Япония, 1984 г.) «Наусика из долины ветров» настолько много смысловых пластов, что никакого отведенного времени не хватит, чтобы осмыслить все темы, затронутые его гениальным создателем. Тем не менее, я попытаюсь предложить вам собственное понимание «Наусики».

На протяжении всей истории человечество ведет войны. И по мере развития технологий оружие становится все более изощренным и мощным.

Вторая мировая война. Японская Империя, объединившись с фашистскими Германией и Италией, активно ведет

Девочка с раскинутыми руками

Девочка и ом стоят перед толпой бегущих омов

военные действия по захвату территорий и уничтожению населения соседних стран, в том числе, сбрасывает на соседние государства биологическое оружие, отравляет воду в колодцах Китая, население которого мучительно гибнет от привнесенных болезней еще долгие годы после окончания войны.

Для Японской Империи Вторая мировая война останавливается после взрывов ядерных бомб, сброшенных США на Хиросиму и Нагасаки. Сотни тысяч жертв и годы мучений для сотен тысяч других. Это предел – японские лидеры не готовы к разрушениям и человеческим потерям такого масштаба (тем не менее, они случаются как фактическое событие), Империя объявляет о своей капитуляции. Это решение также останавливает и войну с Советским Союзом... Японская Империя становится просто государством Японией. Мир висит на волоске...

Постапокалиптический мир. Уцелели небольшие группы людей и крошечные островки земли, относительно пригодные для жизни. Природа отравлена последствиями войн и промышленного производства: вода, земля, воздух – все требует особой осторожности и защиты. Без респиратора воздух слишком опасен для легких. Ядовитое Море Распада и лес, населенный Омами и огромными

Одной из ключевых идей аналитической психологии является утверждение, что сознание и бессознательное находятся друг с другом в отношениях компенсации. Сознание и бессознательное в данном сюжете состоят в отношениях войны.

насекомыми, засеянный ядовитыми спорами грибов и другой опасной растительностью. Дикий отравленный мир, объединенный в цельную систему, пытающаяся яростно и слепо сохранить природную жизнь и избавиться от токсинов и ядов. И, возможно, от людей тоже.

На постапокалиптическом фоне их крайне ограниченное сознание особенно заметно, они выжили на обломках прежнего мира, но ничему не научились и пытаются ехать по старым рельсам разрушения... Продолжают ожесточенно воевать друг с другом и отравлять природу. Путь, ведущий в тупик, к окончательному уничтожению, отчетливо демонстрирующий нежизнеспособность текущей установки сознания большинства людей, отражающей потерю связи с целым.

Одной из ключевых идей аналитической психологии является утверждение, что сознание и бессознательное находятся друг с другом в отношениях компенсации. Если мы рассматриваем города людей как область сознания, то Лес и Море Распада представляют бессознательное. Сознание и бессознательное в данном сюжете состоят в отношениях войны.

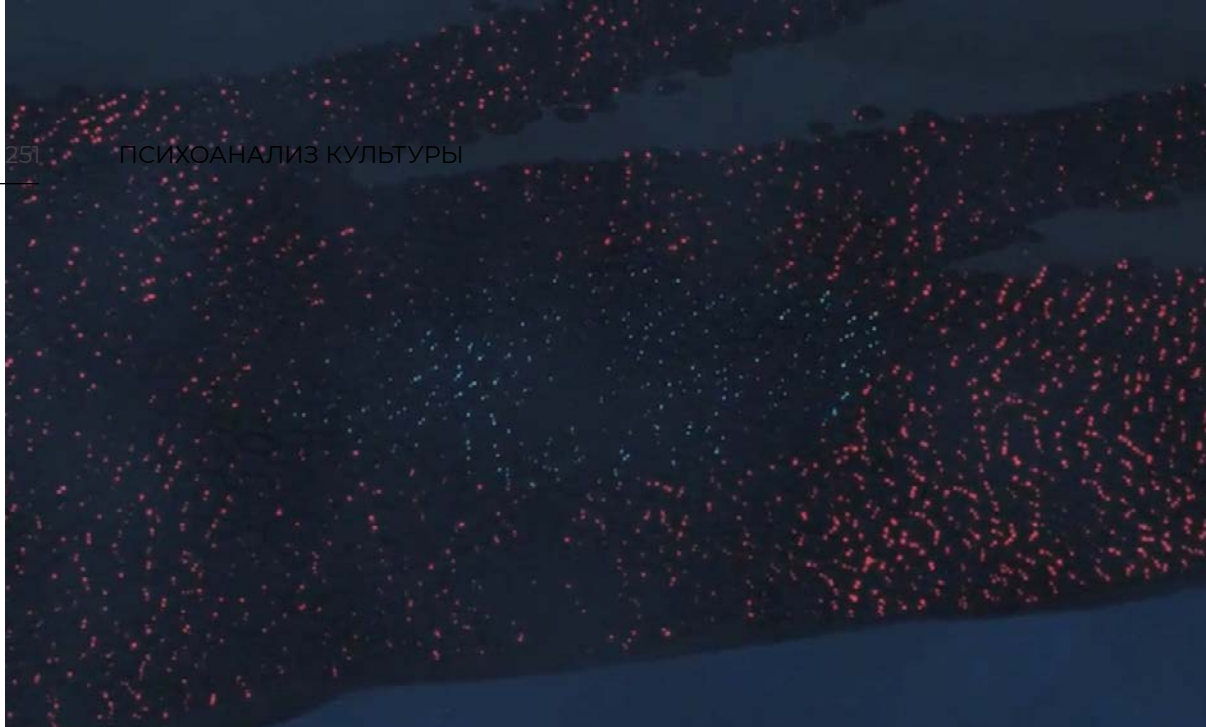
Омы и Насекомые – это образы, указывающие на примитивные структуры автономной нервной системы и представляющие собой архетипические программы – человечество готово самоуничтожиться, подрывая основы собственной жизни и вызывая ее поворот против себя. Это как в состоянии одержимости подрубить сук, на котором сидишь, и, яростно размахивая топором войны, сорваться в бездну.

Есть ли выход?

Их сметают

Миядзаки показывает нам тупиковость паттерна войны и необходимость выхода из него. Но выход происходит через признание собственного состояния, а не через обвинение другого.

Ярость гаснет (синее пятно в центре красного)

Хаяо Миядзаки ищет его и пытается показать нам.

Установка сознания, представленная старым королем, отходит в прошлое, он, наверное, один из лучших представителей своей эпохи, но он уже слишком слаб от старости и болезней (последствий радиации).

Учитель Наусики, хотя и обладает пытливостью ума и мудростью, не может проникнуть в тайну леса и найти с ним подлинную связь. В фильме есть момент, когда он спасается от разъярённого Ома бегством, а Наусика выручает его, умиряя Ома и помогая ему вернуться в лес.

У Наусики, главной героини фильма-аниме, другая установка сознания. Эта установка ориентирована на открытость и связь с целым. Наусика – дитя своего общества, но у нее есть контакт с лесом, и с насекомыми, и с Омами.

Когда при очередном нападении предательски убивают ее старенького отца, на какие-то мгновения она тоже становится одержима яростью, как огромный Ом с наливыми кровью глазами, и как маленький зверек, загнанный в угол, но она способна выйти из этого состояния, встать над ним. Одна из немногих, она сумела справиться с собственным страхом и с яростью, что дало ей возможность видеть дальше и глубже других. Хаяо Миядзаки показывает нам тупиковость паттерна войны и необходимость выхода из него. Но выход происходит через признание собственного состояния, а не через обвинение другого. Как писал Карл Густав Юнг, если бы люди

были способны иметь дело с собственной Тенью, в войнах бы больше не было необходимости.

Наусика обнаруживает, что лес способен самоочищаться, этот процесс происходит на глубинных уровнях, и что яд – это не свойство Леса и Моря Распада, а последствие глобального отравления природы, которое она медленно перерабатывает, проявляя свойство живого к самовосстановлению;

Продолжение войны всегда пробуждает еще более глубокую ярость, слой за слоем, пока не останется ничего, кроме основы основ, из которой может вырасти новая жизнь, потому что прежняя потерпела фиаско.

что яростные нападения Омов на остатки человеческих городов и распространение Леса с ядовитыми спорами грибов на самом деле останавливают разрушительность человеческих действий. И что продолжение войны всегда пробуждает еще более глубокую ярость, слой за слоем, пока не останется ничего, кроме основы основ, из которой может вырасти новая жизнь, потому что прежняя потерпела фиаско.

Так ради чего останавливаться?

Ради жизни. Одержимость механистична. У людей она передана через разные формы оружия и защиты, а полчища Омов бегут с налитыми кровью глазами и вытаптывают все на своем пути. Их нашествие не останавливается, даже когда Наусика встает на пути их слепого яростного бега с личинкой малыша-Ома, раненым детенышем, пострадавшим и нуждающимся в спасении, как и сама героиня, розовое платье которой становится синим, пропитавшись кровью её ран, и кровью малыша. Они оказываются в центре войны. Они еще дети, представители враждующих сторон, в них максимально проявлена жизнь, они – носители будущего.

Но достаточно ли этого, чтобы остановиться?

Их затоптали.

Хаяо Миядзаки постепенно раскрывает перед нами христианский сюжет, и в конце фильма мы надежно оказываемся в христианской мифологии. Только на кресте – в точке противостояния – оказываются дети, они принимают на себя страдание мира. И мы проходим вместе с ними через Смерть и Воскресение к надежде на новую жизнь и новую установку – на связь и на жизнь.

Туда, где ветер и пшеничное поле, где маленькая девочка и маленький Ом еще играют вместе, где слышна детская песня и где все живы.

Погибшая девочка лежит на золотых усиках омов

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Полина Владимировна Калашникова занимается художественной фотографией и абстрактной живописью. Творчество для нее – это алхимия. Дизайн, живопись и фотография – инструменты, помогающие создавать атмосферу. Полине Владимировне нравится искать ракурсы, в которых привычные вещи могут стать чем-то незнакомым, притягивающим, даже пугающими, как скользящие тени от ветвей на стене. Она может часами всматриваться в эти странные формы и улавливать что-то знакомое. Важно не пропустить этот момент превращения и поймать его.

Ее вдохновляют сочетания разных материалов в работе. Все то, что может создать непредсказуемый эффект. Это помогает передать ощущение неуловимости момента. Происходит постоянная трансформация простого в сложное и наоборот. Так она рассказывает истории, которые воспринимаются без слов, на эмоциональном уровне.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

**Лещинский
Ярослав Николаевич**

14 декабря 2023 года на 56-ом году жизни скоропостижно скончался в результате остановки сердца российский психоаналитик, тренинговый аналитик ЕАРПП Лещинский Ярослав Николаевич.

Ярослав Николаевич родился 21 сентября 1967 года в городе Куйбышев на реке Волга в семье инженеров. После окончания средней школы Ярослав поступил в Уральский горный институт на специальность геофизик. Тогда же он начал заниматься в спелео-клубе. Во время службы в армии в Монголии он уже имел интерес к психологии и бессознательным процессам, определяющим жизнь и судьбу человека. В 2008 году Ярослав завершил образование в Уральском госуниверситете имени А.М. Горького по программе «Психоанализ» и стал активно участвовать в жизни Психоаналитического сообщества.

Ярослав страстно увлекался путешествиями. Вместе с женой Вероникой изъездили добрую половину земного шара, но особую притягательность для него имели «Севера», как он выражался. Далекие сибирские озера в самых глухих уголках были местом отдыха и переживания мистической силы. Ярослав любил слушать легенды и предания местного населения, исследовал шаманские верования. Сам был квалифицированным специалистом по холотропному дыханию и нетрадиционным техникам переживания измененных состояний сознания.

Смерть Ярослава наступила внезапно во время отдыха в Тайланде и стала огромной потерей для его семьи, Психоаналитического сообщества и его анализантов. Прах его был перевезен на Родину и, согласно завещанию, часть его будет развеяна по ветру на реке Волга в г. Самара, вторая часть над озером Крестовый Сор в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Светлая память об этом человеке сохранится в наших сердцах.

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

ISBN 978-5-6048201-9-3

9 785604 820193